

РИЖСКИЙ альманах

Книга 7 (12)

РИЖСКИЙ альманах

РА7

ПРОЗА
ПОЭЗИЯ
ПУБЛИЦИСТИКА
ОБЗОРЫ
ПЕРЕВОДЫ
КРИТИКА

№ 7 (12)

Рига, 2017

Издается при поддержке Министерства культуры и Союза писателей

Kultūras ministrija

ITERĀRĀ KADĒMIJA

Latvijas Rakstnieku savienība

В оформлении обложки использована работа Виктории Пельше из посвященного юбилею скульптора фильма Анатолия Репше и Людмилы Нукневич «Живое».

Редакционная коллегия:

Т. Зандерсон

Е. Матьякубова

Вл. Новиков

Рук. проекта Борис Равдин

Гл. редактор Ирина Цыгальская

Корректор Елена Васильева

Художник Виктория Матисон

ISBN 978-9934-8636-1-5

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции

ЛОРК 2017

© Авторы, тексты

© Состав, оформление

СОДЕРЖАНИЕ

Велга Криле. Стихи. Переводы Э. Секундо, Ю. Касянича, И. Цыгальской . . .	5
Кнут Скуениекс. Заклинание родного языка. Перевод О. Петерсон	8
Евгения Ошуркова. Какая жизнь произошла...	11
Сергей Шилкин. Петербургские тайны	14
Павел Астров. Проговори себя и стань собой...	16
Василий Ганжара. Ночной бал	19
Улдис Берзиньш. «Эй Мюленбах». Три перевода: Ю. Цивьян, О. Петерсон, С. Морейно	20

ГОСТИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Андрей Полонский. «Кастоправда». (Предисловие)	22
Дмитрий Григорьев. Плачешь о пустых днях, о трудах бессмысленных...23	
Валерий Земских. «Ангела позовите...»	24
Анастасия Романова. «Двенадцать простых отмычек»	26
Арсен Мирзаев. «когда девушка цвета фламинго...»	28
Андрей Полонский. Выбора не существует	30

ПРИЗ СИМПАТИЙ «РИЖСКОГО АЛЬМАНАХА»

Алена Асенчик. Когда наступает время	32
Майя Шварцман. «...но не хватает букв...»	32

ЧЕМПИОНАТ БАЛТИИ по русской поэзии – 2016

Дмитрий Артис. Сонеты	34
Олег Бабинов. Московский снег	35
Ирина Ремизова. Про подойник; Застань меня	36
Иван Клиновой. «Кто тебя научил ненавидеть...»	38
Марина Немарская. «Ах, молодость, корабль у мостовой...»	38
Алена Рычкова-Закаблуковская. Дерево	39

КУБОК МИРА – 2016

Игорь Григоров. Провинциальный романс	40
Александр Кручинин. Ты прости, Мухаббат	41

СЕМИНАРИСТЫ

ОКТАБРЬСКИЙ СЕМИНАР – 2015

Лана Никитина. Три стихотворения	42
Михаил Селифанов. Почти Картагена I, II	43
Валерий Крижевич. «Дует, дует – насквозь через сердце...». «Тихо-тихо...» 44	

ОКТЯБРЬСКИЙ СЕМИНАР – 2016

Варвара Трухан. Из моего быстрого «блокнота официанта». Рассказ . . .	47
Диана Пискун. Миниатюры. Стихи	49
Василий Карасев «Наши холмы похожи на дыни...»	53

ПРОЗА

Владис Спаре. Там все записано. Рассказ. Перевод Виолы Ругайс	56
Владимир Ермолаев. Рассказы	65
Вячеслав Свечков. Надувной Ленин. Рассказ	68
Ирина Вахитова. Немые диалоги. Повесть	80

ВОСПОМИНАНИЯ

Янис Стрейч. Сокол ты, сокол.	123
--	-----

СТАТЬИ. ПУБЛИКАЦИИ

Роман Тименчик. Латвийские топосы и локусы в русском стихе	164
Борис Равдин. «Свет незакатный» (Из писем читателей Ивану Бунину) .	183
Н. Петренко. К биографии министра-президента Латвии К.Ульманиса (1940-1941 гг.)	195
Б.Р. Поворот направо кругом. (Записка прокурора Солднека)	200
Из истории художественной самодеятельности советских исправительно-трудовых лагерей. Публикация Б.Равдина	204

МЕЖДУ ЖАНРАМИ. ОТКЛИКИ. РЕЦЕНЗИИ

Сусанна Черноброва. Из книги «Электронная почта 2»	217
Владимир Френкель. С точки зрения пешехода. (Н. Гуданец. «Сцепленье предмета и взгляда». Рига. 2016.)	225
Людмила Нукневич. «Я хочу быть понят и т.д.» (В.Глушенков. «Ветка вербная». Рига. 2016.)	229
Я молчу. (Инесе Лусиня беседует с режиссером Виестуром Кайришсом. Перевод Л. Н.)	234

ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Надежда Веселая. К работам детей. (Выставка «Латвия – земля моряков!») . . .	244
Владимир Новиков. Раймонд Паулс. 55 лет на сцене – песни маэстро	246

ГОДОВЩИНЫ

Людмила Нукневич. Идешь взглядом по скульптуре, и та начинает двигаться... Размышления post factum по случаю тихого юбилея Виктории Пельше	250
2016 год	257
Сведения об авторах	259

Велга Криле

Переводы Э. Секундо

* * *

Всего лишь отблеск розы красной,
всего лишь тень руки простертой,
всего лишь отблеск губ тех горьких,
всего лишь отблеск, ни к чему мне больше,
не возникало и не исчезает,
не знаешь, отпустить или вцепиться,
оно лишь отблеск, тень, к чему мне больше,
и шепчешь тихо: «Было ли вообще...»

* * *

Нет смысла в чудных пробужденьях,
Нет смысла в дивных бликах света,
Нет смысла никакого в пенье птичьем,
Напрасно тьмы нас таинство влечет,
Я на обочину дорожную присела,
Зачем свой путь невнятный продолжать,
Пропавшим, сбившимся с пути не стоит
Резоны в возвращении искать.
Люблю тебя без памяти, безумно.
Но, может быть, сокрыт в безумье ум?
Нет смысла в дивных бликах света,
Ворота призрачны, зачем их озарять?
В чем красоты предназначенье,
Как смысл за гранью смысла обретем,
Поймем ли бесконечности явление,
Когда в её объятья попадем?..

Переводы Юрия Касянича

* * *

Мир с каждым днем боится тяжести своей
все больше, мы играем в карты, а в подворотне
тишины – котёнок одуряюще мурлычет, и звезды
красные горят в костре последнем, который
запалил пастух; а монотонно-монотонный
звук – протяжный дождь; через полено, что еще
не загорелось, переползает медленный паук.

* * *

Оно приближалось беззвучно – змеєю в траве.
Оно уходило неслышно, как тающий снег.
Не знаю я, а почему люди так смерти боятся,
Коль с жизнью они каждый день расстаются.
Возьми мои руки, закрой ими глаза,
Скажи мне – какого цвета ветер в каштанах,
Скажи мне – в какую из полночей нас похоронят,
Когда ни в одном из нас больше не будет души.

* * *

Синий лес подходит ближе – взором, полным молний,
Добрый человек, помедли, слова не промолви,
Белоснежна, незаметна, напевая песню,
Прячется зима моя за дремучим лесом.
Солнце, ты опять уходишь в высохшие травы,
Я в смятенье, что мне делать, я не знаю, право, –
Люди, дальше – за зиму, и за лесом синим
Сирота-любовь укрылась небом серосенним.

Перевод И. Цыгальской

* * *

... сквозь зов бесконечно многих мой зов – молчанье,
в прозрачных и мутных звуках вздыхает ночами высь
поднебесная,
как взять, задержать образ? – всё так бессвязно,
будто разбитая в искры капля в темноте на моей ладони,
века твоим взглядом пронизаны, – я придержу время –
еще минуту одну, еще жизнь и кущи загробные –
что было всё прочее вне этой великой нежности? –
прочее всё, может быть, только муки, мы шли
через них – бытие заслужить как будто стараясь,
на рыночной площади сквозь мириады пылинок цирк снова
сверкает
и дешево в нем покупаем небесное синее чудо, –
что забыть мы хотим, когда там акробат умирает? –
в узел морской связало дыханье, сосны в лучах заката,
пылинки на солнце и валерьяну, цветок в тени на ветру и мое
молчанье ли, снег ли в мире другом, глубокий
и белый, ноги увязнут, дальше ни шагу, падает снег...

Кнут Скуениекс

Переводы О. Петерсон

В издательстве Pētergailis впервые вышел сборник стихов Кнута Скуениекса (1936) в переводе на русский язык с параллельными оригинальными текстами (авторизованный перевод и составление Ольги Петерсон). В сборнике 101 стихотворение, его построение дает возможность проследить творческий путь поэта от первой до последней книги.

Заклинание родного языка

останься со мною слово
хоть слогом хоть ультразвуком
ума моего напейся
заточенный остро комар
останься и дольше и дальше
за обмороком за стуком
и если хоть что-то имеем
ты и есть наш единственный дар

на черепках останься
врастай словно корень тучный
в эсперанто в дезэсперанто
или как там его зовут
хоть чёрточкой нарисуйся
на ткани или на туче
хоть сорняком останься
на поле где сеют и жнут

тобой говорю останься
руки-ноги тебе ломаю
склоняю служить мне и многим
больше чем ты горазд
моря и горы исчезнут
человек свой дом не узнает
но будет слушать пространство
и оно тебя передаст

1969

М + К + Ч *

полдень в зените в самом зените влажный полдневный жар
в пущах от стариц и топей восходит в небо хрустальный пар

и запах багульника запах смерти запах сфер и миров
и криница откуда мы пьём двоится в небе среди паров

и кашель железных воронов троится летя в вышину
и червонцы горстями лупятся и падают под сосну

и озеро замерзает в жару скачет конь на тумане гнедом
и звездистыми голосами блеют овцы сломав окоём

дуб великан с горы как с трона пристально смотрит в нас
у него подземельное ухо у него замогильный глаз

под тысячелетним песком проснулся сонный морской прибой
это тот призрачный час который умирая возьмёшь с собой

мы не знаем себя и тому виною влажный полдневный жар
для внуков и правнуков застывает в небе хрустальный пар

1975

* * *

ветра несутся в свистопляске
и колокол угас почти
и меркнет зрение от встряски
в утробе семя пусто вязко
но жаждет силу обрести

мне ветром рот зальёт до края
лишая лёгкости дышать
я не беру не возвращаю
я шурф для слова пролагаю
чтоб до ядра земли достать

1975

* Инициалы Микалоюса Константиноаса Чюрлёниса.

* * *

мой август мой всадник пастух господин
из года оставлю я август один

умом не уважит прикажет желать
до звёзд и до слив и до сердца достать

и ясное эхо и дальняя боль
и смерть и рожденье и соты и соль

1996-2008

* * *

и гнев и мудрость всё уже забыто
так чисто небо

как слезой омыто
где месяц незнакомый молодой
с зеленовато-пепельной звездой
не саднит стыд и страх не угнетает
и вождение себя смиряет
черту подводит

слабый птичий крик

как век наш короток
как он велик

1996-2008

Евгения Ошуркова

КАКАЯ ЖИЗНЬ ПРОИЗОШЛА...

Сердце поэта

Бедное сердце поэта
Ждёт городскую любовь –
И ничего, что об это
Столько расшиблено лбов.
Что и не сладить с любовью
И не стоять под венцом...
Мне ли бояться злословья –
Я его знаю в лицо.

Вся наша тонность и чинность
Только ошибка да боль.
Что бы с тобой ни случилось –
Я буду только с тобой!
После войны и разрухи
Выйду встречать на крыльцо...
Мне ли бояться разлуки –
Я её знаю в лицо.

Что ж я понять не умею,
Чем ты сегодня томим?
Что же мне профиль камеи
Видится рядом с твоим?
Плюсы твои несомненны,
Ты не бывал подлецом...
Мне ли бояться измены –
Я её знаю в лицо.

Меченный тою же метой,
В тех же грехах преуспев,
Что же ты в песенке этой
Мой не подхватишь припев?
И удержать не стремишься,
И не строчишь письмецо...
Ты ничего не боишься –
Ты меня знаешь в лицо.

Обещание

Обещаю тебе тебя.

Наталья Александрова

В этой комнате нынче темней, чем всегда,
Да и ветер сильнее завывает в трубе.
Но тебя не коснётся зима никогда.
Обещаю тебе, обещаю тебе!

Обещаю, что будет твой век золотым,
Позавидует всякий подобной судьбе,
И что долго ещё будешь ты молодым,
Обещаю тебе. Обещаю тебе!

Где бы ты ни забылся, смертельно устав,
По какой бы крутой ни поднялся тропе –
В вечном споре со мной ты останешься прав,
Обещаю тебе, обещаю тебе!

Обещаю тебе, что прохладной весной,
Растворяясь в счастливой и праздной толпе,
Ты пройдёшь по аллее уже не со мной,
Обещаю тебе, обещаю тебе!

Смугло-карий и весь из живого огня,
Может, только твой взгляд я оставлю себе...
Обещаю, ты сможешь прожить без меня.
И так будет всегда. Обещаю тебе!

А за это, мой друг, ни зовя, ни кляня,
В этой комнате, где с каждым днём всё темней,
Ты однажды мне скажешь, что любишь меня.
Обещай это мне. Обещай это мне...

* * *

Какая жизнь произошла вдоль этих улиц,
Кто ими шёл, вернее, плыл, как некий Улисс,
Какие двери открывал, в каких подъездах,
С кем из соседей говорил об их болезнях?

Когда луна в окно грошом сияла медным,
Он представлял, что мир остался неизменным.
От самых юных дней его до самых поздних
Стоят деревья и дома всё в тех же позах.

И, самому себе отчёт отдав едва ли,
Какие образы его одолевали,
Он снова видел те дворы и переулки,
По коим в детстве совершал свои прогулки.

Замедлим шаг и разберёмся по порядку:
Похоже, здесь снесли торговую палатку,
Где огурцы и помидоры продавали,
Где зеркала им изобилье придавали.

Ах, изобилье прошлых лет и прежних истин,
Откуда путь благими помыслами выслан,
Где набегала жизнь, как слёзы на ресницы,
И не догнать её, и не остановиться...

И мы опять с тобой, мой друг, к тому вернулись,
Какая жизнь произошла вдоль этих улиц,
Прошелестела, словно ветер в цветах и гроздьях,
От самых юношеских лет до самых поздних.

Петербургские тайны

Я гулял вдоль Невы, где за век – никаких изменений,
Где на старой стене след воды от былых наводнений.
Посетил Эрмитаж, был в театре на «Пиковой» драме,
И, уйдя с площадей, я бродил проходными дворами.
Всё смешалось во мне: половодья, протоки, каналы,
Анекдоты, романы, легенды, преданья, анналы,
Бесконечность дуэлей, балы, с аксельбантами звёзды
И, из камня, в классическом стиле, дворянские гнёзда.
Снег кружился по льду вдоль канала, позёмкой влекомый.
Здесь жила Лизавета – прамасть моей близкой знакомой.
В лунной дымке их дом. Я найду – ничего не задену –
И увижу, что видеть нельзя сквозь эпоху и стену...

Тонкий запах лимона – в стакане сухая Melissa.
У окошка сидит, в ожидании, бедная Лиза.
Лиза, полночь настала – а Германна нет и в помине.
Может, снова с друзьями бюджеты верстает в кабмине?
Если б так, но, увы...
Я не мот, не пройдоха, не Joker,
Но готов на ломберном столе раскидать с тобой покер,
Чтоб утешить тебя. Но не слышит меня Лизавета.
В темноте бой часов и мерцанье лампадного света.
Небо сыплет снега и они, пав на землю, не тают.
Душу мне любопытство и жажда познания снедают.
По моим телесам растекаются жар и истома.
Манит вглубь тишина и сакральность старинного дома.
Скрип сухих половиц, за портьерой «газон» из левкоев.
Я в потёмках, на ощупь, добрался до барских покоев.
Дверь открылась. Туда б не вошёл – мне сказали бы если,
Что сидит там, как мрамор, старуха в вольтеровском кресле.

И, увидев старушку, ей бью, с извиненьем, поклоны.
Но графиня молчит и глаза у неё непреклонны.
На старушечьих плечиках кошкой облезлой шиншилла.
Вдруг раздался щелчок... И старушка как будто ожила.
Мну со страха картуз, козырёк пятернёй «парафиня».
«Три, семёрка и туз» – прошептала внезапно графиня.
И, вдогонку – рефреном – последняя бабкина фраза:
«Будешь, парень, богат, только если сыграешь три раза...»

Я совсем не игрок, мне не надо богатств Роттердама!
Ты мне в душу не лезь, окаянная чёртова дама.
Я из дома на улицу вылетел бешеной пулей.
Не дай Бог повстречаться опять с этой страшной бабулей.
Небеса над снегами чернее девчонки-чернавки.
Ищет призрак графини пропажу вдоль Зимней канавки.
Я сбежал от неё, нос уткнув в воротник-чернобурку...

Я бродил этой странной зимой по ТОМУ Петербургу.

Павел Астров

ПРОГОВОРИ СЕБЯ И СТАНЬ СОБОЙ...

Сад

То ли взят в перекрестие, то ли распят,
и в прицеле мелькают багровые сны.
Все дороги ведут в нерасстрелянный сад,
где могилы не вырыты, но учтены.

Там калитка – ровесница казней и смут,
а за ней, на развалинах света,
утро песен заветных

и новый приют.

И вокруг невесомые груши цветут
на прогнувшихся ветках.

* * *

Проговори себя и стань собой,
мучительно зелёною травой,
стань той,
к которой всуе не прильнёт
ничья спина, ничей живот,
никто чужой.
Стань берегом, который не знаком
с веслом,
нарушившим покой,
потом
стань камнем, лёгким изнутри,
стань всем, препятствия дробя,
проговори,
проговори себя.
Сон земляники, пение акации –
всё безымянное, чем дышит лес,
вне словарей, вне зрения, и без
потребности хоть как-то называться –
и это тоже ты, протяжный и живой.
Проговори себя и стань собой...

Выбор

Однажды в зеркале ответит мне старик.
Он улыбнётся грустно и лукаво
И облик мой – каким лекалом
Измерит, словно черновик?

Я – глина в жарких пальцах времени. Сейчас
Итог всей выплавки и не представлю:
Какой из миллионов Павлов
К нему придёт? Какой из нас?

Берёзовый сок

Сквозь объятия утра –
Сок берёз:
Песня перламутра,
Лёгкость слёз.
Твой покой целебный,
Миг – вовек.
Всё немое небо,
Рокот рек.

Память монолита,
Боль берёз.
Светлая молитва,
Мир насквозь.

Я ждал

Я ждал маршрутку. Может быть, любви,
а может быть, я ждал квадригу,
что явится с небес, лишь позови,
но ночь показывала фигу.

Мой взгляд скользил, вмерзая в забытьё,
на сваях натянулся крепко,
хоть вешай на него пейзаж-бельё,
зажав пернатою прищепкой.

Я огненных ждал колесниц, скрипя
хрустящим снегом у дороги.
А может быть, я просто ждал тебя –
двуокий. Но не одинокий.

Детство

Янтарный, чистый, сладкий свет.
Вокруг, искрясь, танцует утро, –
Незабываемый момент! –
Сплетаясь в утренние фрукты,

В обилие пузатых ваз,
Салатниц, соусниц, салфеток, –
Воистину здесь всё для нас! –
Здесь размножаются конфеты,

Всё ходят по столу, творя.
Идут направо – песнь заводят,
Налево – сказку говорят..
Их ем я, и во всей природе,

Во всей отчаянной судьбе
Уж торжествует сладость детства!
Живой травой колыбель –
Цветёт, густеет и смеётся.

НОЧНОЙ БАЛ

/ Баллада /

Весенней ночью при луне,
 В фосфоресцирующей сини,
 Купаясь, дремлют в тишине
 Нимфеи*, лотоса кузины.
 Но в полночь зашуршит трава,
 Вода в реке пойдет кругами,
 Качнутся видимо едва,
 Листы, покрытые цветами.
 И нимфы дивной красоты,
 Отбросив пасма вязкой тины,
 Неслышно выйдут из воды,
 В реке пристанища покинув.
 Воздушной праздностью легки,
 Оставив сумраки пучины,
 Вплетут, сорвав, в свои венки
 Нимфеи, лотоса кузины.
 И выйдут на берег играть,
 Украсив головы венками,
 У каждой – королевы стать
 И взгляд с зовущими глазами.

Их нагота воздушных тел,
 Пленит красой необычайной,
 Но взгляды, словно жала стрел,
 Сразят, кто овладеет тайной.
 На берегу у тихих вод
 Начнутся танцев их смотрины,
 Где украшают хоровод
 Нимфеи, лотоса кузины.
 Ликует нимф подлунный стан
 Всю ночь до самого рассвета,
 Пока предутренний туман
 Укроет сцены этикета.
 Но лишь коснется он реки
 Уходят в воду нимфы с бала,
 Там их владенья широки
 И лож готовы покрывала.
 И вновь затихнет гладь воды,
 Где скрылись призрачные феи.
 Оставив на траве следы –
 В венках увядшие нимфеи.

* Нимфея – кувшинка (водяная лилия).

Улдис Берзиньш

ЭЙ МЮЛЕНБАХ*

[Три перевода]

Перевод Юрия Цивьяна

Одни лишь основы под небом нем мой язык
шепелявит откушенным кончиком корчитя
белую кровь глотаю эй
Мюленбах выкорчуй пни заплетаются ноги
в основах сквозь чащу никак не прорваться эй
Мюленбах дай окончаний в язык повтыкай
чтоб склонять его ствол чтоб ветвился чтоб сам
я как иволга в кроне сидел и кричал бы про род
и про время и чтоб рот мой кусался чтоб врал эй
Мюленбах корни скажи мне в них смысл
звательной силы едкий чтоб сок коренной тек
у тебя меж зубов эй вырви мне корень как зуб
изо рта дай боли слова изведать кровью его
захлебнуться ткни корень занозой в язык
чтоб набух чтоб слово мой рот раскусил чтобы
врал эй
Мюленбах дай языка чтоб трепать дай самое
крепкое слово перекусит мой рот а если однажды
нога или палка мне вышибет зубы упав не смогу
укусить засыпь мне тогда полный рот готическим
шрифтом и новым и всякими цифрами знаками
и чтоб тогда снова кусался мой рот чтобы врал

1983

Эй Mühlenbach

Перевод Ольги Петерсон

Не проваться мне Mühlenbach лесом коряги да камни во
рту под корень связан язык мой суффикс откушен
корчитя чистую кровь я глотаю ногой запинаясь о комли
и комья эй
Mühlenbach мне окончаний натыкай в язык чтобы слово
склонять словно ствол чтобы иволгой сесть на верхушку
кликать время и род и пусть кусает мой рот пусть врет эй
Mühlenbach корни отрой мне открой в них смысл

звательной силы чтоб из корней едкий сок тек у меня меж
зубов эй выкорчуй корень как зуб у меня изо рта чтоб
узнал я боль слова кровь слова глотал мне корнем язык
занози чтобы вспух и пусть слово кусает мой рот пусть
врет эй

Mühlenbach дай мне речь чтоб трепался язык чтобы рек
дай мне самое крепкое слово мой рот перекусит но если
колом иль коленом мне вышибут зубы споткнусь и кусать
не смогу то насыпь полон рот мне готических литер и
новых и всякой цифири знаков и пусть снова кусает мой
рот пусть врет.

1989

Эй Мюленбах

Перевод Сергея Морейно

Только пни у меня Мюленбах корешки зубов рот нем мешает
язык прикушен белую кровь жру лесом порубленным да не соврять
только пни у меня и труха под ногами эй

Мюленбах проткни окончанием рот чтобы луком выгнул язык
на кончике ветки иволгой сидел выкрикивал время и род пусть кусает
мой рот пусть врет эй

Мюленбах корень мне назови в нем сила имени сок корневых
гласных разъест тебе зубы эй вырви из десен мне корень как зуб
чтобы почувствовал боль слова кровь слова жру ткни его как занозу
пусть язык набухает кусает мой рот слово пусть врет эй

Мюленбах дай мне язык чтобы мог наплести дай самое твердое
слово разгрызу как орешек даже если в зубы ногой или палкой если
споткнусь не успею разгрызть насыпь же мне полный рот готических
и нынешних буковок цифр знаков разных пусть снова кусает мой
рот пусть врет.

2005

* Из «словаря» автора: «Карлис Мюленбах (1853 – 1916) – языковед, зачинатель и основной автор «Словаря латышского языка». После смерти Мюленбаха его труд продолжали другие языковеды, а «Словарь» с дополнениями печатался с 1923 по 1946 год. Он и по сей день остается непревзойденным памятником... литературы. «Как выпью, так обязательно тянет взять с полки пару томиков Мюленбаха», – говорил Джо, мой старый товарищ по армейской службе. Бог пишет языки, как мы пишем книги.

(У. Берзиньш «Падежи и песни». М. 2010. С. 157.)

ГОСТИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Альманах предоставляет слово авторам питерского крыла «Кастоправды» – Анастасии Романовой, Дмитрию Григорьеву, Валерию Земских, Арсену Мирзаеву и Андрею Полонскому, осенью 2015-го и 2016-го годов выступавшим в Риге.

Ред.

А. Полонский: «Литературное и мировоззренческое сообщество «Кастоправда», равно как и одноименный сетевой портал (www.kastopravda.ru), были созданы в Москве в первый год XXI века поэтами круга «Твердого Знака» и сетевого журнала «Периферия» – Анастасией Романовой, Алексеем Яковлевым (Брахманом), Андреем Полонским и Сергеем Ташевским. Название сообщества происходит от игры слов «правда» и «каста»: кастоправды настаивают на необходимости определенной обособленности на фоне массового общества и массовой культуры, стремятся править свою касту и ежедневно праздновать ее.

На протяжении почти двух десятилетий география «Кастоправды» значительно расширилась – от Томска и Алма-Аты до берегов Атлантического океана.

В начале 10-х годов нашего столетия возникло питерское крыло «Кастоправды», куда естественным образом и почти в полном составе влилось почтенное Общество любителей «Изабеллы», основанное его президентами Дмитрием Григорьевым, Валерием Земских и Арсеном Мирзаевым еще в 1991 году. После переезда в СПб Андрея Полонского и Анастасии Романовой оформилось ядро питерской «касты», куда, помимо двух основателей сообщества и президентов «Изабеллы», входит поэт и брeтер Евгений Мякишев.

Стихи и другие тексты участников «Кастоправды» можно найти на www.kastopravda.ru Бессменный редактор портала – Алексей Яковлев (Брахман). Плюс к этому множество книг, переводы на ведущие европейские и некоторые азиатские языки, у каждого – сотни, а то и тысячи публикаций в периодике,

ну и так далее...»

Дмитрий Григорьев

* * *

Плачешь о пустых днях, о трудах бессмысленных
как о домах, что сгорают еще недостроенными:
дым пачкает небо,
а ты идешь от работы потный по влажной глине
и спишь на чердаке сарая,
где внизу лишь корова да свиньи.

Но иногда под крышу ласточки залетают.

Иона

Даже если выберешь море, всё равно вернёшься
и будешь жить, прячась под перевёрнутой лодкой,
под базаром подростков, сидящих сверху на её днище,
что пьют дешевое вино, по очереди поднимая бутылку,
упираясь в горизонт её дном – линзой подзорной трубы,
и не видят тебя, вновь рождённого из пасти рыбы.

Они играют в волейбол, перемешивая пляжный песок,
оставляя тебе лишь игру света, проползающего сквозь щели,
обрывки слов, чужие песни, удары мяча в борт лодки,
пока твоя деревянная рыба плывёт в человеческом море,
и чешуйки масляной краски слизывает с её спины время,
пока она не выплюнула тебя на знакомый берег.

Потом будет много разных историй до очередной смерти,
засохнет дерево, выросшее за день над твоей головой,
ненависть твоя станет пустотой в сердце,
но пока оно трепещет, перемешивая песок и соль,
бьет хвостом, словно рыба, полная боли,
чтобы живым и пылающим словом
однажды выйти на волю.

Болотные егеря
Болотные егеря встали лагерем возле реки,
на широких лицах мох-паутина-плесень,

они жгут костры из старой осины, вызывая души мёртвых,
лоси осени приходят на их песни.

Болотные егеря пьют торфяную воду,
курят самокрутки из старой газетной бумаги,
смотрят, как женщины полощут в реке бельё
и развешивают на верёвках белые флаги.

Болотные егеря смеются, глядя на другой берег,
скалят жёлтые зубы: «ничего бояться не надо»,
но все ближе зарево с той стороны над лесом,
и сестра говорит: это отблески ада.

Она надевает жемчуг и лучшее платье,
чтобы пойти к ним, безжалостным словно старость,
но они – последняя наша надежда,
больше уже ничего не осталось.

Валерий Земских

* * *

Ангела позовите
В сугробе сидит
Дрожит
Холодно
Обморожены крылья
Лицо посерело
О чём с тобой говорить
Утешишь
Тебя самого впору спасать
Шарфик возьми
Обмотай голую шею
Передай кому надо
Скоро вернусь

* * *

Нам нечего делать в этой пустыне
Вырастим сад
Древо добра и зла
Посередине
Яблоки оборвут
Понадкусывают и бросят
Сад сожгут
Песком заносит
Колючки
Верблюды дожуёт
И плюнет

Нам нечего делать
И мы снова посадим садик
Нет воды
Рассмеёмся до слез
И польём слезами
Чахлый кустик
И две травинки
На одной божья коровка
На другой кузнечик
Подойдёт козел отпущения
В рогах цветы
В бороде бубенчик
Будет обрывать зелёные ветки
Пахнуть жизнью
Радостно бляеть

А мы пойдем искать пустыню
Нам опять нечего делать

* * *

А в озере ни щук ни карасей
Лягушки вымерли
Печальная уклеика
У берега

Одна
И ей отпущен срок
Недолгий
Голая коряга
Торчит
Как памятник себе
Пустынный остров
Давно махнул рукой
На тщетные попытки
Стать центром мира
И готов уйти под воду
Но озеру не до него
Оно молчит
И ни одной волны
Ни всплеска

Анастасия Романова

«12 простых отмычек»

* * *

Д.А.

о чем вы вообще? искл из правил, искл,
искл, искл! – кто их оставил, если не бог.
сатори, – говорит опальный епископ, –
искл божий, а не итог,

руби с плеч, – говорит, – цветы рви, милый, цви-цви,
когда человек стареет, ему не до приключений и не до любви!

Текст исчезновения

Переехал в город антихриста,
где кикиморы на колокольнях дичают четвертую сотню,
шлепают в честь свадеб и похорон

жабьими перепонками по холодным язычкам.
В конце времен всё жил, жил и жил, как все:
у пращуров брал займы, молодняку раздавал в долг кулаков.

Видел Милорадовича в шлюпке на облаке,
блаженную Ксению с мужичками у бара на Морской,
слыхал про печального Пушкина с татуировкой нацика через лицо,
играл бронзового кота в объятьях несепаратной феминистки с
челкой цвета фуксии, с купоросной прядью, с апельсиновыми
серьгами-бубенчиками.

Скурил призрака матроса на Царицыном лугу,
дышал через трубочку Невку,
спал с немками у Кривуши,
работал у нежно-величавого жида сторожем / рожателем/ книг,
скалился Гекате в зеркальце заднего вида,
умирал вместе с армией рыб
в клювах воскресных чаек,
наряжался в деменции абсентовых оттенков,
исступлённо, скрывая слезы, целовал, целовал будущих покойников
и покойниц, тщась запомнить все дыхание, каждую вспотевшую
пору, каждую трепещущую падь.

Читал лежа на животе,
шептался над светлым болотцем
с эндогенными колониями мотыльков с лицом Мао на брюшке,
женился, работал,
купил мотоцикл,
разбил мотоцикл,
купил выпивку,
распил выпивку в честь наводнения 2024
над треснувшей дамбой,
увидел дверь,
увидел дерево,
дверь и дереводверь, так и не понял,
открыл дерево ключом от старого почтового ящика,
заглянул,
отпрянул,
запер,

припер моноблоком,
шел не оглядываясь до фонарей.

На перекрестке
его уже ждали двое с песьими хвостами, хотели принять почти как
родного,
махнул им рукой и ушел вбок,
как испарился.

Арсен Мирзаев

* * *

Валерию Земских

когда девушка
цвета фламинго
проходит мимо нас
по утренним лужам
не остается ничего
кроме запаха
осеннего недоумения

* * *

стоят стоят
такие дни
такие дни
стоят одни

совсем одни
стоят стоят
они тоску
таят таят

то я то я
то ты то ты...

то гений
чистой
красоты!

* * *

есть стихи
но нету блеска

есть блесна
но где же леска

нет стихов
но есть слова
из свинца и
о-ло-ва

нет рыбалки
есть грузило

вот и славно
вот и мило

нету слов
но есть молва

где молва
а где волна

никогда мы не умрем
ветер горы зверь цветок

напишу я вас живьем
точка точка
завиток

Андрей Полонский

ВЫБОРА НЕ СУЩЕСТВУЕТ (из текстов 2016 года)

Над стихами, случайно открытыми в сети
Становится трудней молиться,
Рука немеет и дрожит,
Еще вчера был очевидцем,
Сегодня – смотришь – вечный жид.
Кому ты оказался нужен,
Кому хотел и смог помочь?
Похлебка жидкая на ужин,
В Устюжне – стужа, в Тотье – ночь.

* * *

В этой скудости ранней
И безбытности строгой
Мне идти полупьяному
Непроезжей дорогой
Сквозь забыть и случиться,
К неизвестному граду,
Где летают жар-птицы,
Да по весеннему саду,
Где живёт император
Моего подсознания,
Превращающий в опиум
Понты и желания

* * *

На сухой земле
растут имена
Глеб, Севастьян, Аркадий, Анатолий,
Валентин, Людмила, Нина, Маргарита,
Рафаил, Тарас, Афанасий, Надежда.

Когда ты заходишь в сумерки,
они окружают тебя и шепчут:
ради чего? за что? неужели?
как же так? послушай, что с тобой?
- и самое существенное –
почему ты меня оставил?

Выпить чашу, чтобы близкие рассмеялись,
или пронести ее, не расплескав, и отправиться в изгнание...

(На самом деле) выбора не существует

ПРИЗ СИМПАТИЙ «РИЖСКОГО АЛЬМАНАХА»

Приз симпатий «Рижского альманаха» присужден Алене Асенчик и Майе Шварцман. Обе стали победителями «Международного литературного конкурса КУБОК МИРА ПО РУССКОЙ ПОЭЗИИ – 2015»

Алена Асенчик

Когда наступает время

* * *

Когда наступало время тоски и вечера,
он, за день своё положенное избегав,
утюжил рубашки, бережно вешал на плечики;
все белые-белые, белей твоего снега.
Ходил, любовался. Мурлыкал под нос мелодии.
Следил, чтобы всё в порядке – любая малость:
ему так казалось, что он не один. И, вроде бы,
рубашкам тоже так нравилось и казалось.
Вздыхал, что его чудеса зарастают былями,
что люди свои проблемы решают “сами”..
Рубашки, впуская людей, шелестели крыльями.
Хранили, спасали...

Майя Шварцман

* * *

... но не хватает букв. Пытаясь
завоевать хотя бы пядь
живой строки, словесный паюс
на слух, на вкус перебирать.
Всё то, что связкам в поединке
не повторить, не уловить,
жизнь произносит без запинки,
перерастая алфавит.
Какой фонетикой сохранны
невывразимый свист вьюрка,

звон тетивы, ручья сопрано,
трескучий тамбурин сверчка?
Каким облечь запечатленьем
прозрачный голос, что живёт
в протяжных гласных песнопенья
на петлях храмовых ворот?

Прощание

Пусть ты останешься во мне.
Глотнув воды, смогу отделаться
от чувства горечи в слюне,
от пепла в горле, от безделицы,
но не хочу. С печной золой,
суть плотью, что во рту – просфорою,
хоть так ещё побыть с тобой,
закашлявшись у крематория.

2014-2015

ЧЕМПИОНАТ БАЛТИИ по русской поэзии – 2016

Приз симпатий «Рижского альманаха» присужден россиянам Дмитрию Артису, Олегу Бабинову, Марине Немарской, Ивану Клиновому, Алене Рычковой-Закаблуковской и Ирине Ремизовой из Кишинева (Молдова).

Дмитрий Артис

Три сонета

2

В каком-нибудь избыточном раю,
где днём и ночью зреет чечевица,
зима наперекор календарю
к началу майских праздников
случится,

появится отчаянно, легко,
внезапно, как желание проснуться,
стущённое польётся молоко
из облака похожего
на блюдец,

изогнутого облака, – и тут, –
пяти-, шести-, семиконечный атом
блеснёт своим божественным
распадом

и сызнава прокладывать маршрут
заснеженные мальчики пойдут
по самой главной площади
парадом.

3

Останься в одиночестве моём –
в моей высотке с выходом во дворик,
тот самый, где зацвешший водоём
богат форелью на Великий вторник.

Влюблённому влюблённую в него.
Сжимается кольцо меридиана
и над Москва-рекой, и над Невой
уже взошли туманы Иордана.

Неприхотливой женщиной, одной
единственной касавшейся престола,
останься, как религия, основа,
и в День благоволения – седьмой,
когда асфальт покроется землёй,
настанет Воскресение Христово.

Олег Бабинов

Московский снег

Московский снег, давимый джипом,
настырно липнущий к метле
ферганца, тлеющего гриппом,
утопленного в янтаре
иллюминации вечерней,
зажжённой над тверской-ямской,
чтоб между лавкой и харчевней
след родовых своих кочевий
нашёл очкарик городской,

иди, засыпь дорогу к яру
и с яра съезд к сырой земле!

.....
Крути, ямщик, верти сансару
напра-нале.

Всех замело – коня, поводья,
отчизну, веру и царя.
Так сладко замерзать сегодня -
особенно, почём зазря.

Вороны в утреннем навете
накличут голод и чуму.
А ты один, один на свете,
несопричастный ничему.

Ирина Ремизова

Про подойник

чертыхаясь, бранясь и гикая:
«за щипец хватай, остолопина!» –
мужики животину дикую,
волокли – волчка – по сугробинам.
дотащили почти до проруби -
исхитрился утечь, удушенник...
затаился в плетёном коробе
у избы с голубыми ставнями.

на ночлег уйдя с благочинными
пожилыми рябыми клушами,
задремал волчок под овчинами,
да одним ушком зиму слушает:

сытный пар стоит над харчевнями,
злые псы ворчат за заборами,
а душа моя – баба древняя,
космы белые, ноги хворые.
сирин ей поёт многолетие:
подбоченится – скособочится.
и чем дольше живётся в свете ей,
тем сильнее жить дальше хочется.

звон подойника – тихий колокол,
в черноте ночной – звёзды кочнями.
«волокли волчка, дурни, волоком,
а душичка-то, знать, молочная.
поживи, волчок, во моём дому,
во моём дому – белом терему,
а когда придет время в лес уйти,
млечной кипенью затворю пути»

Застань меня

Так начинают время – наугад.

Туман стоит, как яблоневый сад,
затылком подпирая потолок,
на горле неба – лунный узелок,
ворчание грача над головой...

Пожалуйста, застань меня живой.

Условных наклонений вышел срок –
отчаливает в море катерок,
и выкликают с тинистого дна
пока ещё не наши имена.

Издалека услышится едва,
какие мотыльковые слова
летят на свет из нежности, пока
в гортани нет воздушного платка...

Законы не меняют – аз воздам.
Расселят по отдельным городам
в пространстве без дорог и без концов –
под крылышки любимых мертвецов,
и мир наступит, именно такой,
как и мечталось: воля и покой.

Не сводится баланс, провис итог...
От жизни остаётся лоскуток,
но по сусекам есть ещё мука
для пряничной избы и колобка –
полжмени ржи, полжмени ячменя...

Пока я на крыльце, застань меня.

Иван Клиновой

* * *

Кто тебя научил ненавидеть, уже неважно.
Всё уже сделано, пробки повывлетали.
Мальчик, что был отважно таким бумажным,
Нынче взрывоопасен – пропан-бутан.

Вера в любовь заменяется верой в ярость.
Бог из машины – на месте того, в деталях.
Белый ли, алый – пофиг! – порвали парус.
Каяться не в чем. И молча глядишь в стакан.

Выжить (не подвиг) – всегда в списке дел на завтра,
Впрочем, оно давно не в приоритете.
Мальчик, светло мечтавший стать космонавтом,
Нынче мечтает уехать, куда глаза...

Чистить бассейны, а может быть, стричь газоны,
Лайкать и постить что-нибудь в интернете,
Всем говорить, что прекраснее Аризоны
Нет ничего, и в серье её – бирюза.

Марина Немарская

* * *

Ах, молодость, корабль у мостовой,
игра гитарных струн и солнце в трюме.
Едва учитель ненависти умер,
да здравствует – живой

учитель милосердия, о чём
кино снимаем, разве жизнь, как чудо?
Представь себе, что я тебя забуду.
Забудь меня, пока не обречён

на вечное скитанье за скрипты
моих стихотворений оголтелых,

где тьма лишь обещание предела,
а свет – синдром внезапной слепоты.

Забудь меня, покуда бриз в порту
рассыплется цитатами из Джойса.
Учитель милосердия, не бойся,
я схватываю тему на лету.

Алена Рычкова-Закаблукская

Древо

Какой такой небесной манною оно просеялось в тот год
Осиновое окаянное в наш допотопный огород?
Его людской недоброй славою отец решился пренебречь.
Теперь над нашею державою струится деревце двуглавое,
Ведёт прищёптывая речь.
Отцу видней с другого берега, как мы вот так с тобой сидим.
Опять осинное дерево весенний возжигает дым –
Цыплячьим пухом кисти длинные из кровяных его телец..
В небесной выси над осиною Господь пасёт своих овец.

*

Распахни своё чрево, древо. Человечек – птица желна.
Притулится, да оперится – проглаголет свой век сполна.
Распахни своё ложе–лоно. Дух твой долог, да выйдет вон.
Поплывёт по воде зелёной долгоносый челнок долблённый –
Домовины белёный чёлн.
Зиновею – по зимовею. Евдокии – благоволить..
Несказанно по ним болею.
И за них продолжаю жить.

Кубок мира – 2016

Приз симпатии «Рижского альманаха» Международного конкурса «Кубок мира» присужден Игорю Григорову (Архангельск) и Александру Крупнину (Санкт-Петербург)

Игорь Григоров

Провинциальный романс

Забывтый Богом город, лес и речка,
Гостиницы высокое крылечко -
Пейзаж, в который просится овечка.
Свершив свои великие дела,
Ты был бы рад проститься с краем света,
Но не добыл обратного билета, -
Ни лошади, ни лодки, ни весла.

Вотще – аллегорические жесты,
Рассказы про Хабаровск. В ритме presto
Здесь не живут. Ну что ж, подобно местным,
Гляди, как, выпив солнце из ручья
И ни к кому особенно не ластясь,
Гуляет псина шариковой масти –
С ошейником, но, видимо, ничья.

На вес наживки ценящие слово,
Беседуют три верных рыболова,
Чья жизнь вполне прекрасна и без клёва:
Их диспут о размерах поплавка
Основан сплошь на прецедентном праве.
Шуршит под каблуком нездешний гравий.
Дворняжий взгляд опаслив, но лукав.

Замешанный на чистом перламутре,
Водоворот свои бормочет сутры.
Восточное улыбчивое утро
Торгует апельсинами с колёс,
В живой реке горит вода живая,
И луковица солнца вызывает
Поток немотивированных слёз.

Глядишь на дивный свет в девичьих лицах.
 Захочешь вдруг остаться и жениться.
 Подумаешь: ну что тебе столица?
 Скажи, на кой тебе всё это чёрт,
 За сколько тетрадрахм ты бьёшься насмерть?
 Подумаешь... Вздохнёшь, проверишь паспорт
 И вызовешь такси в аэропорт.

Александр Крупинин

Ты прости, Мухаббат

Ты прости, Мухаббат. Ты ведь сможешь. Прости.
 Мы идём очень долго. На нашем пути
 Раскалённый асфальт и песок светло-жёлтый и рыжий.
 Превращаемся медленно в пыль и в труху.
 Ты и все, кто остался стоять наверху,
 Долго будете жить, только я никого не увижу.

Мне так страшно, родная, здесь царствует зло.
 Здесь банкиры, убийцы, глотатели слов
 И какие-то люди ещё, потерявшие веру.
 Бесперывно кричит проповедник слепой.
 Все мы движемся вместе огромной толпой.
 А в отдельной коляске везут революционеров.

Я, наверно, смогу написать только раз.
 Серафимы на почту подбросили нас.
 А доставят письмо или нет, я не знаю.
 Мне так стыдно теперь. Я всю жизнь тебе врал,
 Даже в карты однажды тебя проиграл.
 Ты молчала тогда, но, конечно, всё знала, родная.

Мухаббат, перепёлочка, ты ведь поймёшь,
 Ты отпустишь грехи, ты не вспомнишь про ложь.
 Время вышло. Я должен уйти в половину шестого.
 Помолись, помолись за меня, Мухаббат.

5-15, суббота, Дорога на ад,
 Покосившийся домик почтовый

СЕМИНАРИСТЫ

Министерство культуры Латвии третий год подряд в рамках проекта «Литературной академии» Союза писателей Латвии финансирует семинар молодых авторов, пишущих на русском языке. Лучшие произведения участников занятий «Рижский альманах» публикует на своих страницах.

ОКТАБРЬСКИЙ СЕМИНАР – 2015

Лана Никитина

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Мамам

когда ты уснешь, я тебя поцелую
не спи, ты ещё мне нужна.
ещё твои сказки, твой голос и руки
нужны, как живая вода.
ещё я в глазах каждый день утопаю
там море, там солнце, там – мы.
ещё я учусь понимать. понимаю
друг другу мы очень нужны.

* * *

Mācīties nomirt, lai atdzimt no jauna
Pusdienās, vakarā, rītu
Mācīties noliegt gan nāvi, gan sārtu
Gan mīlu nepasacītu.
Mācīties būt blakus klusumam – klusi
Mācīties priekšgalā nebūt
Mācīties iemīlēt dzimto pusi
Mācīties būt un nebūt.

* * *

Спи моя малышка, спи
Я дурная мать,
За окном горят огни
Всех хотят сожрать.
Спи мой зайчик, не страшись

Домовой ушёл
 Испугался нашей жизни
 Испугался он!
 Нету хлеба, есть вода
 Крестик на груди,
 И когда в огне слова
 Ещё крепче спи.
 От безумства и от зла
 Дом наш прохудал
 Дядя бог пришёл во сне
 За молитвы взял...
 Всё что было отдала
 Даже свои сны,
 Он услышал, я ж глуха
 Спи мой зайчик, спи.

Михаил Селифанов

Почти Картахена I

Губырыбьсети, грубыми были дети, грубыми были старики и старухи. Моряки тебя слушали вскользь, вполуха. Им было плевать на маяк потухший, потому они и тащили по суше лодки свои и корабли. Да и друг друга словами секли резкими, грубыми, острыми. Долбаные босяки! Ни приюта у них не найти, ни теплых мозолистых рук отца или брата, ни остановки в пути. Ни доброго слова от них, вся речь – крепкий мата сплав, ругани, охов и вздохов. Ты рядом с ними – дитяtko, кроха, а хотела быть сильной, дерзкой и смелой. Так и металась душа твоя в теле уставшем то к одному, то к другому. В самом же деле – нельзя по простому? Остаться дома, забыть про тайны, про морские узлы? Видишь, здесь только паромы, грузы, порты, причалы. Здесь всё начинать сначала, начинать с нуля. И эти начала ничего хорошего не сулят. А судя по багрянцу на щеках твоих, ты нежна и ждешь по-прежнему хэппи-энда. Потому и голос тих, хотя характер, по сути, лих, потому и рука тверда, хотя и тонка, как веточка. В общем, начинай сначала, деточка, только забудь все прежнее. Все эти нежности, все надежды оставь, забудь про внешнее, сфокусируйся на здешнем. Выбрось записки свои, сожги все карты и схемы. Добро пожаловать в Картахену.

Почти Картахена II

А что это за море, когда в нем нету соли? А что это за слезы, когда в них нету боли? А что это за морем? Горы? Поскорее к ним, да позабыть все ссоры. Опротивели просторы, надоели волны, надоел песок. Ты и сама-то здесь не в срок. Да и ты вообще откуда? Растрепанная и босая. Чудо. Прилетела, ухватившись за орлиный хвост. На губах, в руках – малина, а в глазах – вопрос. Только не стоит быть слишком честной тут. Тебя обвинят, оболгут, потом засмеют и никак не войти будет в прежнюю колею. Утешайся надеждою, ухмыляйся внутри, смотри всегда немного левей. Но не смей смеяться, слышишь, не смей! Тогда твой феникс сгорит сухим веником, и в горле ком потом ни проглотить, ни выплюнуть, ни лекарства найти в аптеке. Навеки. Так и останешься с этой кричащей болью и вопросом немым. Просто улыбайся почаще, здоровайся с каждым встречным, говори глупости, слегка пожимая плечи. Так будет легче. Ходи на рынок за рыбой, кушай вишню и персики, танцуй со стариками. По последней версии ты сюда приехала к маме. Полюби на время этот город, эти своры детей, загорелых сеньоров, любопытные взоры. А по ночам, по ночам – можешь смотреть на горы.

Валерий Крижевич

* * *

Дует, дует –
насквозь через сердце.

Выдувает
остатки добра.

До FM-овских
СТА

Мегагерцев

эту мышцу
ПОРА.

Чтобы радиостанций
сигналы

Непосредственно
ею
ловить,

Чтобы
если меня
будет мало...
Дальше жить.
Дальше – жить.
Дальше –
жить!

* * *

Тихо-тихо
улетают
Стаи птиц
за звездопадом

Тихо-тихо
заметает
Все дорожки белый снег

Но чего-то
не хватает
Слишком
белые страницы

Кто-то где-то
пропадает
Самый милый
человек

Он
идет
в плаще из кленов
Он идет
в пальто из песен

Он идет
когда закатен
И рассветен
полдень мой

Он ничуть
не интересен
Он совсем
не интересен

Я такой же
я такой же
Сложно встретиться
со мной

Будут зимы
будут весны
Будет зной
и будет стужа

Будет смерть
и жизнь и песня
Оборвется
вновь начнет

Будут ночи
будет снится
К нам опять
вернутся птицы

Только верность
только нежность
Стая птиц
не принесет

ОКТАБРЬСКИЙ СЕМИНАР – 2016

Варвара Трухан

ИЗ МОЕГО БЫСТРОГО «БЛОКНОТА ОФИЦИАНТА»

Если честно, я не знаю, зачем устроилась официанткой. Наверное, чисто из интереса, чтобы увидеть новое, посмотреть на что-то по-иному. Хотя это была для меня страшная вещь совершенно! Блин, это же общаться с людьми, быть с ними доброй, искренней, ёлки-палки! Легче запереться в комнате и не совершать ошибку, как завещал нам всем Бродский.

Но суть сейчас не в этом.

Я просто хочу поделиться тем, что увидела. Изнанка всех систем кафе и подобных заведений. Да, для кого-то это будет не в новинку, кому-то это будет не интересно – я не прошу читать до конца, если не нравится.. Просто мне это открытие очень многое показало. Сначала можно разобраться с тем, кто к какой касте принадлежит в этой системе.

Бармен

Он же самый татуированный и пирсингованный персонаж, очень похожий на нечто из “Корпорации Монстров”,... нежно занимающийся своим делом. Нежно, профессионально встряхивающий коктейли лохматый-бородатый, нечто с утробным голосом. Его территория – это бар. И на эту территорию, в его присутствии, могут заходить ТОЛЬКО официанты. Всё. На всех остальных нежный профи-монстр начинает рычать, причем я говорю серьёзно. Разобьёшь что-нибудь – и тебе такой крендель скрутят из копчика, да и не расплатишься вовек.

Повар

У нас говорят: “Сходи вниз, проверь, готовы ли (вставьте названия рандомных блюд)”. Будь то даже самое спешное блюдо, новенький официант не будет спешить вниз. Потому что как только дверь, ведущая на кухню, а то есть – вниз, открывается, вы слышите, как нервно начинают сопеть орки.

Повар может быть в любой степени татуирован, пирсингован, лыс или волосат, а также любая степень бородатости тоже приветствуется. Но от всех других существ повара отличают красные распухшие глаза. И выглядит это страшно. Повара нервирует любой силуэт, показавшийся в дверях. А особенно они стрессуют при виде официанта...

Но пока что все из пещеры возвращались живыми! (Я надеюсь...)

Раннер

Это универсальный гаджет у нас. И посуду уберёт, и чистую принесёт, и отполирует, и столы накроет, и уберёт всё и вся. В трудные людные времена он помогает принимать заказы, делая из себя официанта-иллюзиониста (смотрите, вас сейчас обслуживаю я... я... И ОП НЕ Я) и затем бесследно пропадая где-то. Раннер вообще фокусник: попросил его нарезать хлеб на одну персону – через секунду всё готово. Как?! Как ты так делаешь, Добби?!

Официант

Это высшая каста. Без татуировок и пирсинга. Тихо и нежно говорящие существа, улыбчивые и терпеливые. Они тихо скользят между столами, как духи, и потом...

– ЗДРАВСТВУЙТЕ... я могу вам чем-нибудь помочь? Вас хорошо обслужили, ваш заказ уже принят?

Некоторые клиенты в спешке и растерянности говорят, что ещё подумают над заказом.

Наши владения – это зал. Зал, где всё сияет чистотой, где пахнет хорошим кофе...

Иногда, когда клиентов нет, и чеков с заказами, следовательно, тоже, орки выходят из пещеры. Официанты, видя, как повара мнутя рядом с бэкстейджем, куда уносится вся грязная посуда, мягко улыбаются и отступают в сторону. Мы позволяем им войти в зал... при условии, что нет бармена. А когда клиентов нет, бармен всегда уходит покурить, покушать и поспать, потому что ночь была тяжелой...

И начинается невероятное! Повара суют руки в дроблёный лёд и начинают кидаться друг в друга им, как снегом! Порезвившись пять секунд, они находят раннера, просят его присоединиться. Добби со своим писклявым “нет, нет, неет!” вышвыривается в толпу и между делом, пока все кидаются друг в друга льдом и смеются, он всё пытается убрать. И тут заходит менеджер...

Наступает тишина. Повара шмыгают носами и уходят в свой “низ”, где выбит первый чек за час отсутствия клиентов. Раннер всё убирает и весь рабочий механизм двигается заново...

Я не знаю, почему я пошла работать официанткой. Но в таком коллективе работать прикольно. Хотя и знаю, что не получится держаться там дальше...

Диана Пискун

Миниатюры

Молитва

Забывай меня молча, секундами. Выжигай из памяти каждое моё касание, каждый сухой поцелуй. Захлёбывайся в умирающей памяти, как будто бы меня нет. Не было. Смотри, не щурясь, на солнце, чтобы оно сожгло сетчатку, а вместе с ней и мой чёртов образ, чтобы ни капли меня – у тебя в голове. Не скучай.

А когда-то мы провожали вдвоём звёзды и хотели жить. Чай пили горький, смеялись, и в глазах слёзы стояли. Ненужные. И так всё было понятно. Слова колкие застревали в горле, так и не наполнив собой воздух между нами. А теперь я прошу – забывай меня. Входи в море с головой, но не думай, что раньше рядом была я. Ищи человека, но не меня. Пожалуйста. Так, наверное, будет лучше.

В тёмной комнате немой шёпот. Больной, простуженный. А зима была холодной, ты заметил? Без тебя они все такие.

Забудь всё, что я говорила. Это тоже немножко меня. Уезжай туда, где не была я, чтобы дышать чужим, незнакомым воздухом, чтобы не умирать от тоски, если вдруг вспомнишь. Ищи людей, человека. Своего, нужного, преданного, в котором смысл найдёшь, правильный, не ломающий сухим жаром кости. От которого лёгкие целы останутся, ты и так выкурил слишком много. А когда найдёшь... не вспоминай. Ладно?

... А мне вереск огладит голени ласково, и дышать будет больно так, что ключицы заноят, и запрокинуть голову к небу страшно, вдруг солнце вытеснит хоть одну крупичку тебя с моей кожи? Помню.

Забывай меня. Методично, сантиметр за сантиметром, стирай всё с мыслей, памяти, кожи. Ведь нас самих, вроде как, не было?.. Только ты. Есть.

Ангелы любят Металлику

На моей кухне сидит ангел. Взъерошенный, голубоглазый, в старой кожаной куртке и запылённых армейских сапогах. Я напротив – в пижаме и босиком. Гляжу во все глаза.

Он такой домашний – молчит, жуёт кусочки сахара, а ещё не моргает. Может, ждёт чего? И пьют ли ангелы чай?

Оказывается – пьют.

Мы пьём в тишине ромашковый чай, а где-то там убивают людей. Нам не важно.

У ангела нет крыльев, и это более чем правильно. Летать нужно там, где свобода. А где сейчас эту свободу найдёшь?

– Прикоснись ко мне, я болен, – просит.

Перегибаюсь через стол, проливаю чай. Горячий. Щиплю его за холодный нос, жду. Он морщится, но лицом светлеет.

– Спасибо, – говорит.

– Да не за что, – пожимаю плечами. – Ещё чаю?

Встречаем рассвет. Солнце светит на ангела, а он не щурится. Вижу, какой он грязный и пыльный. Как с войны. Ничего прекраснее раньше не видела.

Начинает говорить. Медленно, и на губах улыбка Будды. Слушать приятно. Рассказывает, что на небе только и разговоров, что о море. Они все боятся, а чего – непонятно. Так и спрашиваю. Объясняет. Небеса – отражение моря. И если вдруг все океаны Земли пересохнут, небо исчезнет.

– И ты – тоже?

Кивает. Говорит, что хочет увидеть море. Хоть разок. А мне страшно. Если увидит – вдруг пропадёт? Насовсем. И я ничего не смогу поделать.

Мы гадаем, кого же он там, в море, отражает. Я за дельфина, он – за морского конька. Вот чудак.

Чай давно остыл, а мы не замолкаем. Когда ещё поговоришь с человеком? Или ангелом – с моей стороны.

Всё жду, когда он спросит про Бога. Если ангел, то пусть следит за верой. Наверное, он не хочет. Сама начинаю:

– Я не люблю людей с иконами. Мы все творим добро.

Ангел не удивлён, кивает. Молчим. Думаю о Боге, а он – не знаю. Люди такие странные. Любят думать о том, во что не верят.

На моей кухне сидит ангел, а за окном снова ночь. Нам спокойно без веры и войны.

– Я люблю того, кто не придёт, – вдруг выпаливаю.

– Но я же пришёл.

И не поспоришь.

Ангелы тоже любят музыку. Мой, пыльный, из самого жерла

войны, просит Металлику. Так странно любить песни ангелов.

Сахар давно закончился, чай снова горячий, ангел ещё не моргал.
Остальное не важно. И как это я угадала с песней?

Когда всё заканчивается, понимаю, что и мы тоже... закончились.

– Расправь свои крылья и улетай далеко.

Это просто слова, крыльев ведь нет. Но ангел встаёт.

– Бог знает, я хочу освободиться от боли и любви к тебе, – он
смотрит пронзительно, ждёт ответа.

– Я не верю в Бога.

– Я тоже.

Мне смешно, и он улыбается. Ангел, не верящий в Бога, куда же
ты теперь?

Отворачивается, хочет уйти.

– Эй... Обещай, что похоронишь меня в одежде моих любимых
цветов, ладно?

Голубоглазый, он смотрит на меня в наш самый последний раз и
даже ничего не спрашивает. И так всё понятно.

Ангел расправляет серо-пыльные крылья. Значит, где-то ещё есть
свобода.

– Куда ты сейчас?

– Думаю, к морю.

Иней

Знаешь...

Сколько бы мы не менялись –
всё

одинаково. До тошноты.

Утро привычно серое, пусть

небо и голубое, ты

до оскомины далёк, хоть

и рядом.

Мы потерялись.

Чувствуешь?

Твои горячие ладони больше

не греют

мои озябшие пальцы.

И улыбки

совсем незнакомые.
Похоже, мы немного
умерли ещё в апреле,
а сейчас
уже лето
и как-то не хочется
воскресать. В глазах
неуверенно расцветает
иней, а мы
не сопротивляемся.
У тебя прокуренный не-сигаретами голос,
а я давно
загубила лёгкие. Давай
поменяемся
ещё
раз?..
Воскреси
Убей меня прямо сейчас,
чтоб не мучилась. Убей меня
тихой, покорной зимой, каким-нибудь
пустым и лиловым утром.
Убей меня.
Доломай мои крылья, сожги их
в своём безразличии.
Подари мне
новые шрамы под кожей. Только
не мучай...
Я вряд ли буду тебе
противиться.
Не смогу.
Не сумею.
Не слушай.
Выжги во мне весь
азот,
пожалуйста...
Он мешает дышать
до хрипа. Молчи
и позволяй

мне сгорать.
Исчезать. Дробиться.
Убей меня, ну же!
Сожми мои ломкие, словно
веточки вербы,
пальцы в своих
опалённых жизнью ладонях.
Выдохни. За двоих.
Убей меня лучше
сейчас, чтобы потом
собрать снова по хлопьям пепла.
И весной
воскресить
цветущей сиренью.

Василий Карасев

* * *

Наши холмы
Похожи на дыни
С металлическим вкусом
В зеркалах соленых вод
Черного моря
Служащего пепельницей
Для туристов с фотоаппаратами
И дешевыми
Надувными совками
А коктейли
С вишенками
Недопитые
Добивают чайки
Потрошащие беспорядочные
Мусорные корзинки
Они так убого стоят
На своих лапках
Точно на волосках
Как зараженные непонятной болезнью

Поплавки
Тошно смотреть
Или неоднозначно
Из своей щели
Выглядывает краб
Схвати то
Что тебе не принадлежит
Тебе заплатят хорошим льдом в баре
С постоянной музыкой
Переходящей через щелчок
На другую сторону мысли
А на следующий треск
Обратно
Поджимая запачканные в меду
Наэлектризованные перья
В мятных кроссвордах
И ароматических sudoku
За бильярдным хохотом
Радио и столов
Слонов с чесночными улыбками
Борьбы за чужой кусок льда
Который бармен хватает в камышах
За юбки
И швыряет в толпу точно шайбу
И истекает смолой
У катера
В сумерках лун и высохших рек
Распустившихся чертополохов
Невидимого салюта
За чернильным берегом
Холодного Черного побережья
На котором в ночи вечеринок
Неловко скучает на крышке
Пластиковой бутылки
Никому ненужный краб.

* * *

Тучи-однодневки
Нарастающей глубиной
Выходят наружу
Подмигивая аркам
Древних садов
И мансардам
Развалин-пагод
Забытыми манускриптами
Религиозной и научной фантастики
Тучи-древолазы
Тучи-пылесосы
Раковиной метаются
По спине
Эмалевого неба
Играя с трещинами
Светящимися и громыхающими
В дождь
Трутни-облака
Перистые
Надменно глядят свысока
На тугую вакханалию
Трубящую куда-то вниз
И отворачиваются в сторону космоса
Раскладывая на коленях семена
Венерианских растений
Затыкая ими уши
Чтобы без проблем впасть в глубокий сон
В дремучих дебрях собственной сукровицы.

Владис Спаре

ТАМ ВСЕ ЗАПИСАНО

Перевод В. Ругайс

Ветер дышал солеными водорослями, в самый раз к сладковатому хересу, однако он был сырой и промозглый и пробирал сквозь тощее пальто и шерстяной жилет, в который Эмилия ввязала свои длинные волосы, чтобы оберечь меня от ведьм.

– Ты знаешь, что Мокарс умер? – послышался бодрый голос Эдвина. Он спустился ко мне по широким каменным ступеням до Даугавы, издав короткий, полный превосходства смешок.

– Да, знаю. – Я глотнул хереса, передернувшись, сунул бутылку обратно в карман, а затем обвел глазом Даугаву, рябившую перед нами, пуская солнечных зайчиков и мешая рассмотреть другой берег, который маячил вдали под разрозненными клочьями облаков.

– На похоронах был?

– Похороны не мой конек. – Я отер губы бугром большого пальца. – А вот херес и вправду напиток богов. Тебе стоило бы хоть попробовать!

– А казалось, что всех переживет, правда? – Эдвин взглянул на меня из-под густых бровей, точно Маугли из джунглей.

– Ему водка была как с гуся святая вода!

– Не кощунствуй! – Эдвин расслабленно оперся спиной о гранитную стенку набережной, оторвал у сигареты фильтр, вправил ее в оплавленный янтарный мундштук и закурил, элегантно, прямыми пальцами поднимая чубук навстречу солнцу.

– Забыл, что ты теперь верующий. – Я расстелил на гранитной плоскости связанный Эмилией шарф и сел в заветрии под каменной стеной у самой воды, с тихим плеском скользящей мимо, заливая мелкой волной нижнюю ступеньку, алый гранит которой блестел на солнце как полированный.

– Пора бы и тебе обратиться к богу. – Эдвин стряхнул пепел в воду и с осуждением ткнул в мою сторону рдеющим углем, словно указуя на пекло, где гореть мне вечным пламенем.

– А-а! Что уж теперь! – Я лишь махнул рукой и уселся поудобнее на твердой ступени, поднял воротник пальто и полами прикрыл колени.

– Бывало, мы в твой день рожденья ходили в шикарные рижские

кабаки. – Положив мундштук на ступеньку, Эдвин достал из матерчатой сумки бутерброды, термос с чаем и побряхтывая устроился со мной рядом. – А теперь сидим на берегу, как двое бродят, что топиться собрались.

– Твой бог запрещает самоубийства. – Я принялся разворачивать замасленные пакетики. – А Эмилия бы приготовила бутерброды куда изысканней.

– Ну, Эмилия! – Он с почтением развел руками.

– Даже эсэмэску не прислала, – пробормотал я полным ртом в гранитную стену. Ветер гнал против течения Даугавы растрепанные кучевые облака, порой заслонявшие солнце, наводя тень на реку и вызывая в подвздошь внезапные приступы необъяснимой тоски, которые я старался заглушить хересом.

– А ведь ты мог бы меня столкнуть! – улыбнулся Эдвин.

– Ты сбрендил? – Я подскочил. – С кем же я буду справлять свой следующий день рождения?

– С Большим Кристапом, – махнул Эдвин рукой за спину, где в застекленном домике стояла деревянная фигура Большого Кристапа с ребенком на плече. – Если столько протянешь!

– Не говори так! Слово все же имеет силу. А здесь когда-то был понтонный мост, – указал я бутербродом в сторону Вантового моста. – Я в детстве ездил по нему автобусом в школу, мост ворочался под колесами будто живой и лязгал в металлических стыках, особенно в ветреную погоду, как сейчас. Он был вымощен досками, которые гулко бухали, словно кто-то бегаёт по пустому чердаку. Один раз мне от бензиновой вони стало плохо на середине моста, где шофер не может останавливаться, и меня стошнило.

– Кому это интересно?

– Наверно, никому. – Я посмотрел себе под ноги, где бледно-зеленые водоросли, покрывавшие отвесную гранитную стену под уровнем мутной воды, гипнотически змеились в течении, словно волосы утопшего младенца, у носков моих стоптанных черных штиблет.

– Зента тоже недавно померла. – Эдвин потер ладонью о ладонь и взялся за бутерброд. – До декана факультета докарабкалась, заслуженная профессорша! Помнишь, как она на собрании второго курса выступала с речью, чтобы нас исключили как разложившихся элементов?

– Не помню.

– Вправду не помнишь? – Он пригнулся ближе.

– Помню только, что с факультета ты вылетел один. – Я поглядел за реку на высотку обанкротившегося Дома печати, которая стояла серая и пустая, словно памятник уходящей эпохе бумажной прессы, и попытался различить окно бывшего своего кабинета, но не смог. Вокруг брошенного здания как петарды носились в воздухе крачки, чья колония гнездилась на крыше. – Я-то факультет окончил, – добавил я, помолчав.

– Писательский сынок, ха! – вскричал Эдвин. – Таких, как ты, прямо-таки за уши тянули сквозь экзамены!

– Не завидуй, в советском образовании все равно не было толку, – возразил я. – Но я старательно учился и уже тогда переводил Шекспира.

– Ту несчастную горстку сонетов, с которыми по пьяни носился вокруг, дуря девчонкам головы?

– Меня, во всяком случае, женщины любили, всегда любили! – Я расправил плечи. – А тебя твоя Зита бросила, как дачного кота по осени.

– Ты теперь тоже один. – Он открутил двойную крышку термоса и, разлив чай в желтые стаканчики, один подтолкнул ко мне.

– Моя хотя бы не променяла меня на негра. – Я потянулся за чаем и погрел о крышечку озябшие руки.

– Тебя только на египетскую мумию променять! – Он шумно отхлебнул. – А Зитин негр давно помер. Утонул в Атлантическом океане. Я думаю, Зита сама его столкнула с палубы. На яхте, вишь, катались вдвоем. Зато желанную зубоврачебную практику все же выцарапала!

– Это похоже на нее, – ответил я, чувствуя, что херес уже ударил в голову. – Когда уезжала, хвастала, что вырвала у тебя все зубы.

– Эти надо было вырвать. – Эдвин постучал крышечкой термоса по пластмассовым резцам.

– Половина, по ее словам, были здоровые, – продолжал я. – Она вырвала их у тебя, чтобы отомстить.

– И за что же?

– За то, что не получил Нобелевскую премию! – Я поперхнулся хересом и стал давиться сквозь смех.

Эдвин вытряхнул чайники в волны и больно саданул меня меж лопаток костлявым кулаком.

– Не припомню никого, кто бы пуще Зиты ненавидел евреев и негров. – Прокашлявшись, я отодвинулся от него подальше. – А ты так кошмарно спился только оттого, что она тебя бросила?

– Нет. Так я протестовал против коммунистического режима, – ответил он. – Да и Зита уже умерла. Месяц назад. Месяц и четыре дня.

– Месяц и четыре дня? – Я звучно опустил бутылку на ступеньку и отер выступившие от смеха слезы подарком Эмилии, шелковым платком, в уголке которого она вышила красным не только мои инициалы, но и надпись: «Веди себя прилично!» – Так что же, выходит – почти все наши перемерли?

– Так и выходит, – согласился он. – Но я чувствую себя лучше, когда ее больше нет.

– Рад, что пережил свою большую любовь? – прищурился я. – Да ты духовный урод, Эдвин!

– Это ты урод! – отрезал он. – Ты никогда никого не любил, разве что только себя!

– Не забывай, я написал несколько сборников рассказов о любви, – заметил я.

– Как секретарь комсомола на ВЭФе влюбляется в молодую работницу с конвейера? И в цеху после ударной смены устраивают образцовую комсомольскую свадьбу?

– У меня есть и другие рассказы.

– Но с этим ты без мыла влез. Еще премию ЦК комсомола оторвал!

– Ты тоже принимал участие в том конкурсе рассказов. Тебе просто завидно, что премию получил я. Ты вообще неудачник.

– Зато мне сегодня не стыдно ни за одну написанную строку!

– А мне с какой стати стыдиться? – спросил я. – Любовь во все времена одинакова! Хотя бы это тебе следовало знать! К тому же премию мы дружно пропили в «Шкафу». А комсомольского секретаря я с тебя списал. Ты был прототипом. Вы оба с Зитой.

– Что ты несешь? – скривился он. – Я никогда не состоял в комсомоле.

– А вот Зита состояла! – возразил я. – Она единственная из нашего класса вовремя платила членские взносы. Я был кассиром, очень хорошо это помню.

– Что мне за дело до вашего класса? – выпалил он. – Я вообще в другой школе учился!

– Успокойся! Помню, что ты учился в другой школе, – сказал я. – Только не надо путать литературу с жизнью. В рассказе ты комсомолец, таковым там и останешься.

– С ума сойти, – хмуро протянул он. – Искорежили коммунисты нам жизнь, а тебя чуть не в кретина превратили.

– Ты говоришь, как тупой латыш из зарубежья, который ничего не смыслит, – парировал я. – Это ведь была наша жизнь! Не так уж плохо все было. Мы были молоды и о материальном вообще могли не задумываться. Я платил два рубля восемьдесят копеек за квартиру в сто квадратных метров. Бутылка водки – и та стоила три ноль семь. Мы с тобой писали, и нас печатали, а публика на руках носила, потому что писательское слово чего-то да стоило! И никому не надо было с голодухи переться на работу в Ирландию!

– Ты чокнулся? – Он покрутил пальцем у виска. – Кто в те времена мог прорваться через железный занавес в Ирландию?

– Железный занавес удерживал народ, оберегал национальную идентичность, – ответил я. – Когда он рухнул, латыши как стадо разбрелись по миру.

– Одуреть! – Он замахал руками. – Только не вздумай мне полит-информацию читать! Все, что угодно, только не это! Да ты же красный как рак!

– И все мы были равны, в большей или меньшей мере, но равны, не то, что сейчас! – упрямо продолжал я. – И люди в ту пору читали книги! Много читали!

– Очнись! Наши читатели вымерли. Все как один лежат в могилах. А твои сборники рассказов копят пыль в сельских библиотеках, если не сданы в макулатуру. Да пара обязательных экземпляров валяется вон там. – Он презрительно махнул рукой за реку, где разлеглось остекленное здание Национальной библиотеки, напоминающее вымытые на берег останки доисторического морского чудовища.

– Твои книги тоже там, – заметил я.

– Ну и что?

– По сути, писателю довольно и одного читателя! Одно-единственного! – Я взболтнул бутылку против солнца. – Ну, возьмем хотя бы мою Эмилию!

– Твоя Эмилия ушла.

– Но она может вернуться...

– Чтобы читать твои рассказы?! – Он посмотрел на меня как на чокнутого.

– Тебя, Эдвин, точно надо бы спихнуть в Даугаву! – озлился я.

– Да ну? – вызывающе фыркнул он.

– Ты только и знаешь, что действовать мне на нервы!

Я захлебнул слишком много, глоток застрял в груди где-то около сердца, вынудив его болезненно сжаться. Насилу проглотив, я зажал бутылку между колен и с отвращением стал следить, как очередное облако снова заслоняет солнце.

– Выпью хотя бы за то, чтобы бедняжке Зите земля была пухом, – проговорил я. – Прозит!

– Я забыл, как она выглядела, – отозвался он. – В тот раз уничтожил все, что с ней связано, фотографии, письма, выбросил даже дубленку, которую она мне подарила. Сходу отнес в мусорник, хотя самому нечего было надеть, а на улице минус двадцать.

– Горе луковое, ты же замерзнуть мог. – Я протянул ему бутылку. – На, согрейся!

– Знаешь ведь, что я не пью. – Он надменно, двумя пальцами, отстранил посудину.

– Только не забывай, что это я уговорил тебя вшить ампулу, – напомнил я. – Притом за мой же счет. Так что ты у меня в долгу.

– В отличие от тебя я ничего не забываю, – усмехнулся он. – Когда ты сопьешься, я тебе тоже вошью!

– Может, и сопьюсь, если успею, – ответил я. – А у меня есть одна фотография Зиты, где мы все гудим у меня в кабинете в Доме печати за большим письменным столом. Там и Мокарс, на том кадре. Сидит как сыч в углу возле книжной полки. Куннис тоже там, размахивает руками и скандирует свой очередной опус. Только никто не слушает, все пьяны в дым. Хочешь, подарю?

– Даже видеть не хочу, – огрызнулся он. – Да и Куннис уже сто лет как кормит червей!

– Я в то последнее лето еще дал ему пятьдесят сантимов у Петровой церкви, там, где Бременские музыканты, – сказал я. – Он шатался вокруг как уволенный со службы гном. Дурацкая смерть – захлебнуться в собственной рвоте.

– Зато, как захлебнулся, сразу был зачислен в гении.

– Не завидуй! Мы с тобой тоже гении! – возгласил я. – А у тебя после Зиты и впрямь ничего не было?

– Кой-какие полюбовницы, в таком роде...

– Почему ты не поехал вместе с ней? – спросил я. – По крайней мере, зубы сохранил бы!

– И что бы я там делал, в той Америке? – Он в упор поглядел на меня. – Сидел бы у нее на шее или машины мыл? Латышский писатель на чужбине, смешно...

– Зита очень хотела, чтобы ты поехал с ней. Она ужасно тебя любила. Умоляла, чтобы я как-нибудь уговорил тебя. Так ты же упрямец.

– Ты с ней спал?

– С ней же все спали. – Я расслабил завязанный Эмилией галстук, сам-то так и не наловчился завязывать узел. – Тебе ли не знать...

– Так я и думал.

– Я и ждать не ждал, что она втюрится, с чего бы? – спросил я. – Не было у нас ничего серьезного, мне кажется, она в темноте перепутала палатки. Скорей всего, искала твою.

– Я в тот раз не ездил с вами. Ногу сломал.

– Да, точно, ты был на костылях! – Я шлепнул себя ладонью по лбу. – Мы еще смеялись, что ты скачешь как кузнецик. Но постой, старик, ты что, упрекаешь меня?

– Да нет, что ты!

– В конце-то концов, она выбрала именно тебя! – Я хлопнул его по плечу. – А ты оказался идиотом, такую женщину упустил! По дороге в аэропорт она в машине плакала, хлюпала носом и истерически смеялась, что, мол, оставила тебя с пустым ртом. Жалко было смотреть.

– С протезом удобней, – сухо уронил Эдвин.

– Да, конечно, – согласился я. – Но в молодости ты был настоящим недотепой, только и знал, что краснеть перед девчонками. Ты хоть переспал тогда с той шлюшкой Риточкой, которую я уговорил лечь с тобой? Вы еще поехали на нетопленную дачу моих родителей, потому что негде было приткнуться? Я дал Риточке ключи. Позже она рассказывала, что, сойдя с электрички, вы скатились с насыпи в сугроб, да так и не выбрались оттуда.

– А Риточка тоже протянула ноги, – сказал Эдвин.

– Где ты их берешь, этих бесчисленных мертвецов?

– Мой отец всегда начинал читать газету с похоронных объявлений, – ответил он. – Это у меня от него. Когда ты помрешь, я и о тебе дам такое. Жирным шрифтом, в рамке.

– Я сам тебе напишу некролог и еще выпью хереса на поминках!
– рассмеялся я. – На меня не рассчитывай! Я до сих пор каждое утро сажусь за рабочий стол и пишу.

– Тебя еще печатают?

– Нет, но мне это не важно, – ответил я. – Эмилия сказала, что я пишу для будущих поколений.

– Правду сказать, тебе тоже пора завязывать, – произнес Эдвин.

– Ты же давно впал в сенильность, только сам этого не чувствуешь.

– А мне кажется, что я еще держусь молодцом.

– Тебе кажется... – раздумчиво протянул Эдвин. – Мне тоже поначалу казалось. Не скажу, чтобы я так вдруг прекратил писать. Множество раз пробовал. Пока пишешь, кажется, что выходит хоть куда, вроде бы все на своем месте, а перечтешь наутро свежим глазом и понимаешь, что никуда не годится.

– Что за чушь? Ты ведь моложе меня! – воскликнул я. – Тебе всего восемьдесят два.

– А тебе сегодня восемьдесят пять, старый бабуин! – Он вытащил из сумки зеленый механический карандаш Faber и преподнес мне. – Поздравляю с днем рождения! Там внутри и запасные стерженьки есть.

– Этим орудием я буду писать до самой смерти. – Тронутый, я покачал карандаш на ладони.

– Да, жизнь прошла. – Эдвин поглядел на часы. – Ну, мне уже пора на электричку. Неплохо отпраздновали, а?

– Да, ничего. – Я сунул карандаш в карман. – Жаль только, что Эмилия эсэмэску не прислала.

– Послушай, – немного помявшись, молвил Эдвин. – Нехорошо так шутить, ведь твоя Эмилия тоже умерла.

Я смотрел на него и не верил ни единому слову.

– На кладбище Лачупе, – добавил он, как бы извиняясь. – Мы похоронили ее в прошлом году, в августе. Еще день был солнечный... Помнишь?

– Мне казалось, мы просто разбежались в очередной раз. – Я стиснул ладонями виски и уставился на водоросли, которые сонно змеились в течении.

– Это, наверно, от хереса. Прости!

– Вы же все время цапались.

– Так только со стороны казалось, – я поднял на него глаза. – На самом деле мы жили дружно.

– Может быть, – кивнул Эдвин. – Но послушай, старик, тебе надо к врачу. Это серьезно.

– Они ничем не могут помочь, – ответил я. – Но я все записываю.

Я стал вытаскивать из карманов свои бесчисленные блокнотики и как бы в доказательство разложил их рядком на ступени. Ветер, словно машинка для счета денег, со скоростью молнии листал мелко исписанные листки.

– Впечатляет! – Эдвин кулаком потер колючий подбородок.

– Да. Там все записано.

– Стало быть, карандаш тебе в аккурат пригодится. – Он похлопал меня по плечу и поднялся.

– Да, спасибо. А я еще тут посижу.

– Сам до дому доберешься? – еще спросил он.

– Да это ж рядом, – ответил я. – И я не пьян.

Оставшись один, я расплакался, затем начал листать блокнотики, пока наконец не наткнулся в одном из них на подчеркнутую фломастером запись: «Не забудь, что Эмилия умерла!» Я вырвал этот листок, скомкал и запихнул в пустую бутылку из-под хереса, крепко заткнул горлышко и бросил бутылку в Даугаву.

Владимир Ермолаев

Фургон старьевщика

Отец рассказывал мне о фургоне старьевщика. Он застал еще те времена, когда в городе можно было увидеть лошадей. Фургон тянула гнедая лошадь. Она медленно катила фургон по улице, сворачивая во дворы. В городе часто попадались и телеги, их тоже тянули гнедые лошади. Гнедая масть, рассказывал отец, самая распространенная. В деревнях можно было увидеть и другие масти, но в городе лошади все были гнедыми. Так ему, по крайней мере, казалось. Неизвестно, так ли оно было на самом деле.

Фургон представлял собой обычную телегу с натянутым над ней брезентом. Он был завален и увешан изнутри разными вещами. У старьевщика можно было выменять одну вещь на другую. Взрослые редко что-то меняли, но дети очень любили меняться. Все тащили какие-нибудь вещички, игрушки, книжки, а взамен получали воздушный шарик, леденец или еще что-нибудь такое же малополезное, но очень привлекательное, прямо-таки сказочно заманчивое, когда видишь это висящим на стенке фургона или в руке старьевщика.

Однажды отец обменял длинный китайский фонарь с двумя батарейками на простую елочную игрушку из картона, то ли рыбу, то ли зайца, и ему за это попало от родителей. Услышав эту историю, я несколько не удивился. Я тоже любил меняться. Незадолго до этого я отдал мальчишке из соседнего подъезда гоночную машину с дистанционным управлением за маленький складной ножик и теперь с беспокойством ждал, когда все раскроется.

Пора листопада

Сколько листьев. Пора листопада. Неужели год. Какая выдержка. Да не так уж и трудно. Шесть часов – и свободен. Если жилой дом, можно освободиться и раньше. Хотя сейчас, вроде бы, они работают в бригадах. Тоже от и до. Клен. Липа. Клен. Удобнее было бы пылесосом. В саду нет денег на пылесос. Ха-ха. Уберешь и этим. Как оно называется. Вроде граблей. Только из проволоки. Проволочные грабли. Может, так они и называются. Хочется знать, как называется то и это. Всегда. Постоянно.

Неудовлетворенность. Угрызение: бедный словарь. Оттенки цветов. Виды птиц. Травы. Марки автомобилей. Что носят женщины.

Лосины. Бриджи. Капри. Леггинсы. Чем отличаются. Чем отличается кардиган от жакета. Знаешь слова, но не знаешь, к чему относятся. Или наоборот. Знаешь предметы, но не знаешь названий. Если подует ветер, все снова разнесет к чертям. Мало пленки. Нет денег на пленку. Ха-ха. Как называется этот пылесос. У него есть название. Особое. Наверняка. Сколько вещей вокруг. Но он шумит. И тяжелый. Лучше граблями. Можно думать. Вот только о чем. Как она посмотрела, когда я устраивался. Оглядела. Да. Правильное слово. Оглядела с ног до головы. Смерила взглядом. Будто вещь. Но и то. С чего бы выпускнику университета идти в дворники. Может, чокнутый. Или пьяница. Наркоман. По виду не скажешь. То есть не похож. И потом это обследование. Визит к врачу. Ха-ха. Повернитесь так. Повернитесь эдак. Наклонитесь, чтобы я могла заглянуть вам в зад. Это уж точно лишнее. Что она могла там увидеть. Садизм. А может так надо, если работаешь в детском саду, рядом с детьми. Беда – не знаешь, что им можно, чего нельзя. И они этим пользуются. Как защитить свое достоинство, если не знаешь своих прав. Их обязанностей. Но готов на все. Ради цели. Спасает идея. Как этого, у Достоевского, не вспомнить. О черт. Кошачий труп. Будто высохшая. Пестрая. Значит, кошка. Говорят, пестрыми бывают только кошки. Не коты. Мертвый оскал. Кошачья агония. Почему она подохла здесь. На моем участке. Что теперь делать. В мусорный бак. Перебросить через забор. Да. Может, она так здесь и очутилась. Тот, с другой стороны, перебросил ее сюда. Он тоже не знал, что с ней делать. Так ему было проще. Получи обратно. Каждое утро трупик перебрасывали туда-сюда. Абсурдная история. Кто там работает. Мужчина, женщина. Неважно. Если поднять за хвост, будет раскачиваться. До бака далеко. Уфф. То, что меня не убивает, делает меня сильнее. Укрепляет волю. Где он это сказал. И как это по-немецки. Совсем забросил. Начать заново. Уфф. Хорошо, что она велела срубить липу на той стороне. Меньше работы. Но жаль. Огромная. Красивая. Шубертовская. Чем ей мешала. Тень. Но воспитательницы, которые там гуляли с детьми, были против. Все. И никто не возражал. Она сама потом пожалела. И кто виноват. Исполнитель. Дворник. Злой лесоруб. Губитель деревьев. Я должен был восстать. Возвысить голос. Проявить твердость. Занять позицию. Но я всегда уступаю. Уступать легче. Сохраняешь силы. Нервы. Силы нужны для настоящей работы. Как же его звали. Того, с идеей. Принцип дзюдо: используй силу противника

против него самого. Неудачный роман. Ничего не запоминаешь. Ни имен, ни сюжета. Жубер: хорошая фраза отделяется от бумаги. И еще, когда что-то случилось с бочкой, она сказала: «Всех мужиков следует расстрелять». Незамужняя. Или разведенная. Или еще что-то. Без детей? Озлоблена на мужиков. На весь мир. Начальниками, директорами должны быть люди семейные. С благополучной семейной жизнью. Где найти таких. И сексуально удовлетворенные. Как это совмещается. Власть – фотопроявитель. Показывает то, что скрыто. Уфф. Дело к концу. Осталось съездить с В. за сметаной. Потом тащить бидон от остановки. Квартал. Почему ее не привозят сюда на машине. Абсурд. Деятнадцатый век. Да и тогда бы привезли на телеге. Недостаточное финансирование. Бедная страна. Дауншифтер в бедной стране. Ниже некуда. Зато свободная голова. Без мыслей об уроках. Лекциях. Вообще без забот. Wohnen mit Ideen. Как обставить свою просторную квартиру. Ха-ха. Учил немецкий по этой книжке. Потому что бесплатная. Экономить на всем. Идея: накопить и потом год-два жить не работая. За это время написать что-то стоящее. Ха-ха. Что делать потом с шедевром. Другой вопрос. Вспомнил: Аркадий. Так его звали. Тоже собирал деньги. Экономил на обуви. Ходил как-то странно, чтобы не стирать подошву. Копил. Зачем. Независимость. А зачем. Не помню, чего он хотел. У Достоевского ни одного героя-писателя. Или художника. Или композитора. Ни одного поэта. Инженера. Ученого. «Записки старого человека». Испугало в юности. Как прожить, чтобы не зря. Чеховщина. Ни в чем нет смысла. А потом лопух. Нигилист Чехов. Почему он был так популярен в СССР. Законченный нигилист. И без базаровского энтузиазма. Пессимистический нигилизм, если по Ницше. Привезли в устричном вагоне. Холодильник. Лопух и устрицы. Бросить философию и читать только романистов, поэтов. Сосредоточиться на одном. Жить идеей. В. живет рядом. Два раза уже заносили сметану к нему, и он наливал банку. Пятеро детей. Неужели на кухне не замечают. Взвешивают ли они бидон. Я уступаю. Уступаю. Но пора это прекратить. Есть границы. Воровать нельзя. Даже если у тебя пятеро, и ты чуток сдвинутый. Сегодня я скажу «нет». А может быть, все же «да».

Надувной Ленин

Рассказ

– Стоял, а как же! Супротив сельсовета, возле школы, в пышных кустах сирени – независимо так, по-марсиански, рука была, помню, поднята, но как-то неуверенно, ребром – то ли он остановить нас хотел, то ли форму какую-то делал, то ли просто махнуть собирался от безысходности: «Хрен, мол, с вами...».

Лысый череп на солнце жидким серебром светится – каждый год его серебрянкой подкрашивали. (Весной и летом памятник был почти целиком закрыт зеленью, только лысина и рука – к небу.) Петрович пожевал губами, ухмыльнулся, потом взял со стола котелок и долго смотрел внутрь, развлекаясь.

– Уверенно стоял, – продолжал он, оставив котелок, – казалось бы, на века, плотно: укрыт Знаками, милостивец, душа радовалась каждому дню, каждому семечку, из тебя на пыльную дорогу жизни выпавшему, каждой пухлянке и лугу, и свежему сену, – стоял с благословением – и ты, как индюшонок, радовался каждому вздоху, кислоти, цвету, уверенно-живой монете солнышка. Играй! Играй, дорогое... Сила в нем была, страсть, удивление ежедневному нашему мельтешению, кособокой нашей древожизне.

Нетерпеливый? Но зато какой красавец!

Глубокий, уживчивый взгляд, ёмкие губы, крылатая борода, уши – знаком вопроса. Весь облик вождя обещал просветление каждому, даже японцу! Каждой бумажке, травинке, немому венку на крыльце, узурпатору в горнице...

– Только, – хмыкнул дед и подмигнул мне вполне заговорщицки, вполне... Хитринка в глазах – ватный прищур. – Только вот нос...

Смутно осознаваемая мысль тупым ножом уколола в мозг.

– Что нос? Что? – изнываю я в испарине, беспокойно раскачивая скамью.

– Нос! Нос намекал на какую-то еле уловимую, но необычайно древнюю тайну, внезапный удар-упреждение (но не вода!), хруст пробиваемого головой стекла, высланное мхом дно глубокого колодца, – старик, казалось, издевается, мстит, пользуясь удачным моментом. – Тайна! Самое главное – цель жизни любого живого существа, то, ради чего он запрятан, схоронен. В безысходности выходов, или, например, в шкафу, или там – в лилию, в пупырышек... Секретец, хе-хе...

– Какой, какой Секрет? – я крепко держусь руками за край стола, чтобы не улететь к черту. – Что ты мне голову морочишь, старый неврастеник, я и так, как вьюн в корзине...

– Запрытан, – Золикарп Петрович шумно вздохнул и погладил огромной ладонью струганные доски стола. Потом он неожиданно быстро сделал множество интересных вещей: перевернул котелок, размазав остатки каши пальцем, выбил папиросу, закурил по-холостяцки, ноздрями выбросил шлейф белесого дыма, утяжеляя и без того неподъемный воздух, обтер лицо ладонями, разгоняя ци, покашлял. «Запрытан». Трет глаза, синеет в ответ на мою нервную улыбку: «А не пожарить ли нам угорьков? Костями-то не наешься – до утра проболтамши...».

Надоевший рукам, закопченный взглядами котелок летит в стену, брызгая кашей, и этот полет создает великолепное праздничное настроение, да и солнце плюс ко всему дырявит слюдяное оконце, задуманное, видимо, бойницей, изба поднимается на этих лучах как «Союз Т-17», в огненном столбе разожженного, наконец, керогаза...

Дедушка бежит в сени, к холодильнику, и через минуту возвращается, бухая валенками, держа в одной руке трехлитровую банку с еще шевелящимися угрями, а в другой – острый нож. Золикарп бухает целую горгонью голову на деревянную доску, как заправский повар легко отсекает ножом змеиные рыльца, освобождая узкие извилистые тела от скучного земноводного бытия.

– Тут только пальцы береги! – посмеивается он, сметая окровавленные головы в мусорное ведро. Большая чугунная сковородка уже булькает и шипит – готова красить красные волокна в коричневый, уминая в себе неживую плоть. Безголовые угорьки плюхаются в масло, ныряют в свой последний неглубокий омут.

На столе вспыхивает небольшое солнце – сорокакаратовый бриллиант семисотграммовой водочной бутылки старого образца, но без этикетки – в ней на секунду отражается ровное лицо хозяина – все происходит очень быстро, и я так и не предложив свою помощь, успеваю только улыбаться сквозь какой-то туман в неотдохнувшей за ночь голове. Сквозь этот туман я вижу, как Золикарп Петрович бросает на сковородку тмин и другие приправы: перец, лавровый лист и еще – странный серый порошок, потом режет хлеб, лук, который солит слезами, расставляет на столе посуду: стопки, старые, с обитыми

краями, тарелки, какие-то царских времен длиннорылые вилки и нож. Неожиданно в его руке появляется пылающая ветка можжевельника и сразу гаснет. Горница наполняется вкусным дымом: поджаривающиеся угорьки, можжевельник и керосин создают неповторимое сочетание запахов. Вот только туман...

– Ну а теперь, бурхан, бурхан, – машет ладонями Золикарп, приглашая к трапезе, потом пробует, обжигаясь, кусочек угря прямо со сковороды, установленной посреди стола с большой помпой, на металлическом кругане, похожем на мишень; потом он наливает водку – приходуйте, сэр! – кричит, трет ладони (лифт на небо подан), у меня индивеет лысина, отмечая момент кульминации – все ли готово? – диспозиция вполне удовлетворяет участников: хлеб, в поднятых руках рюмки, вокруг – столбы и кости жертвенных животных, внизу еще мельтешение, но в сердце – уже покой, уверенность и краешек страха (о будущем).

– Давай, кам, чиститься! – старик подмигивает мне обоими глазами, поднимает стопку и погружает ее целиком в бездонный колодезь рта. Водка устремляется по виадуку, размывая старые запруды и закупорки, слежавшийся хлам, бежит маленьким ручейком, течет Волгой, грохочет Ниагарой, огненным водопадом, согревающим легкие.

– Ты пей, пей, кам, – советует Золикарп, хватая исходящую маслом змеюку с колечком лука, – туда лучше отправляться, когда на тебе наряд легкий.

Я, решив пока ничего не уточнять, осторожно опрокидываю стопку, отламываю угря, он кажется мне горьким, но необычайно вкусным. Я вспоминаю, что уже сутки не ел горячего.

– Оо! Кагак! Держилицо! – верещит дед, и – о, Господи, – опять наливает!

Очень быстро я напиваюсь, и тяжелое состояние, преследующее меня с самого утра, как будто растворяется в солнечном свете, сытости и опьянении. Потом я замечаю, что свет в горнице начинает как-то странно ломаться, пространство вокруг меня наполняется битым солнечным стеклом, сверкающим по краям – мир трескается! – этого еще не доставало, мной овладевает легкая паника. «Сейчас всё пройдет!», – убеждаю я себя. Мне кажется, что я стал тяжелее, оплыл, утвердился, руки совсем не слушались.

– На грибах горилка, а, дед? – спрашиваю я Золикарпа, вращая

глазами. Он не слышит – увлечен трапезой, сосредоточен лицом, руками светел – ест. Проходит несколько минут, я тихо сижу, пытаюсь разобраться в своем состоянии.

– Ну что, кам, бог Ёкан посетил? – Петрович, казалось, нисколько не изменился, только почему-то посинел и стал похож на Шиву в мягкой ушанке, распахнутой на груди старой фуфайке и «беломориной» в углу краснотубого рта. На столе стояла вторая невесть откуда взявшаяся семисотграммовая бомба, уже початая.

Я откинулся на стуле и стал рассматривать дощатый потолок, выкрашенный белой краской, из центра которого торчал длинный шнур с пыльной лампочкой на конце, и неожиданно вспомнил, что Ёкан у ургенов – вечно пьяный бог поиска, который, по преданию, приходит к наркоману или алкоголику в момент пика приятных ощущений, чтобы показать ему «тапты».

Я мотаю головой и убеждаю прежде всего себя в том, что я совершенно трезв. И действительно, никакой обычной для такого состояния пьяной прострации – только собранность, мозг работает как атомные часы, сердце, легкие – все на месте, и туман в голове, вроде бы, окончательно рассеялся. В горнице почему-то темно, Золикарп тяжело поднимается и идет включать лампочку, шурша валенками по половицам. Из кладовки за печкой он достает маленькую банку маринованных огурцов в мутном рассоле, выкладывает их в глиняную чашку и ставит передо мной на столе.

Мы снова выпиваем, закусываем хрустящими огурцами, и тут я на мгновение отключаюсь. Мне показалось, что пространство поменяло знаки: я стал выгибаться по краям, как чашка, на дне которой собралось немного мыслящей субстанции – рассола? – некий мыслящий конденсат, белок и первая клетка, еще не амеба, но самая первая на планете живая клетка, которая почему-то обрела способность осознавать окружающий ее океан, заполненный обломками статуй. Или нет, я – капля дождя в старом тазу, на заброшенной даче, в заброшенном черепе, в забытой раз и навсегда жизни... Так изогнулась вселенная – медленным танцем, и я, как слеза неубитого Бога, – в ладонях зимы испаряюсь...

Соленый, мокрый, я постепенно прихожу в себя: комната, тусклый желтый свет, стол, напротив меня – грузный Золикарп Петрович. Тут я вспомнил про памятник и стал внимательно рассматривать

хозяина. Старик, похоже, пребывал у истоков: шапка съехала набок, глаза прикрыты могучими веками, изо рта доносится какой-то хрип – так его разнесло, спрута бородавчатого. Сидел и все-таки держался: руки плетью висели вдоль тела, нос дрожал, шея вибрировала – величественная картина!

Полюбовавшись Золикарпом, я выскреб из сковородки остатки угорьков, аккуратно разложил серые комочки на куске черняги, сверху положил прозрачное колечко лука, вздохнул (чего-то вздохнулось мне) и стал жевать, откусывая, как от могильной плиты, большие куски, пропитанные маслом.

Насыщаясь и продолжая наблюдать за дедом, слушая его нечеловеческий хрюк и храп, я думал о том, каким невероятным образом встретился сегодня с этим неандертальцем.

Я ведь утром приехал. Приехал в родную деревню, где не был наверное лет шесть, отмотав полторы тысячи километров: поезд, поезд, электричка (еще 4 часа), автобус (30 км по раздолбанному шоссе), немножко еще пешком, – и не застал родственников, видимо, уехавших в райцентр. Не отчаиваясь, я решил оставить вещи у знакомой бабушки Маши, по прозвищу «Мартышка», и пойти погулять к реке, но когда по хорошо знакомому с детства мостику переходил ручей – поскользнулся, упал в воду и был вытащен никогда ранее не виданным дедом Золикарпом, который жил на самом краю деревни у полуразрушенной ветлечебницы. Старик пригласил меня обсушиться, и я не без радости согласился. Так начался этот странный день в родной деревне, нисколько не изменившейся (и это было очень хорошо) за то время, пока я жил в городе, в другой стране.

Теперь, сидя за огромным – в полгорницы – столом, в тишине и покое, я с удивлением и брезгливостью вспоминал вонючий город-столицу и видел узкие улицы, бесконечный поток машин с вечнопешащими комками нервов и мяса внутри, ежедневно глумящими себя алкоголем, наркотиками и никотином. Я видел их стеклянные глаза, в которых отражается грязный дым их желаний, поднимающийся над серыми домами в серое небо, я чувствовал их ненависть и страх обреченных, которые «всегда навеселе», если не от алкоголя, то от «химии крови», они ежечасно взращивали в себе все ту же ненависть, злобу и отчаяние, и даже лучшие из них жили в маленьких и тесных персональных адиках, в которые заключали себя

сами. Страх. Безысходность. Все это было неправильно и наверно поэтому – обречено, но тем не менее, продолжало существовать: серая картинка почернела, порченный негатив в одно мгновение задрожал и расплавился.

Сейчас все это было далеко. Я очнулся. Здесь была жизнь. Может быть, старик наваял мне такие мысли? Я посмотрел на Золикарпа. Оказывается, он ожил – завращал глазами, распахнул фуфайку, налил себе стопку, к чему-то приняхивался.

– Не тужи, кам, сейчас прогуляемся, – сказал Золикарп, и мы выпили. Мне уже давно хотелось на воздух, пройтись, размяться, разогнать кровь. Все-таки я был здорово пьян.

Старик завозился, поднимаясь, хрустнул костями, полез в кладовку за какой-то одеждой для меня. На свет появились старые черные штопаннные брюки, цветная рубаха, почти новый двубортный пиджак и ватник. Не понимаю, как я оделся, не помню, как мы оказались на улице... Мир то приливал, то откатывал, подобно свинцовым волнам нашего холодного моря, в зазорах сознания копошились обломки каких-то мыслепостроений, довольно стройных, как мне казалось, довольно логичных, но от малейшего изменения настроения, вызванного может быть поправшимся на дороге камнем, все рушилось, крошилось под напором каких-то там сильных чувств по отношению к этому камню, совершенно сейчас не помню – каких, было темно, мрак немного рассеивали одинокие фонари.

Мы шли по главной улице между нарядных деревянных домов с палисадниками и о чем-то говорили. Старик делался необычайно словоохотливым.

– Хрупко все, кам, – говорил он, притоптывая. – Хрупко. Чувство. Время. Слово. Мозг. Зеркальный за окнами день и речение бешеных веток, взгляды разрушенной точки и пыльные мысли немых табуреток-угодниц. Мир, ваш мир, не потерпит большего тепла, ваши атомы и электроны: каменный шаг безымянного. Скрутит, убьет и размножит: Сатурн – восемь, Юпитер – двенадцать, – неожиданно он остановился, – десять воронов-солнц гонятся за Отцом-временем, и кто победит – тому жизнь. А что до материи, – снова зашагали в темноте, – материя вам не граница, не полость – где след от удара. Уж ты то, кам, должен понимать!

Я совершенно уверенно говорил: да, понимаю, мол, и со всем согласен. Но тайну все-таки хочу разгадать – покажи мне, Петрович,

надувного Ленина! – просил я заплетающимся языком. – Уж тогда-то я все пойму! – до конца, до утверждения точки, до точки.

– Так ведь мы туда и идем, – отвечал Золикарп, размахивая рукой так, словно продавал черный воздух, сгустившийся вокруг нас.

Потом он стал втирать мне какие-то уже совершенно малопонятные вещи – его слова были похожи на кусочки свинца, которые старик засовывал мне в уши: будто бы алкоголизм заложен в христианской культуре изначально («кровь и вино»), так он и сказал – формирует «алкогольный культ» восприятия. Я пытался с ним спорить, чудовищная несправедливость этих слов переполняла все мое естество, но сказать я почему-то ничего не мог. Старик то и дело сбивался на непонятное «Сатурн – восемь, Юпитер – двенадцать», но вкладывал ли он в эти слова какой-то смысл или нет? Я мог только улыбаться в ответ, мысли путались, огромное лицо заслоняло звезды. Мы прошли уже заселенные участки и выбрались в поле. Небо раскрылось. Старик сделался уже совершенно невыносимым.

– Опиши мне минуту! – требовал он, растирая рукав. – Говори! Говори, кам, – он щелкал меня пальцем по переносице, будто запускал некий механизм. Что я ему – органчик? Голова фаршированная?

– Минута, – бормотал я, – минута, ее описание, хм, – наконец я собрался и проговорил: – все, что успел, не имеет лирической ценности! Бегал, ругал абрикосы водой долголетия... Пачкался снами. Заваривал смерть в подстаканниках, хм... все, что успел за минуту... Я икнул и уставился на Золикарпа.

– Во дает, кам, «болезнь-сон»! Во дает, чок! Слова из тебя сами ползут, молодец!

Мы шли дальше через поле, старик вдруг начал меня ругать! – Слабый ты, ленивый и бесхарактерный, боишься, что лишний шаг из тебя душу вытянет? – Золикарп придерживал меня за рукав. Казалось, что он был совершенно трезв. – Нельзя так, кам, нельзя – бог Тайла обидится, заберёт, нельзя.

– Какой Тайла? – спросил я, но Золикарп не услышал моего вопроса и продолжал:

– Заберет и спрячет у себя в носу, чтобы ты ему ноздри вычесывал. Ну, а как только отдохнуть захочешь – чихнет Тайла, и конец тебе, конец бездельнику... Соплей перешибет! – заорал он вдруг.

Спотыкаясь о собственные слова, мы обошли ветлечебницу – там

воняло какими-то медикаментами – и двинулись к огням ПМК. Старик вдруг нагнулся и стал шарить руками по земле: охотится? на кого же здесь можно охотиться, на мышей? Старик закричал и запрыгал на корточках, изображая сокола.

– ЫЭЭЭХ!?! – рев старика крушил тишину грязной, как патока, ночи. – Берегись, князь воздуха! Я тебе осень продам! – Золикарп подсакивал вверх, взмахивая руками, закручивал их в узел, бил себя по бокам...

Может быть, мне только показалось – пошел снег, крупные белые хлопья стали падать сверху, словно кто-то пытался покормить огромную черную сумасшедшую птицу, застывшую в нелепой позе в центре Вселенной. Золикарп стоял, расставив руки, вывернув кисти назад, наклонив голову. Прошла минута, а может быть – час, снег продолжал идти.

Старик зашевелился, стряхнул с себя белый пух, выдохнув что-то вроде: «ХЭУЭУООО!» и направился в сторону ПМК, не замечая моего удивления. «Что я здесь делаю?» – подумал я вслед удаляющейся черной спине, но это оцепенение длилось лишь долю секунды. «Порядок вещей» – подумал я, и еще: «нестабильно», а потом: «заболела спина у высокого». И я зашагал следом, чему-то улыбаясь, может быть вспомнил чего, историю какую-то, наверное, о человеке, который крестился на корабли? Да скорее всего я вспомнил именно этот случай, только вот почему? Дело в том, что однажды в пригородной электричке в одном вагоне со мной ехал сумасшедший. Он вел себя беспокойно, пересаживался со скамьи на скамью, поднимал руки, показывал проходившим мимо него пассажирам какой-то запаянный в пластик документ. А когда мы проезжали судостроительный завод, он подошел к окну, посмотрел на стоявшие в доках корабли и стал размашисто креститься, кланяться. Люди старались не смотреть на него, отворачивались. А я смотрел. И улыбался – как сейчас.

– Дед, а дед! Подожди! – закричал я и побежал за Золикарпом, хрустя молодым снегом.

Я догнал его уже у «кладбища» сельтехники: трактора, бульдозеры, комбайны, точнее – металлические трупы, остовы – целое поле, до горизонта. Они показались мне ближе, чем все человечество, ближе и понятливей. Я остановился и вытер мокрое лицо ладонью. Слезы? Снег.

– Эх тебя разбирает, – громыхнул Золикарп над самым ухом, улыбнулся, может быть, в первый раз за весь вечер. Так могла бы улыбаться мельница.

И тут я потерялся! Еще секунду назад мы шагали между железных скелетов, и вот я оказался один, невыразимый ужас наполнил мои легкие, я не мог даже крикнуть, только рот разевал, как карась, разводил руки, ощупывал дорогу, а потом так и застыл с раскрытым ртом и разведенными руками, не в силах двинуться с места, со всеми богами – ОДИН. Я застонал. Вдруг произошло нечто такое, что заставило меня очнуться. В небе, прямо над моей головой, появилась огромная светящаяся надпись, которую я все же прочитал, с огромным трудом фокусируя зрение: «Winter Landscape with Bird-trip», горело над заснеженным полем лишь несколько секунд.

Я стоял и смотрел, как гигантские буквы стали гаснуть, медленно дрожа на фоне появившихся дырочек-звезд. И уже не чувствовал страха, только непонятно-сильную ненависть. «Кто, – думал я, стервенея, – кто подписался под этим осенним вечером, лишив меня последнего шанса что-либо сказать, докричаться?»

Пригорюнившись, я присел на ржавую гусеницу. От обиды я даже о старике позабыл, сидел, обхватив руками голову, раскачивался, напевая что-то тоскливое.

Золикарп появился также неожиданно, как и исчез – откуда-то слева показалась его неуклюжая фигура – старый вальдшнеп в фуфайке! – когда на небе уже не было и следа таинственной надписи. Он взял меня за воротник ватника, заставил подняться и продолжить путь.

Миновав «кладбище», мы обошли небольшое болотце, потоптались по каким-то грядкам. По шагу старика, который становился все торжественней и величавей, я понял, что мы подходим. Через минуту путь нам преградила большая яма, которой я раньше никогда не видел. Я посмотрел в блестящие глаза Золикарпа. Он, казалось, застыл, как механизм, выполнивший свою задачу: кончилась программа. Мне стало как-то неуютно, зябко. Сердце колотилось, руки стали ледяными. Медленно как во сне я подошел к самому краю ямы и заглянул, замирая...

На самом деле, метрах в трех-четырех от поверхности, лежал он. Мне показалось, что Вселенная вот-вот рухнет. В этот момент я узнаю Тайну, за которой проделал нелегкий путь. Но ничего не происходи-

ло. Статуя лежала так, как ее опустили в яму краном или скинули с грузовика ломачами: постамент зарылся в грунт, лысина, казавшаяся мне серебряным воздушным шариком, чуть-чуть выше тулова лежит, как на подушке, на небольшой куче грунта. Такое ощущение, что Ильич отдыхает в шезлонге, наблюдая звезды и показывает кому-то, какому-то своему невидимому собеседнику правой рукой: «Вон, вон, видишь это – Сириус. А это – Альфа Дракона...».

Почему его не распилили, не переплавили, не продали иностранцам? Почему оставили здесь, неммым зрителем – наблюдать разбегание Галактик? Сторожить планету? Ждать? Я вздрогнул. Золикарп, подойдя сбоку, тронул меня за плечо.

– Черти пришли... – выдавил он. Кривились губы, черный нос изгибался крючком, будто пытаюсь забраться в рот, помешать высказать то ли пророчество, то ли тост – язык резал слова, считал зубы углом, кусался, – черти пришли, кам.

Он замолчал, достал монетки и кинул в статую. Монета со звоном отскочила. Я задохнулся.

– Как, неужели он?..

– А ты думаешь, только он? – старик справился с искореженным ртом. – Всё из картона... Они-то думают: звезды, планеты... Он нас морочит! Можно рассчитать и увидеть! Всё рассчитать, только путь иной. Нет, кам, – Пыль. Птолемей увидел правильно, Галилей ошибся и вас натворил – принял форму, а потом – ПЫХ! и нету, один пепел. Бумажные звёзды могут только прикидываться шарами. – Он мне рассказал, ну я и увидел: в нем самом пусто так! Смотри!

Я видел только его глаза возле лица, налитые кровью.

– Так! Духом человеческим обрели звезды плоть, а небо – пустоту. Духотворящий. Кто бы без нас назвал Бога? Без нас – нельзя, кам, совсем без людей! Люботворящий – вот тайна, где лежит основа любого бытия без страха... Жизнь это – всплеск, секунда, а потом только распад, – казалось, что слова он выбирал наугад, будто кубики пластмассовые бросал, с буквами, – все что ни на есть какая-то парша, человек это – обреченность камня, точки, елочки, гниль. Пепел...

Он вытянул ладони в мою сторону, затопал ногами, мне показалось, что он хочет растоптать нашу несуразную планету...

– Духотворимые, духотворящие – держи, кам, медальку! – Он кинул в меня землей. – Понимай, собака, понимай подмену! Да не словами

понимай, сердцем, кам, сердечком... А-если-не-пой-мешь, кам, – сказал он уже другим, каким-то страшным, не его, металлическим голосом, – заставлю тебя!

Вылетало как в трубу из железной глотки. Холодея, я посмотрел в яму. Там никого не было. Резко повернув голову в сторону Золикарпа, я уже краешком глаза заметил то ужасное преобразование, которое произошло с его телом. Он рос, раздувался, растекался серебряной массой. Бородка, слепые глаза, уши. Нос. Передо мной стоял надувной Ленин. В его руке блестел гигантский топор. Не дожидаясь конца трансформации, я побежал по каким-то грядкам, мимо болотца, через «кладбище», и я ни разу не обернулся, чувствуя серебряное пламя у себя за спиной. Уже в деревне, добежав до слободы, я нашел в себе силы посмотреть назад. Чудовищное, похожее на космонавта, существо двигалось не касаясь земли в ровном свете – чего бы вы думали?

Я не мог даже спотыкаться, я неся через проулок к дому. «Так я и думал, зараза, так и думал, намеки его, глаза, размеры, раньше надо было. Ах, зараза!» – мысли – как кости, гремят в голове. Только поздно.

Я забегаю в дом, закрываю тяжелую дубовую дверь на огромный засов (так холодно пальцам), бегу по коридору, опрокидывая какие-то ведра, ногой вышибаю дверь горницы и резко останавливаюсь, тяжело дыша. Комната освещена диким серебряным светом. За массивным столом, заставленным посудой, сидит мой Преследователь. Улыбка? Я замираю. «Через окно?» Только сейчас тяжелая улыбка озаряет лицо статуи: она разбухает, вытягивается, резиновая кожа трещит миллионами невидимых нитей, голова растет в нечеловеческом крике: «КОООМ!», ухают оладьи губ, треск нарастает, вой становится диким свистом, руки-трубы, топор – все это уже рядом.

Неожиданно свист прерывается в самой своей нестерпимой точке. Я знаю, что сейчас произойдет, и быстро закрываю лицо руками. Сердце, приготовься.

Серебряный шар, заполняющий комнату целиком, замирает с треском, от которого мозг дрожит, как кусок зельца – лопается в целом фейерверке ярких брызг, светящихся изнутри – вот вам цветное! Вот вам веселое! Капли шипят и испаряются, воздух плавится, гудит, как в доменной печи, последний, последний? взрыв: ААХМММ!

Тихо. Меня затягивает в какую-то воронку – вперед головой. Точка? Червячки, червячки! Вот хорошо! Вот славно! Буковки! Да сколько же их?! Лики, неясные силуэты, каких-то значимых... Что? Морочить меня?!

НЕ ПОДНИМАЙ! НЕ ПОДНИМАЙ ГОЛОВУ!

Лицо лежит на холодной поверхности стола, хорошо ему, спокойно, но оно – не мое? и оно говорит – не словами?

...Вы-меня... вы-меня...

...Выменять логику...

...Выменять логику... Капало сверху стеклом... Вы-меня... Вы-меня...

Потом я очнулся. Хитрый. Живой. И свободный. Я посмотрел в оконце полуслепыми глазами – там было небо! Братцы! Только обычное синее безоблачное небо.

2002-2006

НЕМЫЕ ДИАЛОГИ

Часть I. Диалоги в осенних полутонах

Диалог 1-й. Шлейф небес

Темнота в комнате. Немного света от монитора. Слышен неугомонный стук по клавишам. Маша с медведями надрывно поет о том, что бывает без НЕГО. Время потеряно. Почти остановлено. За две недели я получила писем столько, сколько не получала всю жизнь. 10, 20, 100 – целый ворох. Я всегда любила отвечать на письма, медленно и дотошно. В мою жизнь вошел новый ветер с сибирским гонором. Рига... Иркутск... Невероятно далекое и близкое расстояние.

... ..

– Саша... Са-ша!!! (Хм... Горькая ухмылка, взгляд в открытое асечное окошко. Все равно не услышит мой крик.)

– Ну, что ты кричишь?.. Я всегда с тобой..... Ира..... Ириша..... Слышишь меня? (Смайлик.)

– Хм... Слышу-слышу (смайлик), – голосом зайца из «Ну, погоди», – странно, что ты услышал мой внутренний крик. Ты не знаешь, будет ли мне еще когда-нибудь так хорошо и весело, как сейчас? Я так рада, что наконец-то сумела подключиться к этой программке.

– Обязательно будет... Эээ..... Ммм..... Ну, не грусти. Сколько уж можно..... Теперь ты знаешь, что такое аська.

– Ты говоришь странно. Легко на все соглашаешься. А я... А мне... Даже выразить не могу. Кстати..... заразилась от тебя многоточиями и смайликами. Так часто многоточия. Я вижу прерывистую линию, словно слышу твоё прерывистое дыхание. Многоточия – это и пауза, и недосказанность. Теперь я тоже люблю этот знак.

– Это мой любимый знак..... ..Когда-то давно придумал..... так отмечать недосказанное..... И как бы имитация разговора, не видишь же ничего – ни глаз, ни жестов. Я специально удлиняю многоточия. Мне мало трех странных точек! Рисую много... Заметил, что иностранцы не ставят смайлики и не пользуются ими, видно, это наше, из России. Когда мы только познакомились, ты писала очень сухо.....

– Ну, конечно, сухо..... Да и не искала я тебя. Просто увидела снимок. Долго-долго смотрела на него, не могла оторваться. Голубой шлейф небес. Край неведомой горы. Загадочное слово «Ольхон». Шуршу по страницам Интернета, оказывается, остров на Байкале. Странно.....

Там, вдали. И вижу твою подпись: маленький человек у горы – ДОЧКА. Ты очень любишь свою дочь?

– Да. Я счастлив уже только потому, что у меня есть ДОЧЬ. А ты разве нет?

– У меня тоже есть дочь, но я все равно почему-то грустна. Кстати..... Помню, меня взбесило, что ты уже во втором письме прислал мне кучу своих фоток. Рассматривала их и думала, ну, надо же, какой красавчик – пижон с белокурыми локонами и хитрым взглядом. И еще запомнились твои белые свитерочки под горло. Знаешь, я никогда не любила холеных смазливых мальчиков. (Смайлик.)

– Вроде меня? (Иронический смайлик.)

– Вроде тебя. (Смайлик.) А где твоя жена? Ты мне написал много писем, а про нее ни слова.....

– Я давно распрощался с женателством..... Ну, так вышло, устал тащить рога за собой. А дочку..... себе оставил. Давно так решил, настоял на своем, а она и согласилась.

– Надо же... Ну и мамочка. Как же дочка без нее? Она вообще с ней не встречается?

– Ну, почему же... Раз в год на день рождения приезжает..... ты..... кстати..... про мужа тоже избегаешь говорить.....

– Ну, мой никуда не делся. Но что о нем говорить и не знаю... Давай не будем об этом?

– Давай... Ира... Иришка... я опять чувствую, что ты грустишь...

– Не грущу! Все кайф, чтоб вы знали... Мне пора... Не одергивай шлейф с небес, ладно? (Только бы он не переспросил, что это значит.)

– Не буду! Не грусти и не пропадай надолго.

Диалог 2-й. Придорожная пыль

Полна вкуса придорожной пыли. Собрана сумка. Завтра я буду слышать скрип колес и думать о городе, который с 18 лет меня знает и замечает. Черный пес Петербург.

.....

– Ира! Ириша! Ты здесь? Видел тебя онлайн, хотел тебе написать... А потом ты быстро пропала. Знаешь..... Я скучаю без твоих писем. Статистика есть у меня..... Их уже больше сотни...

– Ну, мы ведь все равно общаемся постоянно, правда? А я скоро уезжаю в Питер. Вообще обожаю куда-нибудь ехать. А ты?

– Да, я тоже. Но я мало где был..... Помню, еще в школе летал в Питер. Поразил меня тогда этот серый город. Забавен его дух... Витает что-то в воздухе..... Достоевский..... Рок-н-ролл..... Искусство. А Рига? Что витает в Риге?

– В Риге витает дух созерцательного одиночества. Одинокие башенки, усыпанные желтыми листьями, узкие улицы... Когда бредешь по ним, каждый шаг раздается в сердце гулким эхом... А еще я обожаю смотреть на волнение водной глади, гуляя через Вантовый мост. Но ты же понимаешь, что это моя Рига... А Иркутск? Это город, в котором обитают безумные Ирки? (Смайлик.)

– Хы... Красиво сказала... Но город так назван по названию реки Иркут. Как бы две у нас реки тут – Ангара и Иркут. Ты так красиво про Ригу рассказала..... И еще у вас тепло. А мне так не хватает тепла здесь. Вот сейчас октябрь, а у нас уже холодно, начинаются заморозки. Хочу к тебе..... в Ригу..... А Иркутск – грязный город с покосившимися постройками еще со времен ссылок в Сибирь..... Как сама понимаешь, дальше Сибири не высылали... Не знаю, кто может гордиться сим городом... Значит, уезжаешь скоро... Как же я без тебя, милая рижанка..... (Смайлик.)

– Меня ждет придорожная пыль. Обожаю мечтать в поезде под стук колес. Мне кажется, что я видела тебя, когда смотрела за окошко... вдаль на проносящиеся кустики и фонари. Думала, фонарь мне кивнул, а это был ты. Ведь, правда, ты?

– Да..... Ириша..... Это я..... (Смайлик.) Хорошо мне..... Счастлив я и жив твоими письмами-разговорами. Не уезжай надолго. А там не будет у тебя Интернета?

– Нет, не будет. Хочешь, я позвоню тебе. Дашь мне свой номер?

– Непременно. Только не забывай про разницу во времени.

Диалог 3-й. Петербургская сырость

Холодно и промозгло. Снова я в загадочном городе в сером. Витебский железнодорожный вокзал. Громко слышно, как объявляют прибытие и отбытие поездов. Никак не могу дозвониться... Гудки... оборвались провода... Ну, пожалуйста, пожалуйста... Услышь меня... Так хочу... Дзинь...

.....

– Да. Я слушаю...

– Здравствуйте, я могла бы поговорить с Сашей? – сильно заметна дрожь в голосе.

– Это я, – незнакомый голос тихо и вкрадчиво доносится до меня. Почему-то я представляла, что он будет звонким и быстрым. Однако, темп речи его был нетороплив, по голосу я бы дала ему лет 30.

– Саша... Саша... Даже не верится, что я слышу тебя. Я сейчас в Петербурге, на вокзале, звоню из телефонной будки, – невольно сняла с себя шарф, накинутый на голову и прижала его к груди.

– Как жаль, что я не могу быть в Питере... Иришка... Ты там... Как доехала?

– Ты знаешь, у меня по приезду украли почти все деньги. Ни на билет, ни на что нет.

– Как украли? Может, тебе что-то надо? Прислать? Как же ты мне звонишь? – тревога в голосе – надо же..... за меня тревожится.

– Нет, ничего не надо, спасибо. Меня выручили друзья... Красиво тут и холодно. Сегодня гуляла по огромным улицам и мостам. Я же говорила, что у нас все по-другому. Расстояния маленькие.

– Я так скучаю по тебе. От скуки тут писем тебе понаписал. Потом считаешь, – слышно, как едва засмеялся.

– Надо же, я слышу твой смех. Вроде бы все замечательно, но, когда я представляю, что мы никогда не увидимся, хочется плакать.

– Да ну, брось ты, увидимся, обязательно! На фотографиях ты выглядишь серьезной дамой в пальто... А по голосу я бы тебе дал не больше 22 лет.

– Сейчас закончатся минуты... Так жаль...

– Целую тебя... Ммм... слышишь, как бы я это сделал? – слышен смех. <...>

Диалог 4-й. Осенний плач

Снова сине-серая Рига. Бесконечный дождь, стекающий по моему лицу. Открываю свою почту. 14 писем от Саши. Прочитала все... Работать невозможно. В голове только мысли о нем. И обрывки его фраз... «Я не могу дожидаться, когда ты приедешь...» «Я устал тебя ждать...» «7 дней, как это много...» «Вот сейчас у вас утро... Наверняка, ты встала, еще сонная. Как бы я хотел притянуть тебя к себе... Как бы я... хотел... нет... не умею выразить свои мысли...»

Убежала с работы. Последнее время редакция действует на меня отталкивающе. Устала... Долго шла по мосту. Никак не могла успокоиться. Опять вечер, от каждого визга машины легонько вздрагиваю. Телефонная будка. Верчу в руках карточку за три лата.

.....

– Я слышу твое дыхание... Не молчи... Ира... Ира, ведь это ты? – тупо набрала номер, чтоб только услышать его голос.

– Ты меня узнал. 7000 км. Почему ты в Иркутске? Я ненавижу свою Ригу, – пытаюсь удержать последний кружащийся надо мной лист.

– Глупая, у тебя же теплый и красивый город. Вчера смотрел фотографии твоего города – прелесть. А Иркутск... Никогда мне не нравился мой город. Почему ты плачешь? – еще тише прозвучал его голос. Я представила, как он старается никого не разбудить дома, ведь у них почти ночь.

– Я не плачу. Это осень расплакалась за меня. У меня все хорошо. Я люблю подбрасывать вверх желтые листья, как слезливые осколки мыслей.

– Милая Иришка! Не плачь, а то я сейчас возьму в руки бубен и стану шаманить тебе радость. Слышишь: бум-бум-бум... <...> Я не могу громче. Здесь все спят. Ты улыбаешься. Я чувствую. Возьми меня в свою осень. Желтые листья на синем фоне неба – это же красиво. Какой у тебя приятный голосок, не плачь, обещай мне не плакать. Обещаешь? – как тихо влился в вечер его голос. Телефонная будка, где-то там шумят машины. Виден вантовый мост. <...> Но меня нет в Риге. Я в вечной мерзлоте Иркутска. Позвал бы сейчас. Улетела бы по-птичьи, пусть неумело. Я же декабристка.

– А ты сейчас на улице? Чертовщина, я здесь слышу за тысячи километров отчетливо-назойливое гудение машин, машин твоего города.... <...>

Диалог 5-й. Солдатами не рождаются

Осень раскачивает окно. Тихо ударяются слезинки дождя. Снова вечер.

Долго смотрела вдаль. И представляла себя в роли медсестры, которая во что бы то ни стало должна доползти до пункта назначения и доставить раненого. Я обязательно буду там... <...> Иногда кажется, мы все там.

.....
 – Когда-то давно я смотрела старый фильм про войну. Там была девушка со странным именем... Не могу вспомнить... – проваливаюсь в глубины памяти и ищу там ответ.

– Ее Кимка звали, так? – вижу перед собой смеющиеся строчки.

– Точно! Я еще ничего не сказала, а ты уже все за меня вспомнил. У меня ощущение, что у нас что-то похожее.

– Я не хочу, чтобы так было. Его ведь убили, а у Кимки остался от него ребенок... Я не хочу, чтобы меня убили.

– А помнишь, как они встретились во время войны, и он ей сказал, что когда-то мечтал о ней и хотел ее потрогать там, где нельзя. И Кимка в отчаянии произнесла: «Ну?! Где нельзя? Вас убивают. А мы остаемся. Теперь все можно!» Тебе тоже можно, Саша.

– Что значит «можно все»? Ты – далеко. В загадочном теплом городе...

– Тебе можно все, ты понимаешь это? Просто забери меня, и ты узнаешь, как это...

– Да ладно, ползи ко мне по-пластунски, я тебя встречу. (Смайлик.) (Наверное, он сейчас улыбался.) И тебе – многое можно – когда близко... запросто... Хотя не понимаю до конца – многое – это как... и что. (Смайлик...)

– Но я же буду вся грязная. Ты бы поднял на руки меня грязную? – это уже кокетство.

– Да! Не сомневайся в этом. Ты самая милая и желанная.

(Вера расположилась со мной в комнате и взяла меня за руку.)

– Представь, что я – медсестра. Мне надо тащить на себе больного. Вот думаю, что не смогла бы я. Однажды мне пришлось тащить на себе пьяное тело. Я еле-еле с ним три шажка сделала, но в комнату его затащила.<...>

– Какой ужас... Почему у милой и красивой Иришки такие ужасные воспоминания? Чего-то я не понимаю в этой жизни... Не понимаю... Хочешь, я буду твоим солдатом, только не раненым, а целым и невредимым? Тебе не надо будет меня тащить.

– Ты уже мой солдат. Ты бы знал, как мне сейчас весело и хорошо, – умиляет каждый вздох вечера.

Диалог 6-й. Стекаю в Байкал

*По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.*

Моя мечта – сидеть на берегу странного озера Байкал, смотреть не на воду, а в глаза человека, в которых отражается переменчивая жизнь самого глубокого водоема.

.....

– Расскажи еще про Байкал... – рассматриваю присланные фотографии с острова Ольхон. <...>

– Как про него рассказать? Вот приедешь, сама все увидишь... – услышала тихий зовущий шепот... Из радуги свет. Ты вечно со мной... Но в тебе меня нет...

– Как же я приеду?! Это же утопия. Ты веришь, что я приеду? <...>

– Конечно, верю! Только надо подумать, когда ты приедешь.

– Меня никто не отпустит. Ты знаешь, со мной ведь самые нелепые истории приключаются в дороге. Помнишь, как в Питере у меня все деньги украли? Меня разве что в багажник надо поместить, чтобы я доехала, – смеюсь, вспоминая все авантюры.

– Не волнуйся! Я тебя встречу! Все будет хорошо. Если что, в багажник самолета поместят, чтоб целее была. (Смайлик.)

– Ты смешишь меня, как всегда.

– Смотрю на твою фотографию, где ты лежишь в желтых листьях. Какая потрясающая у тебя улыбка. Как весело ты смеешься. Возьми меня к себе. И будет идти дождь из желтых листьев.

– Запросто. У нас все еще тепло. И трава зеленая. Я тоже часто смотрю на твои фотографии, ты везде такой разный. Хитрый и красивый. И где-то там за твоей спиной искрится вода Байкала. Я видела во сне – не то зеленая, не то серая. Не то голубая. А она какая?

– Ты приедешь, и она примет твою форму, именно ту, которую надо тебе.

Диалог 7-й. Есть ли справедливость?

Раннее осеннее утро. Стены недостроенного дома напротив моего окна особенно тоскливо смотрят на меня. В доме нет никого. Только я и моя мечта за стеклом.

В голове диалог из фильма «Небо. Самолет. Девушка».

Она: Я так тебя люблю. А ты? Ты любишь меня?

Он: Да.

(Она три раза повторяет одно и то же.) Потом сцена меняется.

Он ей:

– Я так сильно тебя люблю. Не люби никого, кроме меня, а то я умру.<...>

– Ты смотрел фильм «Небо. Самолет. Девушка.»? – передо мной фотография, на которой он смотрит искоса, выглядывая из-за пригорка. На кого же он так смотрит?

– Да, смотрел недавно. Забавный фильм. Девушка там смешная.

– Она чем-то на меня похожа. Я тоже безумная, – ты бы знал, как я сейчас хохочу.

– Ой, неужто, прям, как она? Она там как-то жеманно говорит и смеется. Ты на нее похожа?

– Нет, что ты. Я безумная, но по-другому, совсем по-другому.

– Ой... а то я уже было испугался... Что ты такая же... А какая ты?

– Я? Ой... все не то. Я все время перечеркиваю написанное. Нет, я не медленная и не жеманная, я наоборот, очень звонкая. И еще я умею только бурно радоваться или очень сильно грустить. Понимаешь?

– Это как? Среднего не бывает?

– Почти никогда. Мой мир как в романе Набокова «Защита Лужина» распадается на черные и белые квадратики. И на мир я смотрю исключительно так, иногда эти квадратики меняют цвета, но их по-прежнему только два. Помнишь, странная девушка из фильма спрашивала о справедливости?

– Нет, не помню. Зачем тебе справедливость? Нет ее.

– И все же скажи мне: справедливость все-таки есть?

– Не ищи ее. Нет ее.

– Саша! Услышь меня, мне это очень нужно, скажи мне: есть все-таки справедливость?

– Нет. Я тебе говорю, что ее нет! Понимаешь?

– Нет, я никогда этого не пойму... Мне хочется плакать.

– Иришка, милая Иришка! Не плачь из-за справедливости. Не плачь.

– Я страдаю по другим причинам.

– Почему ты так часто плачешь? Почему никогда не говоришь о муже?

– А зачем? Тебе оно интересно? И у нас с мужем справедливые отношения.

– Опять я чего-то не понимаю. Когда-то давно придумал я себе, что любовь и все такое – это то, ради чего стоит жить, а жить без нее... не понимаю...

– Я тоже... Не хочу об этом говорить.

Часть II. НЕ ИСПУГАЙ РАДОСТНЫХ ПТИЦ

Диалог 1-й. Не бойся меня, не надо...

Раннее утро. На улице белым-бело: первый снег и зеленые листья – сочетание дикое. В доме чисто и прибрано. Спешить никуда не надо. Я больше не работаю. Надоело. Хочется тратить время на другое. Глянула на себя в зеркало. Рыжие волосы в ассиметричной стрижке. Еще ярче выделяются зеленые глаза. Когда-то в детстве я хотела, чтобы мои светло-карие глаза стали зелеными. Они послушались меня. Черный облегающий свитер и черная облегающая юбка. Мягкой тенью нарисовался силуэт. Наглый взгляд светлых глаз. Светлые волосы. Очень красивое лицо. В лице едва угадываются черты жителя северных народов. Взгляд на каждой фотографии кажется иным. Что-то шаманское сквозит в его фигуре.

.....

– Саша, я тебя иногда боюсь. Сильно. Страх какой-то странный у меня. Сродни восторгу. (Меня действительно охватило странное ощущение, как будто трясет как в лихорадке.)

– Не бойся меня... Буду использовать тебя исключительно в мирных целях, когда все можно... ты же сама говорила, что нам можно все! (Улыбаюсь...) Самые страшные слова «можно и нельзя».

– Именно это и пугает...

– Пугают меня только сильно пьяные девушки... Все... а ты... ты... тебя я обожаю. (Смайлик.)

– Смешной (смайлик), я говорю серьезно. От моих звонков никто не в обиде?

– Да ну, брось ты... Я же один с родителями живу... как же милы твои звонки... Долбаные тысячи километров...

– Помнишь, у Цветаевой... Нас расставили, расселили по двум разным концам земли... Как-то так...

– Рас-стояние: версты, мили...

Нас рас-ставили, рас-садили,

Чтобы тихо себя вели

По двум разным концам земли.

– Неужели ты помнишь эти стихи? Никогда не встречала мужчину, цитирующего стихи Марины Цветаевой.

– Так я же необычный... Я редко цитирую, но это знаю... В основном, прозу читаю. Сартр, Достоевский, Камю и др. А ты?

– Еще более удивлена... Я тоже в свое время очень любила этих же авторов. Еще Мисиму, Павича... [.....]

Диалог 2-й....не пиши мне больше...

За день пришло несколько смсок из Интернета от Саши. «Милая рижанка, когда же ты уже проснешься...» «Вот сейчас у вас 7 часов утра, ты встаешь, полусонная, милая, смотришь на темную улицу». Пиши мне скорей.

В нетерпении ждала, когда же муж уйдет на работу... Моя раздражительность и нервозность чувствовалась на расстоянии. Белый таракан... не спеша в белом челноке... по белой стене... Саша... ради Бога... не пиши больше... Я не выдержу. Наконец-то бросаюсь к компьютеру – нервно слежу за огоньками, выплывающими на экране слишком медленно. Нет Интернета. Звоню провайдеру... Минуты кажутся бесконечными и тягучими... Все... Есть.. Саша... ты есть. Ты живешь за стеклом.

.....

– Ириша...<...> Мне с каждым днем тебя не хватает все больше.

– Мне тоже... Но ты же знаешь, я могу с тобой общаться только тогда, когда рядом нет мужа.

– Черт... Как ты там живешь? К чему тут ревновать... <...> Не понимаю... неревнивый я... все люди – свободны – и – в отношениях у людей должна быть республика... но может что-то в душе и скребется ревнивое – но гасится мною... (Смайлик.) <...>

– Интересно. А я ревнивая очень. Только прямо я, конечно, не покажу. Но в душе буду выть белугой. Что-то как-то нехорошо мне сейчас...

– Что такое? Не болей... Аккуратнее, бесконечно милая Иришка... беспокоюсь...

– Да... так мне еще никто не говорил. Тебе бы писателем быть. (Смайлик.)

– Нет... я всего лишь «рисователь», а написать никогда толком ничего не мог. А вообще я тут один такой дизайнер – в конторе сижу. Сейчас с веб-камерки тебе снимков назасылаю.

– Ммм... ну и рожа у тебя... это ты для меня ее корчишь? Умора... Холодно у вас? На тебе такой теплый свитер...

– Да... уже холодновато..... Однако напишу тебе точные инструкции, как установить yahoo messenger, дабы ты смогла меня увидеть.

– Ой... ты же помнишь, как долго я не могла аську установить... Ладно, посмотрим...

– Чмок тя.

– Целую. (Смайлик в виде поцелуя.)

– О! Первый раз ты мне поцелуй послала... Это прогресс.

– Ха-ха... смеюсь...

Диалог 3-й. Наваждение

Долго рассматривала вид с балкона на ЕГО работе. Железная оградка... Броская цветастая реклама, как и бывает в России. Снега маловато. Уже ноябрь. Почему-то была уверена, что снега будет по колено. Следующая фотография – его комната. Чисто... аккуратно... Типовая советская секция... На ней игрушка.<...> На стульчике аккуратно сложенный свитер – белый и пушистый – ЕГО свитер. И чуть виден маленький простенький компьютер.

.....

– Иришка... (Смайлик.) Милая, необычная Иришка... На одной фотографии у тебя длинные волосы. Море... И ты такая грустная. И такая худенькая... Как же я тебя обожаю. Тебе очень идет облегающее темное платье. Но кажется, будто ты совсем замерзла... И хочется тебя согреть... У меня всегда горячие руки.

– Ты все правильно рассмотрел. На той фотографии мне действительно очень холодно... Можно присмотреться и увидеть снег. Я специально сняла куртку, чтобы сфотографироваться. И помню, что холод подкрался к самому сердцу. <...>

– Я вчера долго не мог уснуть... Думал о тебе... Представлял всячески тебя...

– И какая же картинка была перед тобой? (Иронический смайлик.)

– Большое поле ржи или пшеницы, и ты в ней протягиваешь руки к солнцу... Или кукуруза... вспомнил, как ты описывала в одном письме... У нас она вообще не вызревает... <...> и еще я всячески придумывал, как бы я тебя пособлазнял...

– Еще кто кого... (Три смайлика.)

– А тебе, видать, нельзя меня в гости звать. (Смайлик.)

– Это почему же?

– Непредсказуем буду... Хотя... наоборот... предсказуем ТОБОЙ (смайлик)... не... не так – охмуренный – обвороженный тобой... предсказуемо... буду... вот... флиртовать... Забавно... вот написала ты мне первое письмо... могла бы подумать – что где-то как-то начнется виртуальный флирт или... виртуальная чувственность... не знаю, подскажи, как сказать... (Смайлик.)

– Я тоже не знаю... Чувственность виртуальная – у тебя... Я не буду говорить, что у меня... Это больше, чем наваждение...

Диалог 4-й. Растаманский танец

Звучит песня детства. Представляется мне море, пляж... Все голубое вокруг. И я кружусь в паре с ветром. На меня смотрят. А я не прекращаю, мне нравится слышать музыку ветра и понимать, что ЭТА жизнь абсолютно чудесная. Зима вскинула белоснежные ресницы и лукаво смотрит на меня. Мне никогда так не было хорошо зимой. It's a Wonderful Life... И так много раз подряд... Чудесная- чудесная жизнь.

.....

– Нежная Иришка... Рассматриваю твое фото, где ты танцуешь. Муж там, наверное, твой где-то рядом сидит. Но не говори... не знаю его... и не хочу...

– Аааа... там я пьяная слегка... И счастливая... Думала о тебе. Весело и хорошо мне было. Ночь... Тепло... Музыка... И я в паре с ветром кружусь.

– Как хотел бы я быть тем ветром, что обнимает тебя.

– А ты им будь. Ты умеешь оборачиваться кем-то?

– Как оборотень что ли? (Смайлик.) Веселюсь я тут. Сейчас бы ты видела, как я улыбаюсь, зажав свое лицо между ладоней.

– Оборотень-оборотень... Не смейся, а то заколдую. Ты не знал, что связался с ведьмой?

– Да ладно, не пугай меня... Я сам кого хочешь заколдую. У меня у самого шамано-эвенские корни! (Смайлик.)

– Посмотрим-посмотрим. Я из тех, кого не забывают.

– Сейчас обернусь птичкой и постучусь к тебе в окошко. Впустишь меня?

– Нет птички... Никто не стучится. (Смайлик.) Так хочется тебя живую увидеть. Обнять... Тебя...

– Меня... Где я? Расстояние между нами жуткое... Вот доиграюсь же... Знаешь такую песню:

*Я играла с огнём до поры, до поры,
Не предвидя особых последствий игры.
Только отблеск огня на лице у меня.
Только след от огня на душе у меня...*

– Какие стихи хорошие... Это твои? Ириш...КА! Я так рад, что ты существуешь... Я счастлив... Очень...

– Я тебе свои позже пришлю. А у меня ведь и песни есть... (скромно так).

– Аааа... хочу песни... твои... с голосом твоим нежным... Милая-нежная Иришка. Да... еще и желанная. Целую сильно и... не виртуально... (Смайлик.) В тебя целую – вот!!!

– Зацеловал. Пока-пока. Целую в щечку.

Диалог 5-й. Зимнее солнце на моих ладнях

Короткими перебежками по улице. Хмурые деревья застыли в ожидании зимы. Я никогда не любила зиму. Зимой всегда хочется дожить до лета. А летом придет волшебник и исполнит все желания. Представила, как жены декабристов ступают по рыхлому снегу, приподымая свои тяжелые юбки... Цель видна: во что бы то ни стало одолеть вечную мерзлоту и ощутить теплые ладони в моих руках. Почти декабрь.

.....

– Саша... Ты... снова здесь... уже дыхание зимы коснулось и нас. Холодно мне. <...>

–... Надо тебя согреть... А у меня наоборот – даже в -30 руки теплые... Милая Иришка... Хочу к тебе... Чтобы пережить легче зиму,

решил я на сноуборде научиться кататься.<...>

– Здорово... А я никогда не видела горы...

– Да ты что? Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал... (Смайлик.)

– Я тоже хочу... на сноуборде... А что? Мысль... Буду думать, с кем бы покататься.

– Эх... Я сейчас... Зашел на кухню, увидел колбасу копченую в холодильнике. Эээ... нельзя... Желудок разболелся однако... Оперировали даже когда-то... Но хочется...

– Не болей... А то я ТОЖЕ буду беспокоиться. И колбасу не желай. А чего еще ты хочешь, кроме колбасы? А? (Смайлик.)

– Ай... ну его... подумаешь, желудок... сейчас бифидок выпью... А хочется мне тебя... больше... намного... Очень больше... <...>

– Зимнее солнышко на моих ладонях. Спасибо тебе за него...

Диалог 6-й. Сумрачный блеск наших глаз

Сегодня Рождество... 24 декабря... Долго смотрела в окошко. Сине-желтый сумрачный блеск, в нем кружатся белые крошечки снега: белые мошки на улице бесят... Иллюзорность белого мира. И только мой хрупкий хрустальный мир обязан уцелеть. Открываю окно во внешний мир. Снег летит прямо на ресницы, не шурюшь и не закрываю глаза. Смело впускаю белые пушинки в свой мир заколдованной девочки.

.....

– Ириш– КА! Как же я замерз... Погрей меня...

– Не двигайся, я подую на тебя. И станет тепло (только почувствуй мое дыхание)...

Я у родителей вместе с дочкой. У нас тихо и пахнет елкой и зимой. Сегодня долго болтала со своим папкой. Спрашивала, что он знает о Байкале. (Смайлик.) <...>

Песенку мне спел про бродягу. (Смайлик.) И еще рассказывал про рыбу-омуль. Сказал, что он водится только в Байкале... А еще про писателя Вампилова говорил, родом оттуда ведь?

– Да! И утонул Вампилов именно в Байкале.

– Когда я приеду, ты мне все покажешь? Люблю Вампилова, хотя и вечная двоечница. И по местам декабристок и декабристов поводишь?

– Повожу. А у нас тут полно людей, бывших ссыльных и тюремщиков разных. Эх... пьют здесь страшно и бандитизм жуткий.

– А ты пьешь? Насколько часто? У нас тут тоже пьющих хватает. <...>

– Но так, как у нас, я нигде не видывал. В праздники так по канавам прям валяются. А я... задумался... Пью... Выпиваю иногда. Но немного. (Смайлик) <...>

– Ты главное – не спивайся. Ладно?

– Ну, что ты! Я не хочу спиваться, ни в коем случае... Пивом балуюсь много...<...>

Никогда так много о себе не рассказывал. Уф... тебе... все для тебя... Я тебе выслал подробную информацию, как подключиться к мессенджеру, тогда ты сможешь меня и слышать, и видеть... А я тебя когда увижу?

– Не знаю. Все... Зовут меня... Пока-пока. Целую!

– Чмок-чмок. (Смайлик в виде поцелуйчика.)

Диалог 7-й. Взгляд из зазеркалья

Белое и чистое настроение. Также чисто в моей квартире. На столе лежат красиво сложенные листы – его письма. Открыла. Одинаковость написания – он никогда не изменял себе. Каждое его письмо имело подзаголовок SAS – его имя в Интернете, в том призрачно-реальном мире, который свел меня с ним. Я знала его электронный адрес наизусть. Когда-то я легко говорила с мужем, рассказывала, что общаюсь с иркутянином. И однажды «моему черному человеку» (так я часто называю своего мужа) случайно попало его письмо – абсолютно невинное, но с чмоканием в щечку. Это было еще в ту пору, когда у меня не было опыта общения в аське. Тогда законный супруг резко сказал, что товарища с этого портала уже ненавидит только за то, что он есть. Помню, что невольно вздрогнула от таких слов. Но сейчас я научилась плести кружево своим мыслям, одевать их бережно и вычурно в самые изящные небылицы, чтобы никто ни о чем не догадался. Даже ОН – тот самый...

.....

– Иришка! Милая моя рижанка! Ну, что там у тебя с мессенджером? Я жду тебя.

– Я не могу понять, чего он от меня хочет.

– Пришли мне вопрос, который ты не понимаешь... <...>

– Ага, сейчас... Какой-то код авторизации, что это?

– Аааа... это тебе надо ввести в окошко цифры и буквы с картинки.

Я-то думал. (Смайлик.)

– Ты, наверное, думаешь, что я совсем тупая. (Смайлик.)

– Хы... Ты настоящая женщина! Ну, что? <...>

– Сашка! Са-шень-ка! Ура! Я подключилась! Быстрее находи меня.

/Скачу от радости./

– Ну, видишь меня? Я тебе ручкой машу...

– Сашка!!! Ура! Вижу... Но со звуком плохо. Плохо тебя слышу.

– Ладно, ничего. Потом разберемся. /Я тоже тут радуюсь, как ребенок./

– Что-то ты слабо улыбаешься. Только глаз твоих совсем не видно. А для меня самое главное глаза и руки на ощупь. Весь беленький и пушистый такой. Тебе идет этот свитер. Очень симпатично!

– А я люблю все белое и красное. Летом в рубашках хожу, а зимой холодно, однако.

– Это твой рабочий кабинет? Голые стены и все. Странно как-то выглядит он.

– Сейчас я тебе все покажу, что у меня есть. А вот видишь девочку в красном платье? Это дочка моя – Полинка. С собой ее взял, просилась, не с кем было дома оставить. Суббота же сегодня.

– А что, она с тобой целый день?

– Да нет, сейчас бабушка ее заберет.

– А покажи мне, как ты улыбаешься, зажав лицо между ладоней?

– Вот. (Подпирает лицо ладонями и улыбается.) Как?

– Смешно... А животик с серьгой покажешь? <...>/Лукаво улыбаюсь./ ...Может, тебя вообще раздеть?

– Неее... раздеваться не стану. (Усмехается.) Но факт: можно все! Как мне жаль, что я тебя не вижу. <...>

–... Классно побаловались. Целую тебя нежно.

– Я обожаю тебя. Целую-зацелую.

– Тшш... Не распугай радостных птиц...

Часть III. Я ЗАБИНТУЮ СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Диалог 1-й. Что такое «обожать»?

Начало января. ...В теплой и слякотной Риге минус двадцать. Никогда еще в такой жуткий холод мне не было так тепло. Раннее утро. Как несправедливо огромны расстояния. У него сейчас середина дня. Глянула на себя в зеркало. Я себе никогда не нравилась. Но тут взглянула по-особому. Никогда мне никто так часто не говорил, что я так чертовски хороша. Постоянная смена причесок и цвета волос. Модная стрижка: романтично выглядывает рыжая челочка. Глаза непонятного цвета: цвета хаки с прожилками осени.

.....

– Сашка! Я тебя уже полчаса дожидаясь. Ты все ко мне не шел. (Да уж... Еще бы... добежал.) <...>

– Ириша! А я вчера твои песни услышал. Подобрал их из фтп. Я просто офигел... несколько раз слушал. Не мог успокоиться. Я увидел тебя, такую маленькую и одинокую в темной-темной комнате.

– Не говори так, подкрадываются мистические краски... <...>

– Милая, бесконечно милая Иришка! Да тебя же еще больше нужно любить и обожать за такие песни.

– Да... Почему ты всегда ставишь по разные стороны два слова «любить» и «обожать»?

– Неее... только обожать можно, но не любить.

– А для тебя любить и обожать – это разное?

– Принципиально разное. Обожать можно очень многое. Любить я так не умею... Но ты снова грустишь? <...>

– Вовсе нет, с чего взял?

– Интонации грустные. Я так и вижу, как ты сидишь в полумраке, подперев ладонями лицо и смотришь вдаль.

– А я иногда ничего не вижу. И глаза зависают, смотрят себе куда-то. Непонятно, куда.

– Мы все иногда зависаем... <...>

Диалог 2-й. Безлюдно стоят одинокие стены.

Обычный январский вечер. Вся семья в сборе. Истерически орет ребенок, никто не может его успокоить. Изнеможденные зеленые глаза без сил смотрят на себя. Ухожу в темноту, чтобы успокоиться.

Никто не поможет, ничто и нисколько. Кажется, это мгновение никогда не растворится в зимней вечерней дымке. Пыталась набрать его номер. Но мой телефон «помешался на длинных гудках», а потом холодный женский голос с автоответчика попросил оставить сообщение. Бросила трубку. Заснеженный парк, снег хрустит под ногами, я пробираться в темноте. Но дома еще холоднее: я никчемная женщина, не умеющая успокоиться и защитить своего ребенка от нелюбви. Но я ее очень люблю... Еще страшнее... Безлюдные стены дома. Там муж и я – два уставших человека, которые перестали понимать друг друга. И сегодня мне не избежать разговора с «моим черным человеком».

.....

– Ну, как погуляла? – со скукой в голосе бросил муж и пошел в комнату.

– Холодно. Очень холодно. И снег хрустит, хрустит, хрустит, – задумалась на мгновение.

– Ирина, побудь со мной, посиди здесь, – берет меня за руку и усаживает рядом, гладит по руке.

– Пойду спать, – змейкой выскользнула рука из рук мужа.

– Пусть тебе приснится что-то хорошее, – участливая улыбка, колючая щека трется о мою, – ты все время где-то далеко, даже непонятно, с кем и где. У тебя даже взгляд чужой стал.

– Посмотри в мои глаза, что ты в них видишь? Внимательно смотри, – уставилась нагло и открыто.

– С тобой что-то случилось. В твоих глазах столько одержимости... Так что ли... – прижал к себе несопротивляющееся тело.

– Как ты это сказал? Да, я одержима. Одержима... – в задумчивости плавила его слова, как воск, – ты даже не представляешь, насколько было бы проще, если не было бы во мне этой нет, не одержимости, скорее, погруженности в себя, от меня осталась одна тень – «тень женщины и тень свечи», – не уставала жалеть себя.

– Ложись спать и не думай ни о чем, а я еще поработаю со звуком. Минут 20, – привычная улыбка, привычный голос.

Про себя подумала: как быстро высыхают бурные реки, как быстро он успокоился. А вслух сказала:

– Ты же знаешь, я не усну, побудь со мной. Прошу. Я так устала. Так устала смотреть в пустое небо, – пристально смотрю ему в глаза.

– Ну, что ты как маленькая. Скоро приду, – он выдержал мой укоризненный взгляд.

Я комкала одеяло на огромной кровати и никак не могла уснуть. Было около 2 часов ночи. Я подошла к окну: казалось, будто ветки брезгливо касались моего окна и быстро стремились прочь. Причудливые тени сна и луны переплелись. Я думала о далеком и холодном Иркутске, совсем скоро там начнется утро. Надо дожиться до утра и все станет иначе. Но сон упорно не желал сниться. И я уже не понимала, куда и к кому стремиться. Вошла в другую комнату около 3 ночи. Муж обреченно спросил:

- Ну, что, так и не спишь?
- Неа. Это прошло 20 минут?
- Ну, извини, заработался.

Диалог 3-й. Сон с ножом

Хрустит и хрустит сердце под ногами. Звонит и звонит морозный снег. Я все бреду и бреду. Мне холодно и одиноко. Окна домов так пусты, в них так много света, но это совсем чужой свет, который светит другим людям, не мне. Я так давно не получала его письма, мы так давно не разговаривали. Снежинки хрустят мой взгляд, но в нем по-прежнему нет его. Я целыми днями сплю. Просто духовная спячка напала: в транспорте, дома, днем и вечером.

.....

– Саша, надо же... ты появился. Знаешь, я только что прочитала твои письма. А потом уснула. Кажется, тебя так давно не было.

– Ну, что ты. Я есть всегда. И про тебя помню, просто работы недоделанной накопилось... Как-то так... ты что там грустишь, милая Ириша?

– Я просто по ту сторону зеркала дождя, а там всегда серость прозрачная и яркая.

– Дожди давно прекратились, сейчас ведь зима.

– А кругом всегда много воды... У нас часто светлая трава прорежется сквозь зимний лед.

– Ириша, мне надо поработать. Я ведь тут один единственный дизайнер.

– Хорошо, Саша... Я не буду отключаться. Побуду рядышком. Снова спать хочется. Я как маленький медведик, который обустроил милую берлогу.

[.....]

Диалог 4-й. Эротизм без психоза

Раннее утро. Полуморозный вздох птиц. Мне очень тепло. Я все больше и больше ухожу в себя, в самую глубину. И здесь совсем не страшно. Ты держишь меня. И мое дыхание нервно дрожит. От твоего голоса. Я так мечтаю услышать тебя. Дотронуться до твоих ладоней, заглянуть в твои глаза. Проснулась в приподнятом настроении. Мне захотелось порадовать себя. Я наготовила много вкусной еды. Убрала квартиру. И настал час общения с Сашей.

.....

– Ты стал как-то редко слать мне письма,<...> – горько ухмыльнулась, я начинала чувствовать свою неуверенность, – поддержи меня за руку.

– Как?

– Да.. Да. Вот так. Правильно. Немного понежнее.

– Боже, что ты со мной делаешь. Я начинаю представлять твой нежный голос, – тонкие нити реальности стали еще тише.

– А ты знаешь, я очень люблю, когда гладят мою руку. Просто так. И голос пьянеет.

– Отчего? Что ты видишь?

– Да, я вижу тебя. Высоко-высоко. И я ползу за тобой. По веревочной лестнице. Меня раскачивает из стороны в сторону. Но я ползу выше с учащенным и влажным дыханием.

– Мне кажется, я еще никогда никого не желал так сильно, как тебя. Больше всего я хотел бы услышать твой запах. Твое дыхание.

– Мое скользкое тело... Дыхание... Твои руки. Я все это вижу и чувствую сейчас.

– Прости меня, что я так далеко.

– Я не могу тебя просить ни о чем... И все же... Не уходи. Прошу. Еще. Да. Как просят, вальсируя: «Encore... encore...»

– Я буду кружить тебя до бесконечности. Что я творю, я уже сам не понимаю.

– Ты сводишь меня с ума. Я точно чувствую. Что-то должно случиться.

– Тебе ведь хорошо, просто хорошо?

– Да. Но этого мало. Безумно мало.

- Иришенька моя. Я бы так хотел быть с тобой сейчас.
- Мне кажется, что мы с тобой говорим в последний раз...

[.....]

Диалог 5-й. Молчание разбивается о посуду

Дрожали руки, и снова плакал февраль. Я чувствовала, что вечер безвозвратно ушел в сумерки. Я не замечала тишины, красный фонарь неистовствовал мне в окно. Никакого Саши больше нет – и никогда не будет. Звонок в дверь сильно напугал... Никак не могу успокоить свою дрожь. В комнату заходит муж: комната освещается черным пятном. Лицо уставшее и привычное. Очень красивое. Большие руки, которые когда-то мне так нравились. Вот именно сейчас он разможжит мой череп. Глаза смотрят мимо меня... Я сразу поняла: он все знает.

.....

- Поясни, пожалуйста, это, – запрыгали причудливо перед глазами наши асечные логи.

Устало смотрю на блеск фонаря и молчу. Еще в детстве я могла молчать так же упорно, как и не замолкать.

- Ты же обещала все это прекратить! Сколько можно это терпеть? – он не кричал, он был так молчаливо несчастен.

Какое же тупое ощущение. Вот и все. Теперь я останусь совсем одна. Тихонечко в меня втекала тоска. Я так же смотрела в окно. Омертвела полностью. Просто стояла молча.

- Вчера, когда ты спала, я подошел к тебе. Ты беспокойно дергалась во сне, но чему-то улыбалась. А потом ты стала шептать...

- Что? Что я говорила? – единственная реакция бесчувственного мозга.

- Ты шептала его имя... Понимаешь... Я больше не мог это выносить... Я гладил тебя, ты прижималась ко мне, называя его именем... Мне хотелось убить тебя... И вот я прихожу и читаю ваши логи...

- Помолчи, ты ведь ничего не знаешь... Ты же не знаешь, как мне тебя не хватало. И как надоело быть привычной мебелью. А тут он... Ничтожно и подло все. А еще совсем недавно я готова была осуждать любую женщину. Черт возьми, я сегодня испытала оргазм только от разговора с ним. Где моя реальность? Тупо смотрю в одну точку. И по-прежнему молчу.

– Ты ведь его ни разу не видела. Это фантом. Ты не можешь его любить. И он просто тупо издевается. Но я положил этому конец. Я отправил ему письмо, в котором ТАК его попросил замолчать, что он в своем сраном Иркутске задрожал.

Я вздрогнула, жгучая тоска пробежала по щеке:

– Что? Что ты ему написал? Я хочу видеть это письмо! Покажи мне его...

– Я собрал на него досье. И просто отослал ему, чтоб он ПОДУМАЛ. Я нашел его реальный адрес, место работы, все про его дочь. Думаю, он поразмыслит.

– Зачем? Зачем ты все это сделал? За-чем? – мне казалось, что я рассыпалась на мелкие кусочки.

– Да вообще, как он смел писать ТАКИЕ письма замужней женщине?! Я бы так никогда не сделал. Посмотри на меня... – резко взял мою голову в руки и, словно падшую женщину, отшвырнул.

– Я так хочу, чтобы меня не стало.

– Ты всегда это любишь говорить. Заткнись. И чтобы я больше не слышал этих слов, ты не имеешь права так говорить.

Вот уже полчаса я мою одну и ту же тарелку. Куда мне деваться... Где мой горький шоколад. Помогите... Замуровали, а я не отдергиваю руку, выкладываящую кирпич за кирпичом. Господи, что же будет завтра. Помогите мне пережить эту ночь...

Он ушел в ночь... И тот, и другой. Оба.

Диалог 6-й. Скомканный мир

Казалось, все дни перемешались и теперь лежали со мной в обнимку, вводили меня в сон, чтобы реальность не прорезалась в мой мир. У меня не было слез. Наверное, было бы банально просто плакать. В моем скомканном мире можно только спать, просыпаться не хотелось, и я лежала на кровати, спрятавшись ото всех в свой пыльный чехольчик. И какой-то ненормальный холод медленно бегал по телу, проникал в самые теплые места, а потом пытался завладеть мной. Так прошло несколько дней.

.....

– Сколько можно спать? – отчаянно меня будил черный человек.

– Зачем ты пришел? Что тебе нужно? – голос едва слушался меня. Перед глазами все поплыло. И снова провал. Перед глазами кольцо.

– Что это? – дотрагиваюсь до нежного колечка.

– Хотел тебя порадовать. Ты меня пугаешь, – теплой бархатцей обволакивал его голос.

– Неужели ты мне купил кольцо? С тех пор, как мы женаты, ты ни разу мне не дарил ничего такого. Спасибо. Очень красивое, – прижала его теплую руку к своей щеке. Невольно слезы потекли по родной ладони.

– Прошу тебя, не плачь. Все будет замечательно. Вот увидишь.

– Что я увижу? Что я привычная мебель? Что нам не о чем говорить?

– Зачем ты так говоришь... Посмотри за окошко, мир просится к тебе на руки. Никто не умер. Все замечательно.

– Да, конечно. Посмотри на меня. Ты будто ускользаешь все время. Побудь со мной.

– Ну, куда я денусь. Я все время с тобой.

– Почему ты все время приходишь пьяным домой?

– Потом поговорим.

– Почему все время плачет небо, с него все смывается. Почему?!

– Ты слишком долго смотришь в небо.

– Да какое небо?! Вот я с тобой. И я вижу и чувствую, что ты тут же потерял ко мне интерес. Зачем? Зачем все именно так? Ты меня простишь? Сколько боли. Прошу тебя, не надо больше боли. Я не вынесу этого!!! Слышишь?

– Не вынесешь? А я вынес. А знаешь, что ОН ответил на мое письмо? Он написал мне: «Прости, никому не хотел неприятностей. Все. Я ее забыл».

– Зачем ты мне врешь? Это ведь тебя унижает... Ты меня ненавидишь?

– Могу дать тебе все прочесть... Прости меня...

В отчаянии всматриваюсь в его лицо, пытаюсь отыскать ложь. Хочется найти спасение в нем. Он уворачивается. Ему становится еще больнее.

Диалог 7-й. Разговор со взломом

Наступил понедельник. Это был тот дрожащий день, когда я надеялась услышать снова его голос, узнать, не отвернулся ли он от меня. Когда утром я увидела спокойно-холодное окошко его аськи,

раскрашенное тем же цветом, я затрепетала. Он был снова на линии. И мне было страшно. Очень страшно. Буквы слегка дрожали. Последние бессонные ночи уничтожили остатки выдержки. И я начала писать приветствие. Я писала одну и ту же фразу, постоянно зачеркивала и начинала выводить равнодушные буквы заново.

.....

– Саша, привет! Я знаю, что ты получил письмо от моего мужа.

В ответ тишина. Саша занимался своими делами, и ему больше не было никакого дела до меня, моего мужа, до маленького призрачно существующего городка. Он молчал.

– Саша, прошу тебя. Не молчи. Прощу тебя! Скажи мне хоть что-нибудь. Я не могу вот так просто исчезнуть. Я же живой человек.

Я размазывала слезы по тусклому лицу и упорно ждала ответа. Мне казалось, что меня больше нет. Это как в чудовищных снах – ты кричишь, но этот крик никто не слышит. И вот я бешено колочу бессильными пальцами в закрытое асечное окно, хочется закрыть уши от громкого стука, но вокруг шипящая тишина (еле-еле дышит компьютер.)

– Боже, какой ты сильный и смелый! А главное – правильный. Ведь ты же мне ничего не обещал. А малейшая сложность – и тебя заткнули одним письмом. А промолчать – как это по-мужски, как это логично.

В ответ гудела моя безумная боль, гудели мысли, не унимались слезы. Только он молчал.

– Вот интересно. А если я приеду к тебе сейчас, в незнакомый чужой город. Неужели ты тоже будешь молчать? Напиши хоть гадость какую. Все ж мне будет проще.

– Все... Хватит общаться... Не пиши мне больше...

– Что я слышу... Голос с того света? Ну, врежь мне. Докажи, что сила – это главное? И что ты во всем прав? Я же люблю тебя...

– Идиоты. Живете себе в своей Европе. Вот и живите. А меня не трогайте. Какая любовь?! Я просто общался...

– А все эти слова? Про счастье, это ведь было так убедительно. Зачем ты мне каждый день слал смс? Зачем?!

– ЕСЛИ Я ТЕБЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ДОРОГ, ТО ПЕРЕСТАНЬ МЕНЯ ДОСТАВАТЬ.

Это была последняя фраза от него. Она не выходила из меня, камнем во мне засела. Я ее повторяла на все лады. Но я выполнила его просьбу. И больше не доставала.

Почти неделю я ревела и ревела. И не замечала того, что муж каждый день приходит домой пьяным. А через неделю я открыла адрес e-мейла Саши, в отупении вбила первые попавшиеся цифры (он когда-то давал мне пароль к ftp) и... я не поверила глазам своим, я вошла в его ящик... В тот ящик, в котором он считал пришедшие от меня письма. И в нем не было вообще никаких писем. Были новые. Я не рискнула их открыть. Это было дико подло. Но мне стало легче, я касалась хоть чуть-чуть его мира. На следующий день я зашла еще раз. Но прочитанные письма он тут же удалял. Никаких контактов в адресной книге не было. И я не выдержала – открыла письмо. В нем было какое-то банальное обсуждение покупок в магазинах. Открыла еще одно – там тоже ничего интересного. Таких писем, как от меня, в его ящике больше не было... А через день он сменил пароль. Вот и все – теперь я окончательно забинтовала свой последний поцелуй.

Часть IV. ДОВЕРИЕ В ПЯТНАХ

Диалог 1-й. Чертог убитых

Слабые безжизненные пальцы на запотевшем стекле рисуют заветный вензель. Нет мыслей. Некоторые действия просты до автодебилизма. Я люблю механику заученных движений. Именно в такие моменты можно долго намыливать одну и ту же ненужную майку, одну и ту же ненужную голову, одну и ту же лишнюю смысла мысль. Состояние полной потерянности не покидало меня ни на минуту. -----

– Почему ты все время молчишь? – он никак не может найти мои глаза.

– Разве? Мне кажется, я не замолкаю. Смотри, там бежит вечность, – мои глаза все чаще останавливаются на непонятной серой точке.

– Ты меня пугаешь. О чем ты? – скомкал последние слова, жуя что-то.

– Я сама себя пугаю последнее время. А ты знаешь, ты очень красив. Даже что-то зловещее в этом. И глаза такие черные-черные, – тихо-тихо прошептала про себя, – обними меня, пожалуйста, я будто не вижу тебя. Ты все время ускользаешь. (В страхе прижалась к черной груди, вдохнула знакомый запах.)

– Ни о чем не думай. Ты же хотела поехать на Гайзинькалнс. Вот давай рванем туда.

- Я все понимаю. Все понимаю. Почему же так страшно? И я сама себе омерзительна. Никогда не смогу простить себя.
- От этого никому лучше не станет. Точно тебе говорю.
- Побудь со мной.
- Да я никуда не денусь. Тут я.
- Почему я тебя не чувствую. Я бы поняла, если бы ты меня после всего этого уничтожил... А ты... купил кольцо. О чем ты все время думаешь? – жалкая и дешевая ухмылка вместо лица.
- Некогда мне думать. Много работы, – снова взгляд мимо меня.
- Счастливый. Как бы я хотела не думать. Совсем. Хочешь, подарю тебе свои ржавые мысли? (Немая усмешка.) Чем бы заняться? Я одна сплошная усмешка. А ты героический муж. Бессмысленные и бранные занятия...
- Вот могу тебе показать интересный форум. Не будешь так скучать. Между прочим, название у него специфическое. Не что иное, как «Чертог убитых»...
- Да уж... хорошее название. Вряд ли мне там будет интересно, – снова успела надеть на себя мертвую самоиронию.
- Учти... там общаются люди исключительно умные и интеллигентные. Располагайся...
- Ага... Уютно там, наверное, среди убитых.
- Ну, хватит уже грустить. Я побежал.

Диалог 2-й. Две шаманки

Как быстро научилось от меня убежать время. Тишина и мертвый покой – еще двух недель как не бывало. «Чертог убитых» на самом деле оказался весьма интересным. На сей раз я завела знакомство с девочкой. Мне казалось, что она инвалид, человек, который давно прикован к кровати, а значит, и к мышке – сообщений от нее было так много, что просто нереально было отвечать. Я представляла себе очень умную, мудрую и страшную девушку. Оказалось, все до банальности прямолинейно. Просто в ее жизни тоже было много пустоты. Но она весьма мила, моя одногодка, тоже замужем. Только вот детей нет.

.....

- Ну, что тебе скажу... Да я же тоже ведьма, – казалось, что в каждом диалоге она раскладывает карты Таро, и в них находит нечто замысловатое.

– Почему тоже? Я себя ведьмой не считаю. Ведьма – это та, которая все ведает. Я же что-то вообще ничего не знаю и слишком плохо разбираюсь в людях.

– Ха-ха... Ты слушай меня. Мы же с тобой ужасно похожи. А вот мой муж из-за меня травился. Я что-то в последнее время так устала.

– Как травился?!

– А мы уже 10 лет вместе. Он хороший. Но я что-то иногда так устаю и понимаю, что хотелось бы совсем иного.

– А чего бы тебе хотелось?

– Ну, как обычно – то, не знаю, что...

– Да уж... У меня отличный муж. И ему сейчас многое пережить пришлось.

– А я его знаю, мы с ним тут тоже переписываемся.

– Вот как... И вправду уютное место. Мне иногда кажется, что я сплошь покрыта пеплом.

– Да я тоже... Это я только с виду такая злая. Но своего я никогда никому не уступлю. Я люблю идти только вперед.

– А я топчусь на месте. А мыслями в Иркутске. Это город, которого нет, я его сама выдумала и слепила...

– О... Смотрю ты любишь страдания. ...Ты думаешь, он там вспоминает про тебя? Радуетя, козлина, точно тебе говорю.

– Веселая ты, однако...

– А ты приезжай ко мне. Залижем твои раны. Все будет хорошо.

– Ты серьезно?

– Вполне. Устроим тут дикие оргии с бубном. (Смайлик.)

– Ого! Ты еще и шаманка. А что... я приеду на 8 марта, не против?

– Да!!! Да!!! Еще скажи, что ты не шаманка... Никогда не поверю... Вино пьешь?

– Ну, не очень-то пью. Эх... На каждую роковую женщину найдется роковой мужчина...

Диалог 3-й. Миф разрушен

Стремительные сборы в дорогу. Снова я увижу холодный строгий город в сером. Увы... Только все совсем иначе. Начало марта – самый тяжелый месяц в году. Ненавижу март. ...Кукушкина гора похожа на чертог Снежной Королевы, которая сдерживает свои снежные слезы. А совсем скоро женский праздник – именно в этот день совсем

по-булгаковски я люблю носить в руках отвратительные желтые цветы. Муж стал молчаливым и отстраненным, однако захотел ехать в Питер вместе со мной. Это было неожиданно: в кои-то веки мы поедem вместе к моей новой подруге, которую пока что не видела ни я, ни он.

----- < ... >
 – Хочу увидеть Петербург, не все же тебе одной колесить по России. Или ты против моего сопровождения?

– Что ты... я не против...

– Поедем на 5 дней. Тебе предоставляю купить билеты, бери сразу туда и обратно, – уверенно и спокойно прозвучали его слова.

– Да... Хорошо... Тебе очень подходит этот черный свитер, – задумчиво произнесла я. По первому порыву хотелось подойти и прижаться к нему, но он, как будто нечаянно, меня отстранил.

– Ну, ладно, я пошел.

– Куда ты снова уходишь? Последнее время мне кажется, что ты меня все время избегаешь.

– Нет, просто много работы, – устало выдохнул он.

– А пьешь ты тоже из-за работы? Ты даже в глаза смотреть боишься... Что-то ведь не так. Я будто ступаю по мелкой речушке, а ноги почему-то вязнут в болоте. Дай мне руку что ли...

– Ты знаешь... – ему тяжело давалось каждое слово. А его глаза уставились сквозь меня. Он устало оглянулся... Я сглотнула...

– Говори уже все, что есть. Я все равно понимаю, что нечто перевернулось, накренилось, сломалось... в наших механизмах сломалась дефицитная нить. Это из-за меня?

– Нет... Нет... Я люблю другую, – слегка треснул его голос.

– О боже... Зачем?! Зачем?! Зачем... тогда ты написал ему письмо? Это она? – в моем голосе пульсировала мучительная боль, перекрываемая диким страхом безысходности.

– Да, это она.

– Как же мы сейчас к ней приедem? Черт... что же делать... какой банальный вопрос... ты же ее даже не видел, – я пыталась цепляться за ничего не значащие фразы.

– И все же это настоящее – мне хочется ее увидеть...

– Помнишь, ты говорил про иркутянина? Ну... как можно писать такие письма... замужним женщинам... а сам... – каждое слово давалось

тяжело, будто вгрызалось в непрошеную действительность больными зубами.

– Ну, вот тогда я этого не понимал... А сейчас понял, – мне казалось, что со мной говорит кто-то другой, голос становился все более размытым и нечетким.

– И что же ты понял?! Все не то... Куда же деться и как все это вынести... Скажи, ведь ты мне мстишь? – все более мутно и мутно становится вокруг, я не верю, что я могу говорить таким нелепым и отстраненным голосом.

– Ну, хочешь, я ему позвоню?

– Ага... Сейчас самое время... И что же ты ему скажешь? – истерически смеюсь, озираюсь вокруг, в надежде найти помощь в бытовых знакомых вещах, – его так легко заткнули одним письмом; ты через две недели полюбил другую; а подруга очень быстро превратилась в подлюгу. Я не хочу все это знать... Просто не хочу это знать...

– Прости меня...

– Сколько можно твердить как заклинание эту тупую и ничего не значащую фразу... Посмотри на небо... Просто небо... Я все равно поеду в Питер. Все равно... – плечи содрогались без рыданий, странно, почему все это я произнесла без слез.

– Да не волнуйся ты, никуда я от тебя не денусь.

Диалог 4-й. Настасья Филипповна из квартиры № 66

Дни перед поездкой покрылись мутной ряской. Я тихонько распутывала паутину наших отношений, она была весьма непрочной, но еще что-то там держалось. Он ведь ее не видел. Сам весь тихий и черный, черный, как одинокий камень вдали. А мне так не хватало возможности просто поговорить. Я уже не понимала, кого люблю я... И люблю ли хоть кого-то... Я жила надеждой. Наверняка, он ее увидит, она ему не понравится. ...Завтра я увижу ЕЕ.

– Ну, привет... – неуверенно просипела я, окидывая грязную, невзрачную комнату.

– Привет, коли не шутишь, – резковато брякнула ОНА. Со стола упала книга, издав глухой звук.

– Тихо у тебя тут... – в упор смотрела на ее хитрые и холодные глаза. Казалось, ее глаза были наполнены серой мутной водой, только

бывает вода живая и мертвая. Это была мертвая. Так мне показалось. Молчание было гнетущим. Мой муж тоже молчал.

– У меня не тихо, у меня здесь бесенята бегают, разве ты их не видишь? – уверенным движением она стряхнула пепел на пол.

– Вижу... Ты очень похожа на Настасью Филипповну. Твои глаза слишком уж вплывают в меня, и мне... страшно, – я старалась говорить, спасая свои глаза, я смотрела сквозь мутно-грязные окна на улицу... Оттуда долетела оборванная фраза: «Дружбы не бывает, есть только я...» Кто этот я, услышать уже не успела.

– О да... Ты умеешь выражаться пафосно, – она ухмылялась самодовольно, понимая, что сейчас у нее все преимущества передо мной. Эта ее уверенность раздражала весьма сильно, и еще больше обнажала мою незащитность. В этой квартире мне не у кого было искать помощи. Мужа словно не было, он онемел, как-то потух и растворился в квартире № 66.

– Дура ты... Не там пафос ищешь... – злобно бросила я, сама удивилась тому, что я была способна на яростные выпады, – помнишь, ты говорила мне про предательство и дружбу... любовь... где уж мне, я же не могу ничего такого чувствовать...

– Да! Не можешь... И ты не знаешь тех ощущений, которые знаю я, – в ее голосе был вызов; такой пугающий и ошеломляющий взгляд, от которого хотелось спрятаться и укрыться.

– Да не хочу я знать твоих ощущений! Не хочу! Кто ты? Оставь меня в покое.

– Да это ты сама меня не оставляешь в покое и его тоже мучаешь. Сама же говорила, что он тебе не нужен, а теперь что? Я люблю его так, как ты никогда не сможешь. Я уверена в себе. За него говорить не стану, но в себе я уверена, – каждое ее слово ранило правдой, она ведь во всем права, я действительно последнее время уделяла внимание кому угодно, но только не ему...

...– Да он тебе никто... Он ненавидит тебя. Ты его уничтожила своим предательством, – кричала она в исступлении. (И ее неприметное лицо стало таким горящим и ярким. Она была агрессивно красива.)

– Да ты же знаешь все подробности... Ты сама меня предала, что ты можешь знать о предательстве!?! Я боюсь тебя, ты страшный человек...

– Ты же тоже ведьма, как и я, смирись и отступись, а лучше уезжай отсюда. Ты никому ничего не докажешь, – она смеялась бешено и

страшно, мне хотелось ее убить... – Ты ведь уедешь, завтра же! Смотри на меня! Посмотри! Алло! Ты слышишь?! Ты слышишь меня?!

Я молча смотрела мимо нее и качалась тихо-тихо, как ветер колышет последний ноябрьский лист. Я прекрасно ее слышала, но у меня не было сил говорить, просто не было. Потом я услышала ее спокойный голос:

– Алло! Здравствуйте! Это психиатрическая помощь? У нас девушка себя неадекватно ведет...

На этих словах я поднялась и стала драть ее за волосы, она смеялась в ответ и совсем не сопротивлялась; как в тумане, я увидела лицо мужа, он молча отстранил меня от нее. <...>

Диалог 5-й. Мимозные пятна

Когда-то моими любимыми цветами были мимозы – такие же редкие и хрупкие, как настоящая женщина. Наступил мимозный женский день. Куда ни глянь – на серых питерских улицах «достоевским» грязным пятном желтеют цветы. Впервые в жизни я их возненавидела. От них не было спасения. Моя призрачная питерская подруга и уже не мой муж нашли друг друга. Я больше не могла находиться в той квартире. Мой голос растворился, как последние надежды на новую жизнь. Я предала всех, и меня все предали забвению. Иду по городу в никуда. В руках несу отвратительные желтые цветы.

– Девушка, с вами все в порядке? – какой-то незнакомый серый человек окликнул меня. Я устало подняла глаза на незнакомца и безучастно пробормотала своим осипшим голосом:

– Нет, со мной не все в порядке... Со мной совсем не все в порядке...

– Что случилось? Может, вас проводить?

– А мне некуда идти... Я на белом свете живу... Помните... Так живут все поэты... – горько ухмыльнулась.

– Ну, что случилось? Я могу чем-то помочь?

– Ага, можете. Меня можно убивать, насиловать, издеваться – я вам только спасибо скажу, – парень выглядел совсем не агрессивно, глаза чернели в темноте, но даже в темноте видна была его добрая улыбка.

– Ну... хватит уже этих самобичеваний. Колись уже...

– Да я сама во всем виновата, – сквозь всхлипы неуверенно поли-

лись слова. – Я приехала сюда из Риги к моей виртуальной подруге. Мой муж любит ее, а мне идти некуда... это все рассказать невозможно, я сама заварила кашу... У меня у самой совсем недавно была любовь с Иркутском, а сейчас я вкушаю достойную мечь.

– И что дальше?

– Да ничего. Все банально. Я не могу больше об этом говорить... Я так хотела увидеть Байкал... А сейчас мне надо возвращаться в эту квартиру...

– Ну и дуреха же ты... Куда теперь ты денешься? – нерешительно брякнул он.

– А никуда... Я сегодня собралась в Ригу уехать. Купила еще один билет. А потом мой муж и подруга куда-то ушли и не отвечали. Я не могла спокойно уехать, мы с ее мужем все больницы и морги обзвонили. Как знать... что там произошло. Я остановила автобус на «скаку», крикнула водителю, чтоб «остановил самолет – я вылезая». Вот теперь иду. А они уже дома, там все хорошо. Зачем я осталась!? Иногда мне кажется, что я очень люблю боль. Иркутск... Байкал... А сегодня 8 марта. Дурацкий цветок... (Швырнула цветок в канал.)

– Слушай, я ничего тебе не сделаю. Пошли ко мне. Правда, я в общаге живу. Там живет еще моя девушка, она понятливая. Ты стой ровно... я тебе сейчас кое- что скажу... Я сам из Иркутска, – улыбался парень.

– А звать-то тебя как? Этого не может быть! ...

– Серега. Хочешь, я отвезу тебя на Байкал? Следующим летом. Этим не смогу... Я обещаю, – просто и бесхитростно произнес мой новый знакомый.

– О Боже... Вот так вот обещаешь девушке, которую в первый раз видишь. Я ведь могу поверить... Я ненавижу обещания. От них веет слезами.

– Я живу в Питере со своей девушкой, а летом мы всегда едем в Сибирь, в Иркутск, к нашим родителям.

– А твоя девушка ничего не скажет? – не унималась я.

– Нет, что ты... у меня умная девушка... Кстати, держи, – протягивает фотографию, – это Байкал. Это тебе с 8 марта. Там, кстати, написан мой e-мейл. Не пропадай... Найди меня.

– Спасибо... Это лучшее, что сегодня было. Но я все же должна пойти к ним.

Диалог 6-й. Голос из несуществующего далёка

Утром в квартире № 66 не было никого. Я долго смотрела на улицу. Призрачное мутное окно качало мартовский пейзаж. Одинокa дымка бережно окутывает сумрачные улицы. Мне хотелось скрыться за тучу, как незаметное солнце сегодняшнего дня. Я не знала, куда деться от удушающего приступа вины. Иркутянин продолжал выклеивать сердце. Тихая боль плавно перерастала в ненависть. Хотелось закрыть глаза, произвести обыск сердца и забыть все... Я не выдержала и набрала ЕГО номер... Гулкие гудки отдавались в груди. Я ждала. Чего я хотела!?

– Привет... – каким же непослушным стал мой голос, безысходная хрипотца зависла в проводах.

– Кто это? Говорите! – знакомый низкий голос говорил совершенно по-чужому. Он меня не узнал.

– Это Ира... Та самая безумная Ирка из Риги. У меня просто пропал голос, – я не смогла удержать слез.

– Откуда ты звонишь? – никакой романтики в голосе не было, сплошная озабоченность.

– Я сейчас в Питере. Ты мне сломал жизнь, – голос казался ужасным, от всхлипываний появились неестественные высокие нотки, зачем я говорю это... всегда презирала эту тупую пафосную фразу.

– Да я просто общался... Придумала себе любовь какую-то... Возьми себя в руки. Обратись к психологу что ли...

– К психологу? – нервно смеюсь, – конечно... меня можно унять и заткнуть. Вот сейчас мой муж ушел со своей возлюбленной в ночь. Я не знаю, что мне делать... Зачем все это было?!

– А ты сейчас где?

– Я в ее квартире.

– Чёрт... У меня могут быть неприятности... – как же омерзительно было слышать страх в его голосе.

– Это даже не смешно... Ладно, прощай, трус... Какой же ты трус... – даже легче на душе стало... Таких любить просто нельзя.

– Подожди, не клади трубку, – в его голосе мне послышалась мольба и искренность. Наверное, только послышалось...

– Да? Что еще?

– Прости меня...

– Ч-чёрт... Прощай... – голос не слушался, я пыталась кричать, – я все равно увижу Байкал. <...>

Диалог 7-й. Я перестал доверять сам себе

Прошел скользкий месяц. Я постоянно балансировала между сном и явью. Я много спала, мне вообще не хотелось просыпаться. Месяц стекал с меня, слизывая последние капельки надежды. Муж молча собрал вещи и ушел из дома. Все это время меня поддерживал тот самый питерский прохожий Серега, который обещал свозить меня в Иркутск. Сейчас мне было не до этого. Моя доченька вытирала мне слезы своим тигренком и приговаривала, что она рядом. Я глотала свою вину и боль перед ребенком, не в силах справиться со своими настроениями. Сегодня приехал муж к дочке.

– Привет! – буркнул муж, глядя куда-то в сторону, – у тебя можно зайти в Интернет?

– Да... Конечно...

(Я наблюдала за его движениями. Он открыл привычную страничку сборища «чертога убитых», начал что-то лихорадочно писать. Наверное, он хотел написать письмо ЕЙ)...

– Ты пришел на полчаса к ребенку. Неужели ты не можешь ответить ей из дома? (Что-то я не припомню, чтоб я на твоих глазах слала ему письма.)

– Глупая ты... Вот глупая... Я же писал тебе...

– Да? Вот она я. Можешь мне всё сказать. К чёрту... Иди к ней и не мучай меня...

– Подожди, я хотел сказать совсем другое...

– Что? Очень удобно иметь жену в одном городе, а любовницу в другом... Они ведь не пересекаются, да? Это же твои были слова... И вообще ты теперь всегда можешь оправдываться тем, что я первая начала.

– Прошу тебя... Подожди, – подошел и обнял.

– Ты же сказал, что не сможешь даже коснуться меня, а сам обнимаешь. Слова... Пустые слова. <...>

... (Он обнимал меня, я прижалась к нему и доверилась ему снова.

Опять стало спокойно, ленточка боли тихонько растворялась в сердце. А он сможет снова довериться мне?! Неужели я испустила свою вину?! Неужели я смогу доверять себе?!

Часть V. ЖИЗНЬ ВСЛЕПУЮ

Диалог 1-й. Слепое время

Прошел год. Я ослепила время. Я никак не могла понять, почему я совершенно не чувствую свою судьбу. Казалось, нужно совсем немножко сил, и я подниму темное покрывало времени и увижу его глаза. Весь год я ощущала небывалый подъем: я совсем не вспоминала иркутянина, новые отношения с мужем казались прорывом из тоннеля черного времени. Вскоре время и я стали идти рука об руку, не глядя вперед: я все чаще замечала, что мой муж снова сделался тусклым и черным, подолгу смотрел вдаль и молчал. Вместе нам хорошо было так недолго... Он ведь все время скучал по ней. Я вспомнила ее безудержный смех, вспомнила свою боль. И снова стало страшно.

– О чем ты все время думаешь? – грустно заглянула в черные глаза, обняла и села рядом.

– Не беспокойся, все хорошо.

– Так хорошо, что мы снова онемели. Бесконечный дождь и пустота...<...> Ну-ну... А о ней ты думаешь? – пытаюсь разыскать крохи тепла на уставшем лице.

– Не знаю... Ничего не знаю, – уходит вглубь.

– Думаешь... Твои глаза кричат об этом... Жаль, что я все вижу. И вижу твою раздвоенность, ты ведь не здесь... <...>

[.....]

Диалог 4-й. Влетаю в рассвет

Всего через несколько минут я уже сидела в хвосте самолета авиакомпании «Сибирь». Самолет оказался душным, расстояния между сидениями практически не было. По салону сновали привычные ко всему пассажиры – завсегдашние. Всего 5,5 часов – и я в Сибири... Мой страх нарастал. Смешно и наивно я всматривалась в людей, как будто каждый второй из них непременно окажется им. Куда же я лечу? Зачем? Где мое пристанище? Меня мучило, в голове бесновались странные картинки. Что я хочу доказать?! Ведь я хорошая

девочка, прекрасно могла бы быть сейчас дома... Я ничего не слышала, мои нежные уши оказались слишком уж невосприимчивыми к перелетам. Я мучительно вспоминала слова попутчика, что взлетать и садиться самолету тяжелее всего, но мы уже давно летели ровно-ровно. Спать в самолете было просто невозможно. Мой сон, крадучись, топтался у моего изголовья. И тут я увидела, как мы резко влетели в рассвет. Только что было пятно темноты, а там уже рассвет, Иркутск, Байкал, сон...

Аэропорт, Серега, его девушка Оля и... реальность. Мне трудно было смотреть на солнце. Я щурилась, шла, пошатываясь. Поразительно, но только я ступила на иркутскую землю, тут же из небытия возник Саша. Видимо, далеко он и не исчезал.

– Привет, Ириш! – Серега радостно меня обнял... меня, словно неживую мумию, которая не умеет радоваться, – очнись! Ну, что же ты?! А вот Оля! Это та самая девушка, про которую я тебе рассказывал. Помнишь?

– Ребят, вы извините меня. Я совсем не спала. И вокруг все такое яркое. Скажите, что это не сон? Как-то я плохо вижу... Мне до сих пор не верится, что я здесь, – я говорила тусклым и бесцветным голосом, хотя душа моя, как заклинание, твердила только одно имя... И я сразу же поняла, зачем я сюда приехала. Однако откровения мои здесь были совсем не уместны.

– Ну-ка, соберись!!! У тебя всего 4,5 дня. К сожалению, у меня неотложные дела. Мне срочно нужно уехать. С тобой все время будет Оля. Ты не волнуйся. Она все знает не хуже меня, – Серега явно торопился, я его слушала из тумана и даже не спросила, что у него за дела такие неотложные. Девушка Оля улыбалась открытой сибирской улыбкой.

– Хорошо! Главное, на Байкал съездить и горы увидеть. Еще на Ольхон хотелось бы... – а в голове предательски крутились цифры его телефона, ничего мне не надо, так хотелось бы его увидеть...

– На Ольхон, наверное, не получится, это же далеко очень.

– Ой... я, наверное, как тень отца Гамлета смотрю. Мне бы поспать хоть немного.

– Какое спать?! У тебя так мало времени... У нас на Иркутск только сегодняшний день, а завтра с утра уже в горы... Но я уже вас покидаю. Поручаю тебя Оле... Не скучай... <...>

Диалог 5-й. Город в осколочных снах

Я смотрела на Иркутск глазами Саши. Город был в точности таким, каким он представал в моих призрачных осколочных снах. Я щурилась от яркого солнца, кругом было много света, а виделось мне все, как в дымке. Слепое время приближалось ко мне, и я всматривалась в людей, как будто непременно увижу его среди них. Мне безумно хотелось спать, но я невольно вздрагивала при виде людей, среди которых где-то ходит он. Мои сонные глаза блестели безумным воодушевлением. Оля привела меня на набережную реки Иркут. Она что-то говорила и говорила. Я же смотрела вдаль своей мечты. Я не понимала до конца, где я и зачем. Не обращая ни на кого внимания, я легла прямо на набережной и свесила одну руку в реку, чтобы хоть как-то влить в реальность... Ирка, Иркут, Иркутск... Мы с солнцем перемигивались слегка, река запускала в меня своих солнечных зайчиков. Молчание окрасилось в золотой цвет теплой воды. В голове предательски крутились цифры его телефона... Я не брала с собой никаких его координат, но 6 цифр упрямо засели в моей голове, из памяти стереть их не получилось.

– Оля, извини, что я все время молчу. Наверное, ты находишь меня странной?

– Нет, что ты... Но рижанок я еще не видела, а на иркутянку ты точно не похожа, – она все время в разговоре так открыто улыбалась. Какая милая, не то что я в своей заторможенности.

– А ты думаешь, рижанки особенные?

– Ты точно особенная. ...Однако, хватит валяться... Пойдем хоть город немного посмотрим.

– Меня больше всего интересуют места, связанные с Вампиловым и с декабристами. Оля, что это за дом такой странный?

– А это как раз наследие декабристов. Памятник архитектуры. Видишь, как покосился?

– У него как будто нижний этаж под землей...

– Так и есть. Эти дома словно в землю врастают, их и реставрировать страшно, хочется сохранить в первозданном виде.

– А кто в этом доме жил? – рассматривая дома декабристов, я как-то приободрилась и ожила, очнувшись от своего сна.

– Декабристы и жили. Уцелели немногие. Но эти дома оберегают,

поддерживают, стараются не трогать. По-моему, это дом Трубецких.

– Моментами я себе кажусь декабристкой. Запросто уехала бы в Сибирь за любимым.

– Нисколько не сомневаюсь. Могу себе вообразить тебя, спускающейся в шахту к закованным в кандалы декабристам.

– По-моему, у них не было кандалов. И вообще меня более интересуют их жены...

– Да ты у нас девушка серьезная...

– Оля, мне очень нужно позвонить. Хочу срочно купить карточку для телефона.

– Родителям будешь звонить? Домой?

– Нет. Хочу позвонить кое-кому в Иркутске.

– Разве ты здесь кого-то знаешь?

– И да, и нет. Вряд ли это так просто объяснить.

– И все же?

– Да нечего там рассказывать, все просто и банально.

– Держи мой телефон. Звони.

Дрожащими пальцами набираю слепые цифры. Глухие гудки. Трубку берет его мать. Его нет дома. В призрачной безнадеге диктую номер телефона, представляюсь девушкой из Риги...

Мне кажется, что осколочным снам не суждено стать реальностью. Он никогда не позвонит.

[.....]

Диалог 7-й. Вода воспоминаний

До Бурятии добрались легко. Остановились в маленьком поселке Аршан. Мне с моим географическим кретинизмом казалось, что все здесь рядом – и горы, и Байкал. Оказалось, там, где Байкал – нет гор, там, где горы, есть я. Всего один день. Долго ползем наверх, на самый пик, мне нужно все время идти вперед. Главное, ни на секунду не допускать промедления. Как же здесь спокойно. Тихо и благодатно. На вершине пика любви я пела песни, казалось, что все, что было до того, происходило не со мной. И я поняла. Почему в песнях часто горы именовали синими, я их видела точно в таком же цвете. Где-то высоко в горах встречались одинокие люди, они обнимали меня, признавали своей. Внизу у гор сновали коровы, как бездомные собаки. На вершине я ощущала себя. Здесь возникала целостность: мне не нужен был

никто в этом мире. На следующее утро отправились в Листвянку и на Байкал. Это был последний шаг в моей поездке. Был очень жаркий августовский денек. Солнце приглашало за собой. Мы сидели с Олей на полуострове Шаманка. Меня будили мысли.

– Здесь ты можешь загадать желание, – тихонько произнесла Оля, – посмотри, какого цвета вода?

– Прозрачно-серая. Здесь как будто растворяется вся боль, которая накопилась во мне, – еще тише проговорила я.

– Здесь есть нечто ускользающее, нечто такое, что невозможно уловить в повседневной жизни. Здесь можно часами сидеть и о чем-то думать.

– Я думала, что сейчас польются стихи. Но это лишнее. Просто тихо. Как-то глубже... полнее всех самых лучших снов и слов.

– А теперь давай перейдем туда. Видишь, какого цвета здесь вода?

– Надо же... зеленая.

– А теперь поменьше слов, просто почувствуй.

– А там вообще все изумрудно-голубого цвета. В этом что-то уникальное.

– Недаром это местечко зовется Шаманкой.

– Я как будто оказалась в тайном месте у прорицателя. Я это чувствую. Сейчас я узнаю всю истину о себе.

– Тсс... не говори ничего. Прислушайся к себе и к Байкалу...

(...Я едва дышала. Показалось, что на мгновение я поняла, зачем я живу. Сделалась вдруг незначительной моя немая любовь. Здесь существовала моя судьба, которая была гораздо надежнее тишины диалогов. Я чувствовала, что в моей жизни еще будет та суть, которую я смогу легко окунуть в воду воспоминаний. Мой хрупкий мир будет жить, даже если я умру...)

...В тот же день я сидела в том же самом самолете, чтобы покинуть незнакомый для меня край, который я слегка задела плечом. В самолете было шумно, звучала все та же музыка из старой советской комедии. Я достала телефон и в последний раз набрала его номер. В трубке уныло звенела однообразная мелодия, прерывалась, потом снова набирала «воздух», потом легкий треск, затем голос автоответчика пригласил оставить сообщение. И я, не думая, четко и внятно проговорила:

– Не бойся, вылезай из-под стола. Я улетела.

Часть VI. ОТ НЕМЫХ ДИАЛОГОВ К МОЛЧАНИЮ

[.....]

Диалог 4-ый. Магический кристалл

Прошло 9 месяцев, за это время можно родить ребенка, а можно и самой переродиться. Я нахожусь в самолете «Москва – Череповец». Кажется, за эти полгода я научилась говорить сама с собой. Тоска в унисон вторит мне на все голоса, среди них слышен голос моего мужа, ушедшего в черную даль, голос иркутянина, который слился с голосом лжи, и голос моего отца, который уже никогда не исчезнет. Снова зима, белоснежная тоска объяла город и покрыла кипенными надеждами все неудачи. Я лечу к родственникам, поближе к морозной свежести. Лететь всего 50 минут, мне совсем не страшно, я ни о чем не думаю, ни о ком не мечтаю. Сижусь у самого иллюминатора: каплют снежинки на влажное сердце, делая его твердым и непрístupным. Летя на землю, капля снега превращается в магический кристалл.

[.....]

– Ира? – его бархатный голос завис на проводах, как тогда в телефоне, – неужели это ты...

– Да, Саша... Странно, что ты меня помнишь, – я почему-то покраснела, боясь встретиться с ним глазами, мне хотелось сказать «смешная судьба, помнишь, ты все говорил, что мы встретимся, помнишь, как я мечтала лететь в багажнике, помнишь... как много всего я помню», однако я молчала и продолжала стоять. Он все еще протягивал мне шарф, я ощутила своей холодной нервной ладонью его теплую руку, которая едва заметно задрожала. <...>

Диалог 5-ый. Немой голос

Наконец-то появилась возможность обрести голос моим немymi диалогам. Саша был один, я одна. Выйдя из самолета, мы шли вместе. И я пыталась заставить говорить свою душу, как Евгений Гришковец, глядя на «Мону Лизу», умолял почувствовать великую картину: «Вот он! Что ты чувствуешь? Помнишь, ты мечтала прижаться и стоять, обнявшись?» Рядом был чужой человек, он много рассказывал, помогал нести вещи, спрашивал, надолго ли я в Череповце, упомянул, что еще раз развелся, а теперь снова не один, задавал множество вопросов, легко оставил номер телефона. А я

только хмыкала, удивлялась и кивала, обещала позвонить. И... не позвонила. Когда наши пути снова разошлись, я плакала тихо, беззвучно, так мне было жалко мою иллюзорную любовь и множество лет на нее потраченных.

– Иди ко мне, закрой глаза и просто дыши, – нашептывала тоска, и кто-то невидимый гладил по волосам, как в сказке, придавая прошлому забвение, – ты все забудешь, ничего не было.

[.....]

– А зачем я так хотела его увидеть? – делая огромные шаги в зимнем лесу, я пробиралась в глубь колдовства. Я раздвигала ветви жизни, вглядывалась вдаль.

– Ты не умеешь жить в реальности, счастье для тебя где-то далеко. Посмотри, кого ты выбираешь? Человека, который находится за тридевять земель, в далеком снежном царстве. Твоя любовь к нему обречена была сразу...

– Значит, я никогда не буду счастлива? Я всегда буду любить зыбкое и несуществующее?

– Будешь. Просто оглянись вокруг. Прямо сейчас. Что ты видишь? (Я глотала снег, кружащийся в небе, рассматривала далекие крыши.) Ну, что ты видишь?

– На стене дома я вижу надпись «Будь слабее меня» и подпись – «Счастье». Ты об этом? – ухмыльнулась тонкому юмору писавшего.

– Ты правильно все увидела! А теперь прогоняй меня, держи дистанцию. Тоска – не твой друг, – сказал немой голос и растворился.

Диалог VI. В серой хижине

<...>Я так долго бежала, что нырнула сразу в реку времени, которая перенесла меня в теплую серую хижину. Пустынный берег моря. Странные люди. Тонкой струйкой сыплется песок на кожу. Не-прозрачные стекла незнакомца. Хочется заглянуть в глаза. Странная мысль через пять минут знакомства: «Хочу замуж за этого человека». <...>

– Зачем тебе уезжать? Посмотри на небо! Будет чудесная погода, – как странно он на меня смотрит.

– Хорошо, я останусь, если ты снимешь очки. Хочу видеть твои глаза, – с вызовом бросаю слова.

– Легко, – снимает темные очки, смотрит в меня. Какой легкий, ясный взгляд. <...>

– Пошли купаться! – глаза-бесенята включились в опасную игру.

Держась за руку, будто сто лет знакомы, мы бежали в воду. «Ты не одна», – мелькнуло в моей голове.

– Так здорово! Только вот всегда страшно, а вдруг праздник кончится... и...

– Глупости! Праздник только начинается! Вот возьму и вообще тебя никуда не отпущу, – какой-то сумасшедший задор и близость исходят от этого человека.

– Я тебе верю почему-то! – поддалась обаянию этого человека и махнула рукой на все страхи.

– А то! Вот увидишь, все будет прекрасно!

– В серой-серой хижине зашуршали пепельные мыши... – улыбнулась я.

– Разбудили дымчатого кота и устроили веселье, – смеясь, продолжил он.

– Разве могут мыши радоваться коту?

– Смотря какому коту.

– Значит, это история про кота-Леопольда? Как скучно!

– Ну, что ты... Это история про кота-босняка из южных губерний.

– Про тебя?

– Нет, это история про твоего кота. А если у тебя его нет, то про нашего общего.

– Заведем кота и назовем его как-нибудь загадочно, например, Мартобриком.

– Бродского любишь?

– Значит, и ты тоже... Вот тебе и кот с мышами...

Диалог 7-ой. Счастье всегда сильнее

На сей раз иркутянин меня сам нашел в Интернете спустя 5 месяцев. Был очень удивлен, что я не позвонила ему. Он снова был такой же легкий, воздушный, уверял, что мы теперь будем дружить. И как замечательно мы встретились, – такое нарочно не придумаешь! Привычные расплзающиеся строчки с множеством пунктира. Как страшны наши желания. Как страшен тающий голос. А реальное счастье всегда сильнее, чем вымышленные диалоги об иллюзорной

мечте. Я успела выйти замуж за того незнакомца, смысл «немых диалогов» потерялся в прошлом. Я даже не знала, что можно быть такой счастливой в настоящем.

– Ты знаешь, я посмотрел твои фотографии – какая ты красивая! Ты и в жизни красивая, – хоть бы что-то новенькое сказал.

– Да ты тоже не очень-то изменился, только животик появился, – листаю множество фотографий, на фото тот же человек, но так много самодовольства в нем: все эти пресловутые селфи в стиле «*посмотри-те-ка-ков-я*». Раньше я этого никогда не замечала. <...>

– Мы же теперь сможем дружить! И будем снова общаться...

– Хм... Зачем?

– Посмотри, как я катаюсь на сноуборде летом по песку. Знала, что такой вид сноуборда бывает? Ох, и непросто это было, но ведь жалко, что это только зимний вид спорта... летом как бы скучно же... видишь, я тут волосы в хвостик собрал, чтобы не мешали? Хех... все улыбались навстречу... Я думал, они радуются моему спуску, а они смеялись над прической... Смешной, да?

– Да.

– Слышала такой анекдот? Про сноубордистов?

–...

– Сноубордисты – это люди, которые стараются как можно хуже перезимовать лето.

– А тебе не кажется, что ты разговариваешь сам с собой? Не пиши мне больше. Я не люблю тратить время впустую на посторонних. Знаешь, как-то я увидела надпись на стене «Будь слабей меня» и подпись – «Счастье». Странно, что раньше я этого не знала. Можно молчать и быть счастливой. Счастья тебе!

ВОСПОМИНАНИЯ

Янис Стрейч

СОКОЛ ТЫ, СОКОЛ

Ниже в сокращенном виде публикуется посвященная О.Рудневу глава из книги воспоминаний Я. Стрейча «Добрых душ стремнина» (Streičs J. Lāga dvēseļu straumei // Rīga. Dienas Grāmata, 2006).

Перевод Р. Добровенского.

Справка об авторе и герое его воспоминаний:

Стрейч Янис (Streičs Jānis, род. 1936), кинорежиссёр, киносценарист, актёр; выпускник режиссёрского отделения Латвийской государственной консерватории (1963); председатель Союза кинематографистов Латвии (1991-1995); с 1999 г. – почётный член Академии наук Латвии, председатель Рижского Латышского общества (1999-2002), педагог Латвийской академии культуры... Заслуженный деятель искусств Латвийской ССР (1976), кавалер Латвийского ордена Трёх звезд (1998), неоднократный призёр и победитель кинофестивалей разного уровня, лауреат множества премий...

Я. Стрейч – режиссер более двадцати художественных лент и сценарист большинства из них. Среди его работ: «Часы капитана Энрико» (1967), «Мой друг – человек несерьёзный» (1975); «Театр» (1978), «Лимузин цвета белой ночи» (1981), «Дитя человеческое» (1991), «Жернова судьбы» (1997). Последний фильм Я.Стрейча – «Наследие Рудольфа» (2010).

С творчеством Я. Стрейча-живописца последних лет можно было познакомиться на недавней рижской выставке «Стрейч и друзья».

Латвийский национальный киноцентр провозгласил 2016-й год – годом Я.Стрейча.

Руднев Олег Александрович (1935-2000) – начинал свою комсомольско-партийную деятельность в Донецкой области. С 1961 – на комсомольской работе в Латвии, в 1966-1976 гг. – первый секретарь Юрмальского городского комитета Коммунистической партии Латвийской ССР; 1976-1982 гг. – председатель Госкино ЛССР, с 1982 г. – генеральный директор Всесоюзного объединения «Совэкспортфильм» и член коллегии Госкино СССР. Сценарист.

*“Долгая дорога в дюнах” (Рижская киностудия. 1980-1981 гг.).
Режиссёр: Алоиз Бренч; авторы сценария: Олег Руднев, Дмитрий
Василиу; оператор: Янис Мурниекс, художник: Гунарс Балодис, ком-
позитор: Раймонд Паулс.*

Ред.

*Андрей Тарковский: Вообще искусство – это попытка составить
уравнение между бесконечностью и образом.*

Александр Лейманис: Характер есть сумма отношений.

*Талис Маргевич: Руднев – художественный образ, какого при всем
желании не выдумать.*

Да!

К сказанному Маргевичем хочу добавить: Олег Руднев – целая эпоха!

Этому человеку мы обязаны появлением фильма «Долгая дорога в дюнах». И не только потому, что он – автор сценария, настоящий автор, несмотря на то, что в титрах упоминаются и другие имена. Первоисток нужно искать именно в нем и у него. То была его идея, его понимание Латвии и трагедии, постигшей нас в прошлом столетии. То была его любовь к стране и народу, среди которого ему суждено было провести лучшую, счастливейшую пору жизни. Этому человеку мы должны быть благодарны и за гражданскую смелость, которой нам, вконец запуганным латышам, тогда, увы, не хватило. Правда, от Олега тут не требовалось лишних жертв, он ведь был партийный работник, принадлежал, согласно лексике тех лет, к номенклатуре. Но... Он был белой вороной в стае черно-серых, не замедливших распознать чужака и прогнать как можно дальше от вороньих угодий. Таким-то образом в 1976 году партийное руководство Латвии, сняв Олега Руднева с должности Первого секретаря Юрмальского городского комитета Коммунистической партии, прислало его к нам в Шмерли, чтобы он возглавил всего-навсего кинопроизводство. Очевидно, человек этот не вписался в несокрушимый монолит партруководства. <...>.

Думаю, Руднев недолго печалился о таком повороте событий. Всей душой он давно уже принадлежал садам Мельпомены.

Надо, Федя, надо!

В те годы в Советском Союзе был чуть ли не культ кубинского диктатора Фиделя Кастро. В народе же ходил анекдот, как Фидель бросив на стол парик и бороду, сквозь слезы произносит: «Не могу больше!» А Никита Сергеевич отвечает «Федя, надо!» Этому многозначному «Надо!» свойственна была почти магическая сила: то было волшебное слово Сталина, ЦК и Чека. Вопросов после того, как бывало произнесено это слово, не полагалось. Надо – и точка.

Случилось так, что с этим именно напутствием дирекция послала меня в Сочи, чтобы привести к приемлемому результату съемки фильма «Последний жулик». А ехать, ох, как не хотелось! «Надо, Федя!» – веско мне сказал заместитель директора и добавил: «Если хочешь получить свой собственный фильм, езжай и докажи, что на тебя можно положиться, что ты справляешься с производством. Чтобы все заткнулись! Понял?» Чего тут не понять, понял. И я полетел в курортный город на берегу Черного моря, мечту и сказку подданных советской империи.

Но с чего это я переключился на свои давние дела? Не без причины. Хотелось этим примером проиллюстрировать атмосферу тех дней, когда преобладало убеждение: в Латвии вообще нет своих кинорежиссеров. Этот взгляд культивировался, думаю, не в последнюю очередь потому, что изрядный ломоть хлеба с еще более внушительным слоем масла требовался товарищам из Москвы.

Режиссеры фильма «Последний жулик» собрали перед камерами одних только звезд. Понимаю, если я сейчас назову их имена, они многим ничего не скажут. Но тогда эти люди были в зените славы. Да и киноискусство вообще имело другой вес. Мне нужно было со знаменитостями тесно общаться, приглашать их, заключать договоры.

Жанр картины был определен как эксцентричная комедия. Под этим три моих режиссера понимали, видимо, всякого рода шутовство. Если бы я не знал, что Нонна Мордюкова и ее партнер Кузьмин, да и тот же Филиппов – выдающиеся актеры, я бы решил, что передо мной участники художественной самодеятельности из соседнего домоуправления. Но наши демиурги, глядя на паясничанье исполнителей, смеялись до колик.

Что ж, теперь покоится тот «Жулик» под плотным слоем пыли. Лишь изредка о нем вспоминают в связи с фильмографией какого-ни-

будь известного артиста, достают с полки, но... толку в итоге никакого. Скажем, изучая биографию Высоцкого и, так сказать, выжимая сок из каждого факта и фактика, разыскали и меня: не поделюсь ли я воспоминаниями об участии русского барда в этом фильме. Ну да, он писал тексты песен для этого бурлеска. К сожалению, я лишь однажды видел тогда Высоцкого, ставшего лишь затем культовой фигурой. Песню записали вовремя. Кто он такой, Владимир Высоцкий, у меня еще не было ни малейшего представления. Наверное, я мог бы теперь хвалиться – как же, знаком, мы с ним даже созванивались. Да, верно, созванивались, чтобы уточнить время музыкальной записи. Через годы я слушал Высоцкого, чуть ли не подпевая во весь голос...

У знаменитого композитора Таривердиева пришлось бывать и дома. Но делиться «воспоминаниями» по этому случаю значило бы уподобиться туристу, царапающему на ни в чем не повинной скале: «Здесь был я». О забытом фильме я заговорил лишь для того, чтобы в сравнении с этим эпизодом высветилось все значение революционного рывка, совершенного вскоре Олегом. Я не жалею о том давнем приключении, нужно было своими глазами увидеть, на какой неописуемый хаос способна советская система кинопроизводства. И притом, такое творилось на Рижской киностудии, считавшейся чуть ли не лучшей в смысле производственного процесса во всей империи: она котировалась сразу же за «Мосфильмом». Здесь ликовали по случаю очередного присуждения переходящего красного знамени – и тут же сетовали на отсутствие своих режиссеров. Между тем, уже существовали фильмы «В тени смерти» Гунара Пиесиса, «Слуги дьявола» Александра Лейманиса, «Весенние заморозки», «У богатой госпожи» Леонида Лейманиса, «Цеплис» Роланда Калныньша, «Клав, сын Мартина» Ольгерта Дункерса, мой «Несерьезный человек» и «Подарок одинокой женщине» Эрика Лациса. Я назвал по одному фильму каждого режиссера, вещи, которые и сегодня, спустя десятилетия, смотрят и любят, – но тогда, обладая всем этим богатством, кинокритики и редакторы в унисон пели: все хорошо, все прекрасно, но у латышей нет своих кинорежиссеров!

– А вот и есть! – сказал Олег Руднев, просмотрев все созданное на Рижской киностудии за последние годы. Тем и начал свою работу.

– Никаких варягов! Никакие приглашенные режиссеры не нужны, своих хватит. Надо только работать!

Так и вышло. Время Руднева стало для Рижской киностудии порой расцвета. Ибо у этого «мигранта» самоуважения и уважения к Латвии было больше, чем у иных латышей.

Ранняя смерть Олега меня потрясла. Уже настали новые времена. И у них – у москвичей, имею в виду, – тоже. Где в свои последние годы работал Руднев, не знаю. Была ли его новая должность на том уровне, какого он заслуживал, или его отправили на пенсию? Империя к тому времени трещала по швам, и в киноискусстве России начался заметный спад. А затем и больше того – крах! Наши связи прервались. В последний раз я ему звонил, чтоб похвастать: мой фильм «Дитя человеческое» на фестивале авторского кино в Сан-Ремо получил главный приз. Была весна 1992 года, и фильм проходил уже не по его ведомству.

Мы сделались снова независимыми. Самоуправления двух городов – Резекне и Даугавпилса, – скинувшись, выкупили «Дитя человеческое» у Москвы для показа в Латвии. Система кинопроката Российской Федерации капитулировала перед рынком пиратских кассет, 90 процентов которых составляла американская продукция.

Янки об этом знали и смотрели на происходящее сквозь пальцы. Им это казалось выгодным. Без усилий можно было захватить территорию громадного рынка.

И захватили. Только... Наивные, они не знали, с кем имеют дело. Пространства – да, что есть, то есть. Но с доходами будут вечные проблемы. Ибо это Россия. <...>.

Мой герой во весь рост

Мысленно даю знак Олегу подняться и встать перед вами, как если бы перед закройщиком в портновской мастерской или перед врачебной комиссией в военкомате. И – начнем! Гордо поднятая голова. Неприметно переходящая в шею. Она, голова, великовата и не отвечает классическим пропорциям. Есть в нем что-то от тролля... хотя что уж, ни одного живого тролля мне видеть не доводилось. Над внушительным подбородком – нежданная интеллигентная мягкость черт, почти детский букетик сомкнутых губ. Разлет черных бровей над орлиным носом. Густота бровей как у Брежнева. Взгляд точно из-за завесы. Это из-за длинных густых ресниц. Лоб покатым настолько, что кажется – кто-то приставил его к стене, сильно сдвинув к затылку.

Черные волосы на голове редуют с каждым днем, хотя спина ими обросла, как у снежного человека. Понятно, убедиться в этом можно лишь в цековской финской бане, не на заседании же Центрального комитета. Олег был нормальный мужик. Пониже среднего роста, но низкорослым не назовешь. Широкоплечий. Но особенно широк в поясе. Почти квадратный. При всем при том в костюме, пошитом у классного мастера, Олег обретал своеобразную элегантность. Живой, подвижный колобок-сангвиник, хорошо поставленный баритон перекачивается вместе с ним. Что еще? Только то, что я услышал о нем: «Отталкивающая внешность». Не поверил своим ушам. Олег? Необычный, по-своему уникальный, блистательный? Да. Но – отталкивающий?! «О вкусах не спорят». Так говорится, а на деле спорили, спорят и спорить будут до скончания века. <...>. Рудневу был присущ неповторимый шарм. Разумеется, в Голливуде его бы назначили играть монстров и бандюг. Или бы включили в файл святых отцов. Но при развитом социализме, окружавшем нас, он был типичным советским начальником. Равным среди равных. Больше того. Я бы его отнес к художественному образу, который в литературе следовало специально синтезировать. Но он был героем во плоти, жил и действовал среди нас. Экстерьер Руднева был словно нарочно создан, чтобы довести до полноты номенклатурные ряды. Моя соседка, учительница русского языка, когда-то, еще студенткой подрабатывала в аппарате Верховного Совета и удивлялась, что я нашел в этом человеке. Обязанности студенток были несложными: помочь с канцелярскими бумагами, при регистрации депутатов. Но как раз отсюда, «с самого низа» лучше было видно, кто есть кто. Руднев, по ее словам, был высокомерен. С теми, кто ниже рангом, говорил сквозь зубы, властно и даже резко. Вваливался в помещение, шел как дредноут, всякую там мелкоту не видя и не слыша. Мне это казалось немислимым. Руднев? Высокомерен? Смотрит поверх голов? Но поди знай...

Мы родом из детства

Олег Руднев, кажется, был вожаком уже в колыбели. Есть такие ребятки, не слишком рослые, как будто и послабее других, но почему-то и самые сильные принимают их на равных, уважают и, глядишь, паренек уже выделился и стал чуть не главным среди ровесников. С ним интересно! Глядя на Олега, я представлял себе его школьником,

заодно решая и загадку своего собственного детства: что ни говори, в детстве я ни от кого и никогда не терпел побоев. «Большие» парни сами напрашивались на дружбу. С ним было точно так же. Мы умели привлечь к себе внимание чем-то другим, не силой. Должно быть, языком. Слово заменяло нам мускулы. Смекалка, выдумка, воображение. Чуть не с пеленок в нас возникали идеи. Мы умели оживить любое дело, это называется, да и является по сути, искрой божьей.

Я веровал. С самого начала – в Бога. Истово, горячо, как мой маленький герой Бонюкс в фильме «Дитя человеческое». Потом верил в коммунистические сказки. Да! Журнал «Католическая жизнь» времен, когда я пастушил, сменили в чем-то похожие рассказы о жизни, принесенной в жертву ради идеи. «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Молодая гвардия» Фадеева, «Сердце Бонивура» Нагишкина... Да, и еще Гайдар, «Тимур и его команда». Учение Христа и коммунистические идеи равноправия и человеколюбия как главные заповеди жили во мне на равных. Разница была лишь в одном нюансе. Христос заповедовал любить даже врагов, однако сам в церковной интерпретации тех лет представлял грозным судьей, каравшим за непослушание огнем и мечом. Увы, в воспитании решающим бывает личный пример, и почему бы в вопросах веры было иначе? Так что не удивляйтесь – тот самый «нюанс» насчет любви к врагам прошел мимо меня. Если уж сам Христос, совсем как Максим Горький, учит – «Кто не с нами, тот против нас»... Слава Богу, за годы моей жизни католическая церковь стала представлять облик Всемогущего иначе. Теперь добрый Боженька полон любви и более всего любит нас, когда мы грешим. Не бросились ли мы в другую крайность? Истина посередине. Там, где Путь и Жизнь. Теперь уж осталась совсем небольшая часть пути. Мне. Олег уже там. Как он устроился? Верю, что неплохо. Советская школа выживания, должно быть, пригодилась. Будь активен! Действуй! Не то же ли самое видим и в Америке? Нет, не совсем. Там властвует реализм. Мы же при советской системе были сплошь идеалисты. У нас с Олегом в детстве была одна и та же любимая книга. Прямо-таки жаль, что такой нет у нынешней ребятни. Идейной водички там было всего ничего. Преобладали ценные советы – что и как делать в дальних походах, военные игры, физподготовка, художественная самодеятельность, стили плавания,

всяческие аттракционы. Шарады, ребусы, приемы оказания первой медицинской помощи. И еще, и еще, и еще... Книжка будила фантазию, побуждала включать в дело собственную смекалку и энергию. То была «Настольная книга пионервожатого».

Незаметно для себя мы становились вожаками. Олег пел, играл в драмкружке, но всего лучше ему давалась работа с живым материалом – с людьми. Одноклассниками, однокурсниками. Он умел увлечь чем-нибудь неординарным, виртуозно протасненным сквозь игольное ушко партийных предписаний. Авантюрист. Так он именовал себя сам, и вспоминал десятки случаев, когда его и остальных спасали лишь удача и интуиция. И любое из его дел кончалось победой. Почти всегда. Это «почти» я прибавил от себя. Чтобы выглядело достоверней. Меня он уверял, что именно всегда. Верьте или нет, но Олег божился, что купив свою первую машину, конечно же, «Волгу», он прямо там же, в магазине попросил научить его, как водить. Выслушал советы продавца, сел за руль и поехал. Из Риги в Юрмалу, причем и он, и машина в результате были целехоньки. Оставалось всего лишь выправить документы, что для номенклатурного деятеля такого ранга было сущим пустяком. Я верил. Он и впрямь все схватывал на лету. Мог и усвоить правила движения, просто наблюдая за действиями своего шофера. Правда, в искусстве вождения есть нюансы, которые одним только наблюдением не освоишь. Мне казалось, тут один из тех эффектов, какими Олег любил поразить своих друзей. Эффектов, между нами говоря, тщательно подготовленных. Вот почему я верил и тому, что он рассказал, и тому, о чем умолчал. В данном случае – что наверняка он не раз просил своего водителя «дать немного порулить». Даже если и так – кому какое дело?! Фокусники не открывают нам секрет своих манипуляций. Я нередко ломал голову – ну почему он не стал художником? В той же самой финской бане, видя и слыша, как ловко он вставляет время от времени в беседу имена своих друзей из числа знаменитостей. Поэтов, артистов. Чтобы козырнуть перед важным гостем? Может быть и так, но, зная Олега к тому времени уже пятый год, я слышал в его словах и тоску по несбывшемуся.

В детстве мы с ним жили в одной стране. Притом, что он – на Украине, я – в Латвии. Он редко рассказывал о детстве и своей родной стороне. Должно быть, там скрывалось немало трагического. Ведь он родился до войны, годом раньше меня. И как там, на Украине,

варилась история, я мог себе только вообразить, судя по книгам и фильмам. А там все дышало героизмом и правотой. Про Голодомор, искусственно вызванный массовый голод в Украине, я узнал очень поздно и притом совершенно случайно, прожив в «первой в мире стране социализма» добрых четыре десятилетия. Правда, узнал из первых рук, от людей, переживших этот ужас лично или слышавших все от родителей. К тому времени Олег уже перебрался в Москву. Так мы с ним и не поговорили на эту тему – о страшном голоде 1933 года в богатейшей житнице Европы. Всего за год до его рождения... Голодомор понадобился, чтобы загнать украинцев в колхозы. У крестьян отнимали продовольствие. Все, что в клетки, в кладовке, в погребе, на кухне, что в печи. Вытаскивали, выливали содержимое котла на пол, растаптывали еду сапогами: «Умрите, сдохните, проклятущая контра, раз не хотите в колхоз!» А они, крестьяне, не хотели – уже поняли, каков он, обещанный большевиками рай. О судьбе матери и ближайшей родни мне поведала в те годы художница из Киева Оксана В.

О, время героев!

Краснеть, сгорать от стыда при мысли о своей тогдашней наивности мне до тех пор, пока Господь не призовет к себе отчитаться за земные грехи. Оказалось, я до этого жил в темноте, при искусственном освещении. При красном, как в фотолаборатории, свете. А дальше – отверзлись невидимые шлюзы. Поражали публикации в русских журналах – «Огонек», «Новый мир», «Знамя». С главным редактором последнего, писателем-фронтовиком Григорием Баклановым я познакомился лично. Как и с Владимиром Дудинцевым, с глашатаем бело-русской Атмоды Олесем Адамовичем. С ним мы работали с Москве в одной из комиссий Союза кинематографистов. Я узнал там много, много нового. У нас «лед тронулся» раньше, чем в других творческих союзах. Первыми мы совершили переворот, сбросив с трона ставленников Кремля. Произошло это весной 1986 года. Позднее академика Сахарова выдвинули кандидатом в депутаты именно мы, кинематографисты. Наши новости замалчивали. Наверху надеялись, что это неприятная случайность. В то время я часто наезжал в Москву. С Олегом встречался в кулуарах наших сходов. Старый друг был открыт, сердечен, но поговорить толком, выяснить его позицию не удавалось – всегда не хватало времени.

Весть о смерти Олега Руднева заставила о многом задуматься по-новому. С его уходом безвозвратно потеряна была и какая-то часть меня самого. И хотя в потаенной глубине моего сознания, кажется, всегда теплилась надежда на то, что империя зла не вечна, правда и другое: в той стране прошла моя молодость, время дерзаний и первых успехов. Где-то я читал о том, как один американский миллионер, бывший узник гитлеровского концлагеря, в Освенциме с восторгом показывал своим соотечественникам бараки, места бывших виселиц, крематорий. В ответ на возгласы изумления он объяснил – именно здесь он в юности страстно мечтал о спасении, именно здесь боролся – и победил! А теперь... Ну да, он миллионер, да, у него успешный бизнес... И это всё?! В известном смысле мой случай в том же духе. Я хотя и не миллионер, но лучшие годы надежд и дерзаний уже «там, за линией горизонта». Это можно сказать и об Олеге. Но когда Руднев увидел, как здание социализма, строить которое помогал и он сам, рушится, это не могло не стать для него потрясением. И тут наши пути, взгляды и чувства уже разошлись. Где я радовался, там он, надо думать, испытывал скорбь. Многие тогда не смогли пережить резкую смену климата и сломались. Среди них был и режиссер знаменитого рудневского сериала «Долгая дорога в дюнах» Алоиз Бренч. Обстоятельства смерти Алоиза и Олега схожи, как две капли воды. Алик сказал жене, что пойдет прилечь на минутку, – неважно себя чувствует. Прилег – и больше не поднялся. Олег своей сказал то же самое... О трагедии Алоиза нужен особый рассказ. Ибо главным выражением его Это был творческий труд, имя которому – Кино! Я написал это слово с заглавной буквы, потому что именно так это делал и сам Алоиз Бренч. <...>.

Феномен Штирлица

В те годы необычайную популярность приобрел сериал российско-го телевидения «Семнадцать мгновений весны» о приключениях советского разведчика в тылу врага. Герой актера Вячеслава Тихонова сделался идеалом советского человека. Многие теоретики, объясняя сей феномен, ломали копыя, но, по-моему, в цель не попадали. У меня есть своя версия, для них, впрочем, совершенно неприемлемая. Суть: как славно жить по двойной морали. Любить родину в ладно сидящей форме немецкого офицера, вдали от фронта, непрерывно

притворяться и в душе беззаветно любить страну Советов и ее мудрое руководство. Красота!

Помню, читая «Анну Каренину» Льва Толстого, я не переставал удивляться тому, что цензура пропустила слова о партии, произнесенные в разговоре генерала Серпуховского с Вронским.

«... Никаких коммунистов нет, – говорит генерал (как мы теперь знаем, фатально ошибаясь). – Но всегда людям интриги надо выдумать вредную, опасную партию. Это старая штука. Нет, нужна партия власти людей независимых, как ты и я.

– Но почему же? – Вронский назвал несколько имеющих власть людей. – Но почему же они не независимые люди?

– Только потому, что у них нет или не было от рождения независимости состояния, не было имени, не было той близости к солнцу, в которой мы родились. Их можно купить или деньгами, или лаской. И чтоб им держаться, им надо выдумывать направление. И они проводят какую-нибудь мысль, направление, в которое сами не верят, которое делает зло; и все это направление есть только средство иметь казенный дом и столько-то жалованья...»

Читаю – изумляюсь. Как этот текст прошел через целое столетие, через сталинскую эпоху? Граф Толстой, говорящий устами Серпуховского, был прав. Партийцы, «делающие зло», боялись лишь одного: лишиться однажды власти, своих привилегий. Хотя в этом страхе не признавались даже самим себе.

Олег был редким исключением: здоровая самоирония позволяла ему не только смотреть правде в глаза, но и открывать ее друзьям. Сейчас уже не помню, отчего мой босс однажды обиделся на весь мир. Он ведь представлял руководство, то есть порядок, а по сути – беспорядок, в просторечии бардак, заменявший в стране порядок. Он крупными шагами мерил кабинет, потом остановился посередине и стал швырять мне в лицо обвинения, адресованные совсем другим людям – Брежневу, Восу, Пельше, Суслову... Я оторопел. Руднев кричал так громко, что секретарша Валда за глухими дверьми слышала если не слова, то уж злую интонацию наверняка. Должно быть, решила, что шеф с меня снимает стружку. Примерно так я себя и чувствовал. Глаза его буравили меня, слова хлестали, – я отдувался за грехи нашей любимой партии. Как никак, мы оба в ней состояли. Все, сказанное им в запальчивости, для меня не было новостью. Неожиданной стала эта

степень откровенности, доверия. Откричавшись, Олег уселся в кресло, обращенное к окну. Меня словно бы и не было. Возникла пауза. Он взглянул на наручные часы, а затем обратился ко мне тяжелый, усталый, полный иронии взгляд.

– Время обедать. Видишь, Янка, как оно в жизни. Я тут разорался, изображал из себя героя, борца... И дома вот так же. Вышагиваю, как петух, бью себя в грудь и ору: «Я буду бороться! Я докажу!» А Люся сядет тихонечко и глядит на меня, не скрывая насмешки. Знает, чем оно кончится. И сейчас – вот-вот подъедет «Волга», повезет меня на обед в ЦК. Мелочь, а приятно. Там спецснабжение, спецмагазинчик, спецдефицит, сам знаешь. Своя спецбольница, спецдача, и прочая, и прочая. Отказаться от этого всего? Никто не откажется, дрожит каждый, как бы удержать все это. Героизм – штука выдуманная. Вранье! Такова се ля ви, Янка. Поехали!

– Куда?

– В ЦК, обедать!

И какой дурак откажется? Разве пылкий латышский патриот, но таких в ЦК не звали. Да и где они были тогда? <...>.

На месте, в ЦК, он оставил меня в столовой для сотрудников, сам же поднялся этажом выше, туда, где столы были накрыты для членов ЦК и министров. Так вот – у открытости и дружбы есть свои границы. Но что ж, спасибо, что провел. Платил я, конечно, сам, но с удовольствием: цена за обед ресторанного уровня была ерундовой. Ел с чувством, с расстановкой, только вот легкие угрызения совести мешали – жены не было рядом.

Спину выпрямить!

Да, Олег сознавал свою власть, смелость, даже независимость, хотя и был членом партии, которой приходилось подчиняться беспрекословно. Однако... как сказал Первый Лудзенского района: «Если у нас что-то и происходит, то вопреки решениям партии и законам, а надо бы наоборот». Имя этого смельчака – Филипп Строганов. К сожалению, позднее, уже в независимой Латвии, Филипп переметнулся на сторону Интерфронта.

Руднев видел в Латвии синдром оккупированного народа. Сомневаюсь, что он формулировал это для себя именно так. Не знаю, и узнать не у кого – Олега уже нет. Возможно ли вообще такое понима-

ние у кого-либо из приезжих? Да, были и такие лица, такие души. При поддержке Олега выходил у нас журнал «Кино», у которого, впрочем, не было официального статуса журнала. Ну, пусть не журнал, бюллетень «Кино», – мы его тем не менее выпускали с размахом. Регулярно, видом и объемом журнал как журнал. Очень скоро он стал самым популярным киноизданием в Союзе: мы публиковали авторов, которых Москва отвергала. Говорю – «мы выпускали», так как входил в ту незабываемую, славную редколлегию. Главной у нас была Нина Колбаева. Прекрасная душа. Галина Фролова, коллега Колбаевой, говорила мне: наша главный редактор живет в Латвии с сознанием вины, что принадлежит, независимо от своей воли, к числу тех, кто отнял свободу у здешнего прекрасного народа и страны. Да, были и такие. Но были темы, которых предпочитали не касаться. В доме повешенного и впрямь не говорят о веревке. Правда, Руднев видел нашу осторожность, оглядку на писанные и неписанные правила, и это его раздражало. От всего сердца он желал нам максимальной смелости. Помню, Олег рассказывал об одном своем друге-латыше, тоже Янисе, отдавшем детей в русскую школу. «Не затем, чтобы они обрусели, боже избави! – а чтобы воспитать в них гражданскую смелость и чувство человеческого достоинства. Ибо без него не может быть и самосознания нации. Такие вот пироги, Янис Янович», – закончил он тогда, твердо глядя мне в глаза.

Кажется, я все ближе подхожу к вопросу – почему он был ко мне так внимателен, так открыт передо мной, так доверчив? Одной из причин могло быть то самоуважение латыша, сознание национального достоинства, которое он нашел во мне с самого начала. Звучит слишком самонадеянно? Прибегу к сравнению. Режиссер Карлис Аушкапс рассказывал мне: в театре «Дайлес» тогда была потрясающе поставлена пьеса Ибсена «Бранд». В Москве толпа зрителей даже сорвала с петель дверь театра, которую латыши потом с гордостью водружали на место. Друг нашего Юриса Стренги, прекрасный русский актер Лев Дуров пригласил к себе Юриса и его, Карлиса Аушкапса. Принял сердечно; говорил обо всем, исключая спектакль. И лишь в самом конце гости услышали: Друзья дорогие, хотите слышать мое мнение о вашем «Бранде»? Спектакль превосходный! Только почему вы, латыши, Ибсена поднимаете на пьедестал и смотрите на него как бы снизу вверх? Вам нужно ощущать себя с Ибсеном наравне, понимаете?»

Олега восхищал фильм «Театр». Его похвалы меня, правда, не слишком обольщали: у русских вообще есть привычка говорить обо всем в превосходной степени. Слово «гениальный» настолько примелькалось, что, боюсь, давно потеряло свое изначальное значение.

– Янка, ты снял фильм до того гениальный, что другого такого у тебя уже не будет. Такое в жизни человека бывает лишь однажды.

Я был шокирован. Как, неужели со мной все кончено? Только на это я и способен? (Сам я свою работу оценивал вовсе не так высоко). Другую его похвалу я тогда пропустил мимо ушей; звучала она так: «Какая тут связь с Моэмом? Этот фильм с начала до конца – твой, это ты, это кино про тебя самого! Это и есть самое лучшее и неповторимое, потому что человек неповторим и дважды не рождается!» Прошли годы, и я начал понимать... Фильм уже выдержал суровую проверку временем и конкуренцией. Но вполне жив. Почему? Потому что я не снимал фильм об Англии и английской актрисе. Был верен себе, своим мыслям и ощущениям.

Как начиналось

Он заметил и увидел меня, посмотрев фильм «Мой друг – человек несерьезный». Вместе мы ездили на кинофестиваль во Фрунзе (так тогда называлась столица Киргизии, нынешний Бишкек). Хотя это был шестой по счету мой фильм, именно во время работы над ним я серьезно задумался о том, кто мы такие, как себя трактуем в киноискусстве. И понял, что волей или неволей мы все время показывали латышей такими, какими их хотели видеть там, в центре: работающими, умеренными, рисуемыми в мягких пастельных тонах. Во время съемок мы были в подчинении у Николая Карклиньша, человека интеллигентного, ставшего функционером лишь из-за военных заслуг и приличного образования. И он, в сущности, не годился для партийного монолита, но здесь оказался на месте. И руководил нами настолько, насколько это позволялось начальнику из латышей. Я навсегда благодарен ему за «Несерьезного человека». Московская редакторша, повздорив в Риге с автором сценария, таким же москвичом Александром Гороховым и вконец разозлившись, обратилась за поддержкой «на самый верх».

Спор вышел из-за сцены с могильщиками-халтурщиками. Саша кричал: «Вы хотите кастрировать фильм и полученного евнуха предло-

жить всесоюзному зрителю!» Москвичка в ярости вскочила и выбежала вон. На другой день мы получили указание представить весь отснятый материал в Главное управление. Это значило его загубить. Слава Богу, у нашего начальства были связи с самим тов. Павленок. Хватило одного звонка наверх: с материалом, мол, все в порядке, можно продолжать съемки. Руднев увидел уже готовую работу, получившую республиканскую премию Ленинского комсомола и потому отобранную для показа на Всесоюзном кинофестивале во Фрунзе. В составе делегации были также директор киностудии Генрих Лепешко, первый секретарь Союза кинематографистов Микс Звирбулис, он же оператор фильма, исполнительница главной роли Галина Мацулевич и я. Событие! Но я пребывал в замешательстве: мне нечего было одеть и обуть по такому случаю. Смокинги и фраки мы тогда видели только на экране. Костюмы – сплошной дефицит. Деньги у меня в тот момент были. «Несерьезного человека» приняли на ура. Фильму присвоили первую категорию, согласно которой мой гонорар на бумаге составлял 8000 рублей. За вычетом налогов оставалось примерно 5000. Но это и все. Ни костюма, ни нормальной обуви не найти в магазинах и днем с огнем. Даже приличной рубашки у меня не было. Крепя душу, я зашел с черного хода в магазин «Сакта», постучался в дверь директора. Представился и рассказал о своей нужде: там, в Азии, мне придется представлять нацию. «Мой друг – человек несерьезный» уже был известен всей Латвии. Но это не помогло. Директриса, латышка, глядя мне в глаза, отчаянно врала: мол, в магазине нет ничего кроме товаров, выставленных в зале. Ну и черт с ней! Рассказал я о своей задаче Гене, то есть тому же Лепешко. Тот недоуменно пожал плечами. А потом нашелся: ступай в костюмерную, там тебе что-нибудь подыщут. Этот вариант был не по мне – как никак, я не нищий.

– Что ж, пойду прямо к Рудневу. Скажу – так и так, товарищ министр, помогите. У вас ведь есть свои фонды, спецмагазины. Не мне это нужно, на кону престиж республики.

– Кончай, Янка! Это нахальство. Ты что, так хорошо его знаешь?

– Да нет, только видел издали.

– Не смей меня! С таким делом – в первый раз к министру? Что он о тебе подумает?

– Если он неглуп, поймет. Я ведь не задаром прошу. Гонорар еще пропить не успел (правду говоря, в то время я не пил вовсе).

Сказано – сделано. Кажется, до того я Руднева не успел даже толком разглядеть. Секретарша доложила обо мне. Вхожу в кабинет. Новый начальник встал из-за стола и идет навстречу. Рукопожатие было крепким, мужским, хотя рука его явно не знала тяжелого физического труда. Он вернулся на место и уставился на меня из-под кустистых бровей, как красный партизан на немецкий танк. Что надо? Это было сказано не словами, а взглядом. Я изложил свою проблему, добавив опять же, что речь не только и не столько обо мне, сколько о престиже республики. Повисла пауза, тяжелая, как жернов. Ну, по крайней мере за дверь не выставил. Наконец, ни слова не говоря, новый министр поднял трубку и набрал какой-то номер. И лишь когда в трубке телефона послышались длинные гудки, я услышал от него:

– Ваша правда. Республику надо представить честь по чести.

Министр? Да, вы не ослышались. Глава Комитета считался министром без портфеля. Так-то один прекрасный день, – нет, не день, а около двух часов, я провел при коммунизме, где все для человека, и я был как раз этот самый человек. Руднев позвонил в Слоку некоей даме, ведавшей филиалом упомянутого коммунизма. Я получил адрес и инструкцию – как туда попасть. Помню, это было недалеко от станции. Большой металлический ангар, вроде бы даже в два этажа. Увы, описать тамшнее изобилие я не смогу – сегодня всего этого добра у нас с избытком. Но тогда...

– Что у вас есть? – робко поинтересовался Homo Sovieticus – просто равный, оказавшийся на складе промтоваров для куда более равных.

– А что надо?

– Костюмы есть?

– Есть.

– А сколько можно?

– Сколько нужно. Что еще?

И так далее. Как мы ржали над всей этой ситуацией потом! Смеясь и над самими собой. Боюсь, скоро такого рода анекдотов попросту никто не поймет. Любой наш супермаркет даст сто очков вперед тому ангару, где я тогда оделся с головы до ног. Руднев оглядел меня с удовольствием и некоторой гордостью, я же взирал на него с такой благодарностью, словно купил свой наряд не на собственный гонорар, а получил в дар от государства.

Похоже, моя решительность (или нахальство, выражаясь словами Лепешко) пришлись по душе новому министру. Так мы и познакоми-

лись. Он почувствовал, что он тут хозяин, что нужен и способен кого-то осчастливить. Наверное, каждый из нас, придя на новое место, действует так же: укрепляет свои позиции, завоевывая симпатии и поддержку окружающих. Однако не думайте, что их можно приобрести лишь подобным методом. Сгодятся и настойчивость, и строгость, если то и другое будет справедливым. Оператор Микс Звирбулис был тогда главой нашего творческого Союза. Как-то ранним летним утром он появился на студии непривычно рано. Только-только вошел в помещение киностудии, раздался звонок. В трубке без «доброе утро», без предисловий прозвучало по-русски резкое: «Кто у телефона?»

Мику такая бесцеремонность не понравилась, и он ответил без раздумий: «Такой же грубиян, как и ты!»

– Это председатель Латвийского государственного Комитета по кинематографии Олег Руднев, – слышалось с той стороны провода.

– Мне нужен секретарь Союза кинематографистов Микс Звирбулис.

– Микс Звирбулис у телефона.

– Можете прибыть ко мне? Сейчас же!

– Могу.

– Дверь открыта. Жду.

Надо сказать, территории киностудии и Комитета по кинематографии разделяла дверь, обычно запертая. Для Микса ее позаботился открыть сам министр. Знаменательно. Поздоровавшись за руку, Руднев произнес: «Наконец-то мы познакомимся. Садитесь», – и опустил в кресло. Микс сидел напротив как на иголках. Министр, опершись локтями на стол и погрузив подбородок в ладони, сверлил своего визави взглядом из-под лохматых бровей. Микс в ответ уставился на него, знаю, что не без хитринки и легчайшей усмешки в глазах. Пауза затянулась, как при игре – кто кого пересмотрит, пока министр не спросил вдруг:

– Выпьем?

– Почему бы и нет?

– Сейчас?

– С большим удовольствием!

– Наконец-то приличный человек на студии, с которым можно поговорить! – Появился на свет армянский коньяк. Оба выпили, констатировали, что коньячок хорош, закусили шоколадкой и решили единогласно, что не худо бы повторить. После чего Руднев сказал:

– Слушай, Мик, договоримся так: при любых трудностях, если что

нужно, приходи ко мне. Чем смогу, помогу. А если мне понадобится твоя помощь, обращаюсь я к тебе.

– Договорились!

Так и поступали. Для какой-то надобности необходимо было выжать деньги из правительства. Руднев сказал:

– Слушай, Мик, пошли к Виктору Михайловичу вдвоем. Если ты один пойдешь, он может отказать, если я один пойду, может дать слишком мало. Двое впечатлят сильнее. Добудем больше.

Так оно и вышло. Не знаю, как Руднев в новом статусе встретился впервые с Генрихом Лепешко. Какого-то серьезного конфликта между ними я не замечал, но твердо знаю: возможные шероховатости и тем более столкновения Олег умел вовремя предотвратить. Оба были люди сильные и, как нынче модно говорить, харизматичные. Оба не упустили случая подколоть, отпустить шпильку. Однажды Генрих перестарался, метя не столько в Олега, сколько в меня; речь шла о фильме по сценарию Руднева. Замечание редактора, температуру которого я бы оценил в 20 градусов Цельсия, Лепешко представил как стоградусное. Когда открылась правда, Олег скучно заметил:

– Для чего ему это? Хотел поддеть меня исподтишка? Вот и дурак. Чего он этим добьется? Я – председатель Комитета, а он всего лишь директор студии. У меня куда больше возможностей с ним поиграться. Как кошка с мышкой.

Я все больше убеждался, что основание нашей дружбе положило мое неординарное поведение при первом визите. Чем-то я его тогда подкупил. Раз и навсегда. Знаю, что все решила какая-нибудь мелочь, ведь человек творческий именно по мелочи, по одной неприметной детали умеет воссоздать целую картину, человеческий характер; кажущаяся мелочь иной раз определяет наше отношения к целым институтам, даже странам.

Все дороги вели в Москву

Первый выход Олега на широкие просторы советского кино состоялся на том самом Всесоюзном кинофестивале весной 1976 года в городе Фрунзе, когда он только-только вступил в свою новую должность. Летели мы через Москву, где предстояло провести все воскресенье. Олега встречала «Волга» представительства Латвии в Москве. И он взял нас с собой, отправляясь к другу, поэту Роберту

Рождественскому в Подмоскowie, – скорее всего, там была его дача. Поэт, видимо, жил согласно девизу – «Друзья моего друга – мои друзья». Познакомившись с Робертом и его женой, мы вскоре чувствовали себя своими среди своих. Директор студии, Микс Звирбулис и я. Нас встречали и потчевали как родных. Говорили всех больше Олег и Роберт – но о том, что интересовало всех. Обо всем понемногу, как того требует хороший тон. Пришлось впервые услышать немало любопытных историй об очень известных людях.

Вернемся к Роберту Рождественскому и воскресенью, проведенному в его теплом и уютном доме. Волна открытости и самоиронии, поднятая тогда юношей-композитором, не миновала и нас. Роберт расцвел, его жена сияла, органные басы Руднева перекачивались не уставая. Микс сыпал остротами. Лепешко обернул свои сарказмы более человеческой изнанкой. Жорж Мовсесян исполнил две свои песни на стихи Рождественского, и я тут же, на месте «сосватал» их в заказанный московским телевидением фильм «Мастер». Мы подружились на многие годы. <...>

Фестиваль во Фрунзе

Ранним майским утром, когда в Риге трудовой люд еще досматривал самые сладкие сны, мы прилетели в город Фрунзе, где были встречены цветами и музыкой. Юные экзотические красавицы в восточных одеждах улыбались нам, протягивали цветы и приглашали чувствовать себя как дома. О, роскошные советские кинофестивали! Республики использовали их как повод показаться во всей красе. Оргкомитет обычно возглавлял государственный муж очень высокого ранга. Решения принимались на государственном уровне. В Риге и я однажды входил в состав такого комитета. Руководил нами заместитель председателя Совета министров Виктор Круминьш. <...>. Круминьш, помню, с озабоченным лицом слушал, слушал и сказал наконец:

– Товарищи, я понимаю, что многие тут за счет фестиваля надеются удовлетворить и свои насущные нужды. Попробую объективно оценить вами сказанное; главное все-таки провести фестиваль с честью.

Так оно было не только в Риге. Везде. Накрытые для гостей столы ломились от изобилия яств, недоступных простым смертным. В украинском городе Каневе, на родине Тараса Шевченко, возле длинных

столов с белыми простынями вместо скатертей громоздились ящики спиртного. Кроме отменных закусок запомнилась вкуснейшая уха, за которой последовали и поросенок с кашей, и жареные карпы, и куропатки с дымящейся отварной картошкой в сметане. Посреди столов возвышались горы помидоров в соседстве с редиской, зеленым луком, салатом, с вишней и клубникой. А вареники с медом? А медовуха? Да разве все припомнишь! И в придачу – твоя собственная молодость, красота каневских девушек, головокружительные надежды...

Я вспомнил Канев, поскольку это был мой самый первый фестиваль. Попал я на него случайно, в то время у меня за душой не было ни одного фильма. Еще только готовился к съемкам «Часов капитана Энрико». Вышло так, что от нас некому было ехать, да и фильма для участия в фестивале не нашлось. Зато в столицу Киргизии я прибыл с фильмом «Мой друг – человек несерьезный» и рассчитывал, правду говоря, на лавры. В то время я не брал в рот ни капли спиртного, но участвовать в бесконечных встречах и разговорах готов был хоть до утра, если, конечно, собеседники не начинали повторяться и зудеть о чем-то одном с назойливостью осенней мухи. Руднева поселили на «господской половине». Так оно было везде и всюду. Нам было неплохо, но тем, кто равнее других, неизменно полагалось что-то получше. Членам жюри, руководителям республики, всесоюзного Комитета по кинематографии, членам правительства и партийным боссам, а главное – иностранцам! Последние жили в самых комфортабельных гостиницах или в особняках, предназначенных для партийной верхушки, и питались соответственно. Я был очень дружен с литовцами. Зам. директора Литовской киностудии Альгис Семашкявичюс по утрам нахально заявлялся в столовую для высшей партийной номенклатуры, пользуясь тем, что тамошний пропуск на вид почти не отличался от наших. Там не только редчайшие лакомства, но и выпивка предоставлялись бесплатно, как говорится, пей – не хочуй! Бывало и так, что иной член жюри, с утра поднабравшись, оказывался не в силах дойти до просмотра. Но оценить фильм, им не виденный, не отказывался. Результаты были predeterminedены теми, кто нас холил и потчевал. Бывало, кто-нибудь из радушных хозяев говорил с улыбкой: «Спорим, что я знаю, кто получит главный приз? Спорим? «Дума о Ковпаке!» Так и получалось, конечно. На Украине побеждал украинский фильм.

Мой новый друг Альгис оказался авантюристом в лучшем смысле

слова, что ни день, он нас радовал чем-нибудь из ряда вон выходящим. Зато «литовский руднев», тамошний киноминистр оказался жутко боязливым. Меня он терпеть не мог, – я без конца подбивал Альгиса на все новые авантюры и нехорошо отзывался о соцреализме. Как это вышло, что в Литве, которая почти всегда была на шаг впереди нас, на таком посту оказался трусливый болтун, знали только Господь Бог да партия. Руднев тоже над ним подсмеивался; сам-то он оказался «своим в доску». По-латышски это выражение звучит не очень понятно. Что за доска? Думаю, имеется в виду доска гробовая. «Свой до гроба», такой вот смысл. Руднев сам успел многое. Знакомился, налаживал контакты с коллегами из других республик. И каждое утро был тут как тут, рядом с нами.

На фестивале надо работать. Сплошным развлечением это выглядит только со стороны. Бесконечные просмотры, выступления. Даже отдых, даже прогулки и застолья были продолжением работы: выстраивались новые отношения, накапливались опыт и знание, если, конечно, не увлекаться чрезмерно гастрономическими изысками и алкоголем. Впрочем, и последнее иной раз помогало делу, во всяком случае, Руднев умел все это сплести воедино. У нас образовалась славная компания. К нам нередко присоединялись таджики, не без моих стараний наша команда сблизилась с литовцами. Любовь привела в Киргизию литовского режиссера Альгирда Видугириса, – он позвал нас к себе домой. Киргизская красавица, его жена Роза в национальном платье угощала нас самым вкусным на свете пловом. Говорят, старое дерево не пересаживай. А вот мама Альгирда, вместе с сыном перебравшись из Литвы в Киргизию, точно заново родилась. Эта земля, дающая в год три урожая, люди, открытые и радушные, ее покорили. <...>.

Да, это меня поразило. Слышал до этого не раз о «чучмеках», как называли, вернее, обзывали в России «своих» азиатов. Но когда узбеку в руки давали оружие, было не до шуток. Однажды я попал под пули узбека-часового. С русскими всегда можно было договориться. За поллитру иные и Ленина бы вынесли из Мавзолея, чтоб тебе показать. А этот – «Стой, стрелять буду! Моя тебя не понимай!» Да неужто я, потомок латышских стрелков, сбежав в самоволку на свидание с девушкой, дам себя остановить? Что тогда дальше? На «губу» (гауптвахту)? Фиг вам! Бросился в канаву, а над головой – вжжик! – пуля. Отполз в сторонку и – побыстрее на службу, то есть отсыпаться в казарму.

Точно так же и в Латвии, когда курземское взморье было запретной зоной, русский пограничник или азиат, казалось, были из двух разных армий... Так что вначале я ходил по улицам Фрунзе настороженно, готовый к любым сюрпризам, но встречные оказались на удивление дружелюбны. Спросишь дорогу – они, кажется, готовы идти с тобой до самой цели. И чуть ли не каждый спрашивал, нравится ли нам у них. «Нравится!» – отвечал я, ничуть не кривя душой. А сколько шуток там было, сколько анекдотов! Микс рассказывал нам очередной:

– Советский Союз запустил на орбиту спутник с космонавтом-татариним на борту, чтобы весь мир убедился: у нас тут равноправие и братство народов. Бедняга татарин в космосе вконец растерялся, все забыл, кричит по рации:

– Земля, Земля! Кто я? Земля, Земля, кто я? Какие мои позывные!

– Ты? Сокол ты! Сокол! Ж... татарская!

Руднев, услышав это, на миг оцепенел. Как если бы вдруг увидел возникшего в дверях Брежнева. Потом смех возник и стал заполнять его лицо, как наполняется бокал шампанским. Заблестели глаза, раздвинулись губы, и грянул хохот. Давно мы не смеялись так – до упаду. Громче всех Руднев. Не знаю, понятно ли это сегодня, но анекдот был своего рода шедевр: одним махом он разрушал все изощренное лицемерие национальной политики СССР. Олег не мог успокоиться. Разговор давно уже шел о другом, а он время от времени вдруг повторял: «Сокол ты, сокол...» и снова заливался смехом. И мы тоже.

Может быть, сегодня этот анекдот рассмешит лишь тех, для кого юмор начинается ниже пояса. Может быть, кто-то подумает, что и нас тогда рассмешило грубое словцо. Нет, дорогие мои. В то время это был самый настоящий политический анекдот; люди отвечали таким образом на мощную идеологическую обработку. Сокол ты, сокол – говорилось о нас и нам, и всему миру, но на самом деле мы, вместе с бедным космонавтом-татариним были... далее, как говорится, по тексту. Анекдот сдирал с официозной пропаганды маску, отбрасывал прочь все навешанные ею побрякушки.

Скажи мне, над чем ты смеешься, и я скажу, кто ты. Через смех можно узнать человека. Я таким образом узнал Руднева...

Он мог себе это позволить

Руднев имел смелость принимать решения; латыши в этом смысле были куда осторожнее. Примеров я мог бы привести предостаточно. Хотя бы история с киножурналом Петериса Крыловса, посвященным Лиепайскому кинофестивалю. Но сперва несколько слов об этих местных фестивалях, начатых в годы правления Олега. Проводили их в конце года в каком-нибудь из городов Латвии: Цесисе, Лиепе, Валмиере, Даугавпилсе... Ох, какое же это было веселье и какое непрерывное питье! Из Риги, со двора киностудии в город Н. отправлялся целый караван. Машина Комитета по кинематографии во главе с Олегом Рудневым, директорская «Волга», машины кинохроники, автобус с актерами, режиссерами и представителями прочих кинопрофессий. Еще пара микроавтобусов с техникой и специалистами для оперативных нужд. И – и начиналось. «Ни восхода, ни заката...» Выпивали «для сугрева» уже в дороге. Даже если было строго-настроено наказано нигде не останавливаться, выход находился всегда. По пути в Валку подговорили малыша – Спридитиса из фильма Гунара Пиесиса – сказать, что очень хочется пить. Какой мальчишка откажется от лимонада? Особенно в те годы...

– Ребенок хочет пить! – раздавался вскоре в автобусе дружный мужской хор. – Остановите у «Грибочка»!

И остановили. Мальчик честно заработал не только лимонад, но и то, что предпочитали взрослые дяди. У границы района нас уже ожидали представители местной власти. Исполкома и райкома. По русскому обычаю статная девица держала в руках хлеб с солью, парень – кружку пива. Чуть дальше можно было видеть поднос с напитками покрепче. Без первых закусок тоже не обошлось, прозвучали первые пожелания здоровья и успехов. И начался «Кавалерский год» длиною в неделю, без восходов и закатов. Ибо от той границы нас доставляли напрямик в районный комитет партии, знакомили с трудовыми достижениями и планами на будущее. Т-образный стол заседаний благоухал ароматом дефицитного кофе, дымящийся напиток можно было дополнить рижским бальзамом и армянским коньяком. О, страна чудес, Советия, другой такой не было и не будет! Сегодня уже многим непонятно, почему с таким отчаянием смотрит Дагния Тутера на то, как чертов чангал Гилючу Езупс делит между своими девицами растворимый кофе – привезенный из Риги дефицит. Помните, в «Лимузине цвета

Яновой ночи»? Так мы жили! Сплошные радости! И эти фестивали для кинонарода были апогеем. Нас потчевали всем наилучшим, нам давали еще и с собой, ведь магазины стояли пустыми, открываясь ежедневно лишь затем, чтобы у продавцов была зарплата.

Конечно, я слегка преувеличиваю. Кое-что было и на магазинных полках, мы туда заглядывали редко. Маринованные кабачки в трехлитровых банках, килька в томатном соусе, соль, спички. Напомнил об этом лишь для того, чтобы вы почувствовали, какой восторг царил на наших фестивалях. И Петерис Крыловс увековечил все это в прекрасной документальной ленте, отвечавшей библейской заповеди – «не хлебом единым». Пардон, в нашем случае – «не водкой единой». Есть и другие источники вдохновения на родной земле, в море и в городе на Янтарном берегу по имени Лиепая, есть самоотдача киномастеров и главное – народная любовь к ним, своим художникам. Все это хорошо, но Комитет по кинематографии ЛССР в лице Висвалдиса Албинса работу Крыловса не принял. Петерис разыскал меня и попросил, чтобы мы посмотрели журнал вместе с Рудневым, – неужели он так уж плох?

Посмотреть? С удовольствием. Смотрели – и меня работа Крыловса тронула до слез. Вия Артмане и Волдис Занбергс вели и направляли рассказ. Занбергс сам родом из Лиепайи, и ему есть что рассказать о родном городе. Время от времени оба, Вия и Волдис, появляются во всем блеске юности – это кадры из фильма «За лебединой стаей облаков». Мастерский монтаж, трогаящие за душу скрещения судеб. Не просто кинохроника – произведение искусства. В зале зажегся свет. Руднев тут же обернулся ко мне:

– Ну, Янис, что скажешь?

– Прекрасная работа. Можно только позавидовать. Со своей философией, позволяющей раздвинуть границы темы и события!

– Твоя правда! – Олег был тронут не меньше. – Петя молодец! Висвалдис, – повернулся он к заместителю, – в чем же дело?

– Видите ли... из Лиепайского райкома был сигнал, что не надо показывать Занберга, он... он...

– Ну? Говори прямо.

– В общем... В Лиепайском райкоме партии считают, что нельзя показывать Занберга, он на фестивале с начала до конца был под мухой, – выпалил наконец Албинс.

– Не может быть! – сказал Руднев, мастерски изобразив изумление.
– Висвалдис, назови мне хотя бы одного, кто на том фестивале был не подшофе? – Председатель Комитета выдержал паузу и мирно закончил: – Дурь какая! Петя, дай-ка мне те бумаги... И – поздравляю тебя, Петерис. Отличная работа!

– Кто же спорит? Работа сама по себе – класс! – обрадовался и Албинс.

...Еще случай. Мы с Рудневым вели разговор. В дверь постучались, в кабинет влетел вспотевший второй заместитель Руднева Литауниекс. Поздоровавшись, обошел стол шефа и загудел ему на ухо:

– Что будем делать, Олег Александрович? Только что Виктор Михайлович посмотрел наш киножурнал о днях культуры Латвии в Свердловске, и он в недоумении. Почему за кадром звучит музыка Джеймса Ласта?

– Ему что, Ласт не нравится? – Олег откинулся в кресле.

– Не знаю, – смутился Литайниекс. – Просто... Какая связь между Ластом и днями Латвийской ССР в Свердловске?

– Музыка хорошая. Какая еще требуется связь?

– И все же... Как мыотреагируем?

– Хм. Отреагируем? Ну, придумай что-нибудь.

– Что?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю, – Литауниекс окончательно впал в уныние. Тут нужно пояснить, что Виктор Михайлович по фамилии Круминьш был заместителем председателя Совета Министров ЛССР, в компетенцию которого входили и все наши дела.

– М-да... – Олег постукивал костяшками пальцев по краю стола. – А журнал у нас на каком этапе?

– Уже делаем копии.

– Ах так? – Руднев заулыбался. – Значит, так иотреагируй. Поздно, Виктор Михайлович, – скажи ему. – Уже делаем копии!

– Так и сказать?

– Так и скажи. И добавь: если вы, Виктор Михайлович, из средств Совета Министров выделите средства на переозвучание и изготовление новых копий, мы можем процесс приостановить. Но это срочно! Время – деньги. Промедлим с решением – потеряем еще больше!

Исполнить такое поручение буквально подчиненный не мог. Как

уж он отдувался в разговоре с начальством, история умалчивает. Киножурнал вышел вовремя с музыкой Джеймса Ласта. Разумеется, ворованной. Как же иначе!

Когда Женя Пашкевич сдавал свой первый документальный фильм «Длинный день», Микс Звирбулис после просмотра спросил Руднева:

– Тебе понравилось?

– Ничуть.

– Но ты же его принял!

– Принял. Знаешь, может быть, в будущем «Длинный день» назовут первым фильмом знаменитого режиссера Пашкевича. Не хочу, чтобы Руднева назвали тем козлом, который ничего не понял и фильм зарезал. Время покажет.

Надо ли напоминать, что мы, как «бойцы идеологического фронта», жили под неусыпным наблюдением партии и Чека. Они знали не только все, что мы делаем и собираемся делать, но даже и то, что делать могли бы. Все мы были под колпаком. То были времена большой игры. В том числе и с «органами». Лишь от руководителей и их совести зависело, какие действия или высказывания считать антигосударственными. Мне повезло. И Геня, как называли друзья директора киностудии Генриха Лепешко, и Олег Руднев стремились защитить творческих работников в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях.

– Послушай, Янка, этот м... твой друг Дункерс такую кашу заварил, не знаю, как и расхлебывать. Законченный идиот! Моча в голову ударила или как? – такими воплями я был встречен, едва перейдя порог кабинета.

Я ничего не понимал. Руднев, тяжело вздыхая, пояснил:

– Звонили из того дома. Ждут, какова будет наша реакция. Короче, между Липеаей и Ригой по пути есть могила этого вашего полководца, Калпакса. Знаешь?

– Да, это место называется Айритес.

– Вот-вот, Ай-ри-тес. Так знаешь, что учудил этот осел? Он с актерами возвращался из Липеаи. Само собой, сильно под градусом. После премьеры. Ну, набрались по полной, иначе такого бы не было. Ну, скажи, Янка, это ведь надо быть вообще без мозгов...

– Что он сделал?

– Что-что... Приказал остановить автобус у памятника Калпаксу, позвал с собой всех актеров – притом с цветами. Там прочел какие-то

националистические стихи, возложили, понимаешь, цветы... Скажи, ну разве не идиот? Что делать, Янка?

– Да ведь пьяный был, – осторожно напомнил я.

– Не поможет. Скажут – что у трезвого на уме, у пьяного на языке.

Я знал Дункерса. Знал и его слабости, особенно одну... А если это поможет?

– Слушай, Олег. Он ведь актер. С головы до ног – актер.

– Ну и?

– Он просто играл. Ольгерт без этого не может. На стихах просто помешан. Декламирует где надо и где не надо. Он мне однажды признался – если бы предложили на выбор, снять фильм или сыграть хорошую роль на сцене? – он бы отказался от режиссуры, от фильма, в пользу театра. И там, у памятника, он наверняка изображал господина Киккулиса из «Ранней ржавчины». Там, в Комитете госбезопасности, ее наверняка видели. Скажи, что это одна из любимейших ролей Дункерса. И что стихи он читал в смысле ироническом. И потом, может, и читал-то он не какого-нибудь там нежелательного автора, а скажем, импровизировал, помнишь, как в моем «Человеке несерьезном»? На кладбище, как раз возлагая венок: «Солнце село – и с концом. Попрощаемся с отцом...» Это он сам сочинил.

– Хм... В этом что-то есть.

– А те цветы... Им же надавали букетов, а потом они пили ночь напролет...

– Да, от тех букетов надо же было избавиться. Латыши дареные цветы на помойку не выбросят. Во, точно. Именно цветы, вянущие цветы послужили причиной. Кто-нибудь в автобусе сказал, что пора выбросить, дышать нечем. Дамы застонали: как так? Ведь это цветы, они живые!

– Олег, тебе пора писать детективы.

– Заметано. Звучит достоверно. Может, и сойдет на сей раз. Это я не про детектив. А про наше объяснение в органах насчет антисоветской демонстрации кинорежиссера Дункерса.

И сошло!

Мелочь, вы скажете? В драматургии мелочей не бывает. Или, вернее, драматургия и есть цепь «мелочей», выхваченных из жизни и выстроенных с умом и талантом.

Легендарный сериал

И – «Долгая дорога в дюнах». К главной теме сериала латыши в те годы не осмеливались прикоснуться. Он посмел. У фильма были и есть и противники, и поклонники, причем последних – миллионы. Заглянув в свои старые записи, я набрел и на такую: мои друзья, драматург Паулс Путныньш, режиссер и писатель Андрей Мигла твердят о лживости «большевистской пропаганды» в этом телесериале. Тогда я еще не знал, что Андрей детство провел в местах ссылки родителей. Так мы жили. Странно. Порой не зная главных событий в судьбе своих близких друзей. самого больного старались не касаться.

Я в отношении этого фильма придерживаюсь середины. Не отрицаю огульно, как некоторые, и не превозношу, как люди, дававшие своим детям имена героев сериала – Марты, Артура, Рихарда... Фильм был нужен. Он будоражил, любого так или иначе задевал за живое. Как ни говори, это было событие. Алик – Алоиз Бренч – стал человеком года, группа получила государственную премию СССР. Официальная награда совпала с народной оценкой. С наступлением новых времен Бренч не раз говорил о том, что нельзя сбрасывать со счетов старые заслуги, если те не связаны с политикой.

Анализ достоинств или недостатков фильма не входит в мои планы. Я здесь говорю лишь о личности автора. И о страстях, вызванных сценарием как таковым. Нужно, прежде всего, вспомнить, что Олег, задумывая фильм, был еще Первым в Юрмале. И надо было случиться, что на прием к нему попал Бренч, решавший тогда проблему своего летнего отдыха. Разговорились. И, слово за словом... Ах, вы кинорежиссер? Постановщик тех самых популярных детективов? Очень приятно. У меня тоже есть знакомые в вашем кругу. Вия Фрицевна... Да-да, Артмане. Дзидра Ритенберг... Последовал ряд громких имен: Володя, Марина... Под «Володей» подразумевался, конечно, Высоцкий. И так далее. Мечтой первого секретаря Юрмальского райкома, оказалось, был фильм по его сценарию. О чем? Сегодня мы знаем, о чем: сериал широко известен. Мой рассказ – о том, как образовался тандем Руднев-Бренч, как продвигался их проект, где и почему буксовал.

Итак, Алик стал первым кинопрофессионалом, узнавшим о замысле Руднева. Олег умел рассказывать. Алоизу нужна была дача в Юрмале... Понятно? «Да, замечательно!» – глаза режиссера блестели.

«Так что, по рукам?!» Позднее, знаю, Алик не раз кусал себе пальцы по поводу этой договоренности. Ибо поистине долгим, полным неожиданных поворотов и интриг оказался этот путь Алоиза Бренча в рудневских днюхах. Подробности мне неизвестны, но не в них суть. Важно то, что в начале этого пути Руднев был Первым секретарем в Юрмале. Напоминаю об этом, чтобы сходу отвергнуть слухи, будто бы в кресле киноминистра он с самого начала только и делал, что продвигал свой сериал. В момент того судьбоносного разговора с будущим режиссером «Долгой дороги...» Рудневу и в голову не могло прийти, что вскоре его вызовет к себе сам Восс и предложит кресло председателя Комитета по кинематографии Латвийской ССР, так как его предшественника на этой должности, Николая Карклиньша Москва пошлет в Югославию, возглавить отделение «Советэкспортфильма». Но что было, то было: выбор Восса пал на Руднева именно благодаря его сценарию. Они там, в ЦК партии, знали, что Юрмальский Первый знается с художниками, писателями, актерами и прочими монстрами. И Олег успел поделиться со многими той новостью, что известный киномастер Бренч признал его замысел фильма не меньше и не больше, как «гениальным». Хвалился даже, что к нему собираются приехать люди с Центрального телевидения, чтобы заключить договор на написание сценария. Воссу это не понравилось. Получалось, что его кадр, один из его людей вдруг записался в «умники». С партийных высот люди этого сорта казались выскочками, путаниками, их завиральные идеи, вечные споры и претензии не могли не вызывать раздражение; всё-то у них, говоря между своими, «через ж...», говоря официальной, против установок. Нет, в самом деле, товарищи! И, желчно усмехнувшись, Август Восс произнес свою знаменитую фразу: «Ну так пускай этот Руднев раз и навсегда займется «самым важным из искусств!»» (Урезанная цитата из Ленина). Так это было. И это условно означало наш выигрыш.

Но путь Руднева-сценариста отнюдь не был усеян розами. Редакторы киностудии начальству льстить не собирались. Заявку на сценарий они приняли более чем критически. Не скрывая неудовольствия. Вот новости, какой-то чужак собирается писать о жизни наших рыбаков! Вилиса Лациса начитался? Что ж, после выхода знаменитого романа «Сын рыбака» и одноименного фильма чуть не в каждом рыбацком поселке обнаруживались прототипы глав-

ных героев. Автор схватил нечто общее, характерное для жизни довоенной Латвии. Довоенной! Канувшей в Лету. Рудневу присуща была основательность. Я уже упоминал: перед тем, как возглавить кинематографию Латвии, он пересмотрел фильмы всех наших режиссеров. Так же он действовал, заняв пост первого секретаря в Юрмале. Постоянно встречался с людьми, интересовался прошлым края, историей мест и строений. Рассказывали, что однажды к нему на прием явился латыш из Сибири. Хотел взглянуть на свою былую собственность. Был когда-то депортирован, но по окончании ссылки с годами добился в Сибири очень высокого служебного положения. Иначе вряд ли попал бы в кабинет Первого секретаря. Гость рассказал о пережитом, выстраданном. Вместе объехали чуть не всю Юрмалу, добрались и до бывшей собственности сибиряка.

– Жаль? – спросил Руднев.

– Нисколько! – отвечал гость. – Видели бы вы мой дом там, в Сибири! Нет, не жаль, но до сих пор гложут обида и боль – за что всех нас так, в одну ночь, согнали в эшелоны и?.. Можете вы мне сказать – за что?! Эта боль – до конца дней. Поэтому не хочу я к вам, сюда. Там, в Сибири, я хозяин. А тут... Не обижайтесь, вашей персональной вины тут нет.

Олег пересказывал мне все это с глубоким, искренним сочувствием, которое невозможно сыграть. Потому-то суждения его непримиримых критиков мне кажутся поверхностными. Редакторов задевало то, что автор сценария – их начальник, так что придирались к нему свирепо. Если сверяться с календарем, выходит действительно, что Руднев в кресле председателя Комитета всю дорогу занимался своим сценарием. Так совпало. Но ведь замысел родился намного раньше, задолго до этого он подал свою заявку, было ее рассмотрение в Москве, включение в план. Заключили договор, первый вариант сценария был прочитан и многократно обсужден – ведь в те годы телесериалы оставались новостью, их можно было сосчитать по пальцам. Должность министра без портфеля ему предложили в то время, когда работа над сценарием шла полным ходом. Притом тема-то была, мягко выражаясь, щекотливая! Придирам и поправкам, указаниям из Москвы не было ни конца, ни края. Будь Алик Бренч из тех режиссеров, для кого литературный материал лишь повод, первый импульс к работе, Олег мог бы обойтись без соавторов. Но Алоизу

требовалось, чтобы все до последней детали было прописано в тексте. Правда, он обладал чутьем – что подлинно, а что – «фуфло»; свойство это можно сравнить с абсолютным музыкальным слухом. Но от этого было не легче. Случалось, разработать режиссерский сценарий ему помогали целых три редактора. Бедняга впадал в отчаяние. Олегу доставалось мучений не меньше. Он жаловался, что Алик слишком часто напивается и, свалившись на диван, лишь кричит очередному редактору – «Нет! Не то! Фуфло, чистое фуфло!» И лишь получив, наконец, приемлемый вариант, он вскакивает на ноги и включается в работу. До того момента, когда, наткнувшись на новое препятствие, режиссер не начинает сызнова: «Фуфло! Опять фуфло!»

– Ну и что? Это – тоже метод, – успокаивал я Олега. – Самое гениальное в системе Станиславского знаешь что? Его знаменитое: «Не верю!» И ведь дожимал он актера до того, что тот заставлял себе поверить. Так и Бренч. У него есть это ощущение подлинности, без которого нам никуда!

Олег писал дома, писал, бывало, и на работе. Почти всегда, зайдя к нему, я слышал: «О, Ян, у тебя есть минутка? Слушай, я вчера сочинил гениальную сцену!» И начиналось – не чтение текста, а представление картины в мизансценах. Театр одного актера! И в нем – все разом: автор, персонаж или персонажи, оператор. Олег был прирожденный рассказчик, обладавший незаурядным артистизмом и харизмой. Мне приходилось в жизни иметь дело с многими сценаристами. Встречались типы самые разные. Олег был неповторим, уникален. Поцелованный ангелами и отравленный большевиками. Когда он выстраивал перед тобой свой рассказ, казалось – нет правды правдивее этой. Сгусток жизни. Любимейшим из героев, вопреки его желанию, стал Рихард, этот латышский немец. Сцены с ним рождались сами собой.

– Что за чертовщина! – изумлялся автор. – Что не придумаю – выходит в пользу Рихарда. Дьявольски любопытный характер вырисовывается. Не то, что Артур. Ну, положительный, ну, образцовый. Но пресный какой-то. Зато Рихард...

И вышло так, что я стал навещать своего начальника чуть не каждый день. У меня не было тогда своего жилья. Надеялся поговорить об этом, но куда там! Олег, едва я входил, начинал пересказывать или изображать очередную сцену, не давая мне и рта раскрыть. Так повторялось много раз, и я приходил уже не по делу, а чтобы послу-

шать его. Он встречал меня с радостью. Откладывал в сторону все дела. Нередко я испытывал неловкость: за дверью кабинета ждали люди со своими неотложными надобностями. Нет, я не лез к начальству без очереди, заходил лишь когда в приемной, кроме секретарши, никого не было. Валде даже не приходилось обо мне докладывать. Я был свой. Очередь возникала, пока шел наш с Рудневым разговор. Говорил большей частью он.

Окончилось все хорошо. Победителей не судят. Фильм был удостоен государственной премии СССР. Но, увы, исполнитель блестящей, всего лучше написанной роли Рихарда, литовский актер Ромуальд Раманаускас среди лауреатов не значился, поскольку изображал врага – немца. Эх, сокол ты, сокол... Кто виноват в явной несправедливости? Ну, не Олег же. Всеми нами руководила Коммунистическая партия.

Путь Руднева-киносценариста на этом не кончился. Вскоре, побуждаемый мною, он представил сценарий фильма «Помнить запрещается!»

Случай из жизни

Как-то Олег рассказал мне историю из медицинской практики его жены. И вышло так, что она, специалист по врожденным патологиям детей, подтолкнула меня к замыслу фильма: все то, что год спустя я попробовал воплотить в своей ленте, произошло реально у нее в клинике, и у героя, которого сыграл актер Гирт Яковлев, был в жизни прототип – офицер одного из армейских гарнизонов, размещенных в Латвии. Герой Советского Союза. Фамилию не назову. Не имею права, хотя ее обладатель давно уже вернулся в свои родные края. Если, конечно, жив, – ведь сколько русской кровушки было пролито в последующие годы!

В реальности было так: жене офицера из-за почечной недостаточности врачи запретили рожать. Однако несчастная так любила мужа и боялась потерять его, что решила рискнуть. Родился мальчик. Ликующий полковник отмечал событие с друзьями. Между тем, жена его утопала в слезах. Ребенка ей даже не показали, сообщили только, что у него врожденная аномалия – непроходимость кишечника. В 1000 случаев из 1000 такой ребенок не жилец. Последнего ей, впрочем, не сказали: врачи в любом случае обязаны бороться за жизнь ребенка. Младенца из родильного дома в Риге доставили в Юрмалу, в центр

врачевания врожденных патологий. А там во время операции сердце новорожденного перестало биться. Медсестра перекрестилась: «Вознеслась душа к Боженьке». Студентка-практикантка, зарыдав, убежала из операционной. И надо же было случиться, чтобы именно в этот миг позвонила мать младенца. Трубку подняла практикантка. И прошептала в телефон, всхлипывая: «Он умер...»

Тем временем случилось чудо. Профессор Янис Гауенс заставил маленькое сердце биться, завершил операцию, и мальчик выжил! В Риге мать пребывала в отчаянии, не зная, как сказать мужу о своем горе. И может быть, еще одним чудом было то, что ей тогда же удалось усыновить малыша, от которого мать отказалась перед родами. Вскоре молодую мать с ребенком выписали из роддома. Муж не переставал радоваться, жена уже и сама поверила, что кормит грудью своего младенца. В это время ее родной сын в Юрмале выздоравливал, набирался сил. Узнавал медсестру, которая нянчила его, улыбался ей. Женщина была одинока. Она тоже привязалась к младенцу и всячески старалась оттянуть момент его возвращения в Ригу. Жена Руднева заведовала отделением клиники. Вскоре ей стало ясно, что заботы медсестры о маленьком пациенте выходят за рамки обычного. Довольно! Она звонит в родильный дом – пора уже забирать малыша, он здоров! И тут началось... Родная мать не решалась признаться мужу в обмане – у полковника был крутой, если не жестокий нрав. Отказаться от своей родной кровиночки тоже было свыше ее сил. Она ходила к Рудневой объясняться, как на работу. И в конце концов отказалась от родного дитяти. Его тут же усыновила медсестра... Всю ночь я думал о том, что рассказал мне Олег. И наутро пришел к нему: «Пиши сценарий!»

В змеином клубке интриг

Оказалось, сценарий уже почти готов. Пересказывая мне реальную жизненную историю, Руднев хотел видеть мою реакцию. Теперь нам оставалось подать заявку на фильм руководству студии. Директор был согласен. Зато в редколлегии поднялась буря возмущения. Стрейчу нужна квартира, вот он и подлизывается к начальству. Людям было невдомек, что Руднев так и так мне помог бы с квартирой, а то обстоятельство, что мы с ним вместе работаем над фильмом, стало как раз препятствием в том самом квартирном вопросе. Я-то видел

это лучше, чем даже сам Олег. Но я в самом деле загорелся фильмом, так что решил еще потерпеть без своего жилья. Вообще не касаться этой проблемы. Так я и сделал. Обзавелся своей крышей над головой лишь когда Рудневы уже перебрались в Москву. Но ярлык уже был приклеен, ничего не попишешь. Нас обоих причислили к сонму махинаторов. Один использовал высокое служебное положение, второй к нему всячески подлаживался.

Фильм стартовал в обстоятельствах, когда я себя чувствовал, как голый, брошенный в муравейник. Через много лет я понял, что ветер дул тогда и с совершенно другой стороны, связанной с моей личной жизнью. Но если коллегам, в высшей степени порядочным мужчинам и женщинам выдают за истину злокозненные выдумки, если добавляют, как скверно о них отзывается за спиной этот самый Янис, как не поверить? Не возмутиться? Не хочу вспоминать. Бог с ними. Речь об Олеге, очутившемся в эпицентре событий, и о том, как я благодарен ему за четкую позицию. Сценарий я переработал. Я уже говорил, что устные рассказы Руднева сильно отличались от готового текста. На бумаге язык Олега тяжелел, возникали в нем даже черты официоза. Я сменил и название фильма. У Олега там было повелительное наклонение: «Помнить запрещается!» Женщина должна забыть ребенка, от которого она когда-то отказалась, а теперь хочет отнять его у приемной матери. Я и осуждаю свою героиню, и сочувствую ей, поэтому назвал фильм «Помнить или забыть». Как бы вариация на тему «Быть или не быть». И на главную женскую роль пригласил российскую «придворную актрису», талантливую и сердечную Людмилу Чурсину. Долго не мог сделать выбор между нею и Лилитой Озолиной, пробы которой были даже удачнее, и с которой, я ощущал всеми фибрами, мы бы прекрасно сработались. У Людмилы были другие плюсы, в том числе аура ее предыдущих ролей. Да, и это имеет значение. Людмила как бы воплощала собою тип настоящей советской женщины. Не зря я назвал ее придворной актрисой. Советовался с другом, Паулом Путныньшем, и мы вместе пришли к выводу, что социальное звучание будет острее, если на роль я возьму Людмилу. Сомнение грызет меня и по сей день. С Лилитой в итоге мне так и не пришлось встретиться на съемочной площадке. Забегая вперед, скажу, что после просмотра готовой ленты Людмила расплакалась. Спрашиваю:

– Ты плачешь из сочувствия героине или со зла на меня?

– Янис, что ж ты не сказал, что хочешь сделать из нее такую негодяйку? Я бы играла совсем по-другому!

– Людмила, дорогая, я и не сказал как раз поэтому!

Обманул я актрису? Нет. Ибо она должна была видеть свою героиню не извне, не глазами окружающих, общества, а изнутри, там, где женщина в своих глазах права, где она личность насквозь положительная и трагическая. Ибо даже последний подлец видит себя воплощением честности.

Работа продвигалась страшно тяжело из-за интриг. Людмила приехала на пару недель. И, несмотря на то, что на пробах у нас было полное взаимопонимание, все пришлось начинать заново. Здесь, на студии, недоброжелатели имели бесстыдство наговорить ей гадостей об Олеге и его сценарии. Людмила знала мой фильм «Театр». В Риге посмотрела ленты «Мой друг – человек несерьезный», «Лимузин цвета Яновой ночи» и успокоилась. К концу съемок мы работали в полном согласии. Но ей нужно было срочно ехать в Москву на международный кинофестиваль. В Ригу она вернулась, отравленная новой порцией яда в отношении и меня, и сценария. Редактор и сценарист нашей студии там, в Москве, наплел ей полные уши на тему «сценарий – полнейшее фуфло», Руднев – дилетант, Стрейч – негодяй. К счастью, она не скрыла от меня имя наушника; оно не стало для меня неожиданностью – я знал, что этот человек питает к Рудневу патологическую зависть. И ненависть, граничившую с непримиримой враждой. Я молчал. А что прикажете делать? Я не раз пытался разобраться, в чем состоит тот провинциализм, в котором нас самокритично упрекал талантливый режиссер и кинооператор Марис Рудзитис. И, кажется, понял, хотя и не до конца. Разве то, что в Латвии в оценке специалиста руководствуются зачастую не его профессиональными качествами, а нюансами его личной жизни – не одно из проявлений провинциализма? И снова должно было пройти время, прежде чем Людмила по-настоящему вернулась в свою роль.

Однажды Олег рассказал мне свой сон. Что я его не придумал постфактум, могу доказать тогдашней записью в моем дневнике. Сон был провидческий, как у Иосифа в Египте. Я будто бы вез его и Чурсину на вокзал в своем «жигуленке». Улицы забиты, образовалась пробка, а мы опаздываем. Вдруг я сворачиваю куда-то вбок. Они в тревоге,

кричат: «Не делай глупостей», а я в ответ: «Не волнуйтесь, успеем!» Еще поворот, какая-то узкая, вся в ямах улочка, лужи. Оба спутника готовы от злости меня разорвать. Наконец, машина ткнулась носом в высокий забор. Всё! Конец! Я выскакиваю из «Жигулей», должно быть, решил сбежать. Так подумал Руднев – но нет!

– Ты подбежал к забору. Отодвинул одну доску и говоришь: «Прошу, мы на месте!» И правда – мы пролезли внутрь и оказались на огромной светлой вокзальной площади, полной народу. Звучала музыка. Это был не рижский вокзал, но именно тот, что нам требовался.

Так оно и случилось. Фильм вышел в широкий мир, и они оба – с ним вместе. А я со своим старым «жигуленком» остался в Риге. Тогда все было иначе, чем сейчас. Люди стояли в очереди за машиной годами. У нас, работников кино, была своя особая очередь, ведь мы были несколько равнее других равных, и еще равнее был я, как заслуженный деятель искусств Латвийской ССР. В фильме обшарпанная машина художника была пародией на мои старые «Жигули». Искал я пускай подержанное, но исправное авто из «эспортных», тех, что из-за какого-нибудь небольшого брака были возвращены из-за границы. Но и на такой товар была очередь. Я обратился за советом к Олегу. Тот вскинул густые черные брови:

– Зачем тебе, Янис, старая машина?хлопот не оберешься.

– Да, хорошо тебе говорить. Знаешь, как Андрис Колбергс написал где-то: разведенный муж гол, как карманный нож.

– В точку, – признал Олег. – Но с деньгами вечно так: сегодня нет, завтра будут. Не покупай старье, Янис!

Пришло приглашение на юбилей киностудии, притом не простое, а как члену президиума. Что ж, спасибо, уважили. Маслом по сердцу – из-за развода меня как бы вытолкнули из публичного пространства, негласно изолировали, – а тут вдруг... Я приоделся, явился точно вовремя. Но как только вошел в кабинет директрисы, понял: меня тут не ждали. В глазах сановитых мужей и дам из ЦК увидел даже нечто вроде испуга. Все было ясно. Но у меня в кармане приглашение! Раскланялся с кем надо, взял чашку кофе с легкой закуской и разговорился с Рудневым, единственным, кто вел себя так же непринужденно, как и я. Глаза Генриха, директора студии, насмешливо посверкивали за стеклами очков: он все понял и ждал, что будет дальше. И вот пора, директриса пригласила всех вниз, предупредив, что у входа в зал нужно

обождать, нас будут по одному вызывать в президиум. Спускаемся. Ждем. Не помню, кто первым взошел на сцену и стал называть поименно Артмане, Лине, Цилинского, Ритенбергу и дальше, вплоть до товарищей из ЦК – Андерсона, Гориса, Залите, Дрейбанта. Были там и представители кинопроката и прочих ответвлений кинодела. Только вот меня в том списке не оказалось. И стоял я перед теми дверьми, дурак дураком, пока не рассмеялся от всего сердца. Когда же это цекисты умудрились меня вычеркнуть? Оперативно, ничего не скажешь! Зайти, что ли? Но мне сделалось физически дурно, как если бы нужно было спускаться в канализационный люк. Всплыл в памяти афоризм Руднева по поводу подаренного ему марксова «Капитала»: «А ну их в ж...!» С тем я повернулся и ветром помчался в сторону Юглы – к жене и маленькой Вике. И, честное слово, избавившись от официозного морока, почувствовал себя там и тогда счастливым.

Все последующие дни я был очень занят, Руднева не видел, и недавний инцидент забылся. Хотя, думаю, Олега товарищи из ЦК пожурили: пригласив меня, он поступил необдуманно. Рудневу вообще не раз приходилось оправдываться за меня. В том же кинотеатре «Рига» отмечали пятидесятилетие Гунара Пиесиса. Приветствуя юбиляра, я сказал:

– Гунар, я тебе завидую – единственный из режиссеров, ты делаешь только то, что хочешь.

– Приятно слышать это от моего главного конкурента, – отвечал виновник торжества.

Но какой же шум поднялся на следующий день! Из Комитета госбезопасности позвонили в Центральный комитет: поступил сигнал на Стрейча. Что он имел в виду? Что у деятелей советского кино нет творческой свободы? Из ЦК тут же позвонили Рудневу, тот ничего не понял и попросил директора кинотеатра «Рига» Расму Смилгу написать объяснительную записку – что там было? Расма звонит мне: не знаю, что писать! Я врываюсь к Рудневу. «Что за дурь? Неужели непонятно? Я без конца работаю, чтобы вытянуть план, берусь даже за г... сценарии, Гунар никогда такого не делает, речь об этом».

– Дурь, конечно, – согласился Руднев. – Но у них сигнал, и чтобы закрыть дело, нужна бумага. Пусть Расма напишет просто, что в «Риге» прошло такое-то мероприятие, в нем участвовали такие-то персоны, с приветствием выступили такие-то. Короче говоря, пусть опишет программу вечера, этого хватит.

Расма так и сделала, и вопрос был исчерпан.

По поводу моего фильма «Лимузин цвета Яновой ночи» в Москву, в ЦК КПСС поступила жалоба: режиссер Янис Стрейч раздувает вражду между латышами и латгальцами, называя последних «чангалами». Так латгальцев обзывали во времена Улманиса, но 40 лет советской власти покончили с подобными явлениями. Бдительный чангал из Тукума запомнил, видно, что жители и Видземе, и Курземе, и Латгале – латыши.

Но не хватит ли этой материи? Мы остановились на фильме «Помнить или забыть». На вещем сне Руднева. Я вспомнил о нем в Карнеги-холле в Нью-Йорке – зашел посмотреть на то место, где с успехом показывали мой фильм. А еще говорят, что нельзя верить снам.

Когда мы везли картину сдавать в Москву, директор сказал Олегу: хорошо бы они там ничего не меняли; Янис так тонко уравновесил разные небезопасные места, малейшее вмешательство может разрушить всю конструкцию. Повод для опасений был. Сама по себе тема и показанная среда могли быть восприняты как негативное обобщение. Поводов для этого в картине хватало. Даже Дзидра Ритенберга, игравшая в фильме роль врача, мыслящий и самостоятельный художник, отказывалась принять изображенную в нем ситуацию, хотя прямого отношения к ее актерской задаче та не имела. Впрочем, и ей на ухо что-то нашептывали... С медицинскими, порой щекотливыми проблемами мне помогали справиться и главврач родильного дома Платкайс, и его заместитель Анита Цауне, и заместитель министра здравоохранения Гунар Орлеанс. Общими силами нам удалось-таки пролезть через игольное ушко, и честь советской медицины оказалась в данном случае незапятнанной.

Однажды уже в конце лета я по вызову Руднева явился в его кабинет. Там уже сидели директор студии и главный редактор Комитета Талис Маргевич.

– Пришел? Вот и ладно, – сказал Олег безрадостно. – Мне с тобой надо поговорить. Как мужчине с мужчиной.

Сказал и умолк. Звонящая пауза затянулась. Я попытался сообразить, в чем опять провинился. Олег, точно прокурор, сверлил меня взглядом.

– Хорошо, что здесь Генрих и Талис, они не дадут соврать. – Снова пауза, и я лихорадочно перебираю события последних дней – нет, никакой вины за собой не чувю.

– Итак, конкретно и коротко. Со всей прямоотой и честностью коммуниста скажу тебе только одно. Я для тебя выбил новые «Жигули». Дуй домой, ищи деньги и езжай за машиной!

Все трое смеялись – розыгрыш удался, и жертва его обижаться не думала. Побольше бы таких шуток.

В Москве фильм приняли хорошо. После премьеры в центральном Доме кино Руднев закатил банкет. Были высокие и знаменитые гости. По словам Олега, «сам Никита Михалков» сказал ему: «Твоему, Олег, фильму не хватает одной вещи, а именно – титра: фильм снят на французской студии Gammond». Однако на французский язык фильм был дублирован. И на английский, и на испанский. Свою роль тут сыграло и то, что Руднев к тому времени возглавлял «Советэкспортфильм» – это открывало, наверное, какие-то дополнительные возможности, но на мнение зрителей повлиять не могло. Они, зрители, вполне самостоятельно проголосовали за нас в кинозалах сорока стран. Как уже сказано, через годы оказавшись в Нью-Йорке, я пришел взглянуть на Карнеги-холл, где был показан мой фильм, где Олегу вместе с его Люсей после премьеры достались аплодисменты публики. Как говорится, «и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало». Не хочу и не буду вспоминать все сплетение интриг, окружавших фильм и всячески мешавших ему состояться. Тем более не собираюсь называть конкретные имена. Не победитель тот, кто, победив, не прощает.

Игрок

– Сокол ты, сокол...

Я был потрясен до глубины души при известии о смерти Олега Руднева. Новые времена скосили многих. Жизнь чуть ли не любого и каждого перевернулась вверх дном. Он вряд ли был исключением. На свои беды Олег никогда не жаловался. <...>.

Как-то навестил его на месте службы и я. Поболтали вволю. Руднев не скрывал: приходится туго. Как всегда, Олег часто упоминал имя жены. Был я и у них дома. О сыновьях, как по уговору, молчали. Там была своя трагика. У одного врожденная аномалия, с другим приключилась какая-то беда. Но Олег был, как всегда, улыбочив, полон оптимизма и энергии, в мире с собой и окружающими. Он мастерски умел увести разговор от печальных тем. В номенклатурных кругах это

искусство высоко ценилось. Вернувшись в Ригу, я узнал о смерти его сына. Бог ты мой! В Москве он ничем не выдал своих переживаний. А ведь сыновей Олег любил, на семью только что не молился. Со смертью его самого, я почувствовал, умерла и какая-то часть меня, ибо, хоть плачь, хоть смейся, я во многом человек того, ушедшего времени. Не скажу, что оно было лучше. Боже сохрани! Но признаюсь – то было мое время, «время разбрасывать камни и время собирать камни, время насаждать, и время вырывать посаженное, время рождаться и время умирать». То были годы и дни моих заветных мечтаний, я был полон сил и энергии; Бог испытывал нас этим временем, и мы старались делать все, что могли. И Олег, и я, и Алик, Гунар, Эрик и такие, как Витас Желакавичюс, Раймонд Вабалас в Литве, Толомуш Океев в Киргизии, Эмиль Лотяну в Молдавии, Юрий Ильенко в Украине, и ещё, и ещё. Мы поддерживали друг друга по-братски и в полную силу участвовали в трудной игре под названием жизнь. Мне повезло – один из моих друзей и благожелателей мог многое. Но дело не только в его тогдашних возможностях. Он был истинно художественной натурой. Игрок! Артист! Поцелованный ангелами и отравленный большевиками. Не обделенный умом и талантом, щедрый сердцем. Человек, мнение которого для меня было столь же важно, как суждения Александра Лейманиса, Мариса Рудзитиса, Веры Балюны и Лаймдониса Грасманиса. У Олега я учился тому, как вести себя с сильными мира сего, с партийными боссами и чекистами. Когда-то я смущался, терялся в высоких кабинетах. Дружба с Олегом эти комплексы сняла. При встрече в коридорах киностудии мы обменивались, как положено, приветствиями, но при этом я едва слышно бубнил себе под нос: «Земля, Земля, кто я?» Олег начинал корчиться от смеха, тыкал меня кулаком в плечо и отвечал так же тихо: «Сокол ты, сокол...» не договаривая до конца.

Часто я думал – как бы сложилась моя жизнь, если бы в 1983 году, послушавшись Олега, я перебрался в Москву? Знаю, не смогу убедить, что и сегодня работал бы там в полную силу. Моим преимуществом было то, что я видел и другую сторону событий. Во мне и для меня советское и русское не срослись в одно целое, как мясо с костью. В России трагически не умеют или все еще не хотят отделить одно от другого. Мне же и не надо было этого делать, я человек Европы. В Москве среди моих ровесников царила растерянность; образовалась

свободная ниша, в которой я мог бы свободно действовать, не даром же фильм «Дитя человеческое» весной 1993 года на фестивале «Вторая премьера» в Москве получил Главный и единственный приз «Каменный цветок» – приз зрительских симпатий. В России! Были показаны 40 фильмов, и мой Бонюкс соревновался с самыми выдающимися достижениями бывшего Союза.

Боже избави, я не хочу сказать, что я лучше тех, других режиссеров. Но скажу с уверенностью: я был более, чем они, готов к новым временам. Только и всего.

Так или иначе, кино в России проживет и без меня.

Но в Латвии...

Эх, Олег, сокол ты, сокол!.. Здесь моя Родина, мой песчаный берег...
Роңал?

Роман Тименчик

ЛАТВИЙСКИЕ ТОПОСЫ И ЛОКУСЫ В РУССКОМ СТИХЕ*

...на Ключевой улице, в немецкой Риге...

Осип Манделъштам

Излагая предварительные замечания к изучению повторяющихся черт довольно массивного корпуса русских стихов о Латвии¹, сосредоточимся здесь преимущественно на травелогах, т.е. стихах, принадлежащих авторам залетным².

* С любезного разрешения автора печатается в сокращении по изданию: Роман Тименчик. Ангелы. Люди. Вещи: В ожерелье стихов и друзей. Москва – Иерусалим. Мосты культуры – Гешарим. 2016.

1. Весьма немалое количество стихотворений по теме собрано С.А. Журавлевым в специальных изданиях: Посвящение Латвии: стихи русских поэтов / Сост. С. Журавлев. Рига, 2005; Посвящение городу Риге: стихи русских поэтов / Сост. С. Журавлев. Рига, 2005 и др. Но, конечно, эти подборки по неизбежности далеки от полноты, как можно видеть хотя бы по ряду примеров, цитируемых нами и не отраженных в названных антологиях. См. также стихи Юрия Ревердатто о Вентспилсе, Анны Присмановой о Лиепае, Всеволода Пастухова о Елгаве, Бориса Вейнберга и Маргариты Кюзис-Дьяконовой о Риге: Тименчик Р. Отголоски // Даугава. 1994. № 3. С. 134-140. См. также: Столицы мира в поэзии русской эмиграции / Сост. О.Р.Демидова. СПб., 2011. С. 86-88 (Евгений Шкляр «Вечерняя Рига»; Александр Ли-Перфильев «Плотовшики»; Даниил Ратгауз «В Риге»; Николай Истомин «Как странно: я снова здесь, в Риге»; рижский раздел составлен Б.А. Равдиным).

2. Конечно, как всякая уважающая себя в качестве поэтической темы территория, латвийский край должен иметь и авторов воображаемых травелогов. Возможно, таковые обнаружатся. Надежду на это подают стихи Ильи Сельвинского 1921 года о библиотеке:

*Полюбил я тишину читален.
Прихожу, сажусь себе за книгу
И тихонько изучаю Таллин,
Чтоб затем по очереди Ригу.*

(Сельвинский И. Избранные произведения. Л., 1972. С. 102).

Поэт-автохтон находится в специальных отношениях с языком регионального самоописания, начиная с германизмов и леттонизмов, столь привлекательных для мимоезжих³, включая и топонимы, которые для иногородних входят в иные ассоциативные цепочки. Таков «маленький Париж, / Едва ли стоивший обедни⁴» – Рига, в числе прочих ассоциаций и героиня известного фразеологизма, который сдавали первокурсники филфака: «вместо “его вырвало” говорят он поехал в Ригу (по каламбурному созвучию)⁵», прославленного в старинном куплете о бордо, опорто, мадере и малаге: «Но чего боюсь до смерти – / Ездить в Ригу после них⁶»). Местный автор в отличие от туриста, как правило, ограничен в *licentia poetica* на редактирование реалий – ср. колористический фотошоп у заезжего в 1975 году:

*А ветер легким обручем гонял
по зеркалу – где тень прудов мелькала;
смеркалось... черный лебедь Бастейкална
вплывал, как ночь, в дымящийся канал...⁷*

Манящие маршруты обозначил этот город и в мечтах героини Елены Гуро: «весной башня ни с того, ни с сего напоминала Ригу, и дама мечтала отплыть в иные города» (Записная книжка Е. Гуро / Публ. Е.Г. Левшаковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома 2012. СПб, 2013. С. 420).

3. Вроде такого: «Ласковое слово “Кайя” / – Это по-латышски чайка» (Штейн Б. Сквозняки. Таллин, 1969. С. 59); «И снова утром “Руна Рига”, / И снова я в твоём краю, / И, чтоб не выронить не мига, / Уже с рассветом я встаю» (Рывина Е. Избранная лирика. Л., 1973 С. 121), «Какие там “Перле” и “Юрас”, / Он ночью в атаки ходил» (Львов М. В ресторане “Юрас Перле” // Октябрь. 1968. № 6. С. 85; «Юрас перле» – жемчужина моря), «...тем городам и весям, чьи названия / по-гриновски причудливо звучат. / О Крустпилс, Прейли, Тилтагалс и Цесис!» (Хелемский Я. Ода Прибалтике // Дружба народов. 1965. № 5. С. 79). Крайне смелый леттонизм в русском стихе см., например: «Сосна / (По-латышски – приеде) / Вызванивает в тишине: / “Дай слово, что снова приедешь / Ко мне и к балтийской волне”. /<...>/Так что ж мне ответить приеде, / Роняющей иглы в волну? / “К тебе я, конечно, приеду, / Дай только объехать страну» (Некрасов Г. Стихотворения. Л., 1973. С. 67).

4. Перельмутер В. Прощание с Ригой // Октябрь. 1996. №8. С. 39.

5. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1955. С. 71.

6. Благодушный поэт <sic!>. Из путевого альбома // Стрекоза. 1891. № 34. С. 3; ср.: Тименчик Р. Дядя из Риги, или К анатомии литературной шутки // Даугава. 1995. № 6. С. 136-137.

Автохтон может склоняться к табу на имя места сего – что может свидетельствовать, как представляется, о становлении «городского текста» – см. в стихотворении нашей современницы «Приметы» с дерзко похищенной строкой:

*Шведский камень, тягучая речь,
Запах моря, берег реки.
А по имени страшно наречь:
Все равно что заклатье тоски
Оживить, лишь озвучишь гортань.
Голос чаек брезгливо-гортань.
Черепица старинных домов –
Как чепцы у почтеннейших вдов.
От костела к реке – фонари
Зажжены, но один не горит,
И блестят следы от колес...
То мой город, знакомый до слез⁸.*

Описание смысловой структуры стихов приезжих нуждается не только в анализе увиденного там, куда путешественник заехал, но и образа того пространства, откуда он приехал (иногда ушедшего в пресуппозицию). Так, стихотворение двадцатилетней участницы кружка «Звучащая раковина» Веры Лурье «В Риге», написанное осенью 1921 года, противопоставляет сонный уют европейского захолустья восторгам, вдохновениям, любовям в голодном и терроризованном Петрограде в год смерти Блока и Гумилева⁹:

*Кругом гостиничная мебель.
Картина в раме золотой.*

7. Малков Г. Мера: Стихи, 1960-1988. М., 2003. С. 32; лебеди у Бастионной горки – белые. Этот автор восславил и вкус рижского кофе:

Но прежде – хоть на миг – пускай еще утешат:
Кофейный полумрак и детский профиль твой –
Чуть дар Аравии, с дождем балтийским смешан,
Пригубишь ты из чашки голубой...
(Там же. С. 34).

8. Катишонок Е. Блокнот. Tenaflly (NJ), 2005. С. 31.

9. См.: Иванникова Н.М. В.И. Лурье. Воспоминания о Н. Гумилеве // De visu. 1993. № 6. С. 5-14.

И свет бросает неживой
 Луна с полуночного неба.
 Здесь были люди и ушли.
 Но сердце бьется также ровно
 И только в мыслях образ скован
 Далекой, северной зимой.
 Да я узнала: нет чудесней
 Твоей, Россия, глубины.
 Тяжелые я вижу сны.
 Мне звонкие не снятся песни.
 Обычный бархатный диван
 Усталое сжимает тело,
 И свет луны струится белый
 На недочитанный роман¹⁰.

В свое время пишущий эти строки исходил из того, что подобный «культурный шок» зафиксирован и преображен в навеянном, – весьма вероятно, – эстрадой в Верманском парке¹¹ стихотворении Владислава Ходасевича, сложившемся в Риге в июне 1922 года:

10. Лурье, Вера. Стихотворения / Ed. and with an introduction by Thomas R. Beyer, Jr. Berlin, 1987. С. 62. Ср. монолог повествовательницы в повести Василия Яновского «Преображение»: «От 18-го до 22-го – проходила в деревяшках на босу ногу, простояла в очередях, декламируя Блока; прислушивалась к ружейной пальбе. Может быть, в этом скрывался некий смысл, но я его не видела. В 22-м, потеряв по дороге отца, дорвалась к Риге, где была поражена белым хлебом, королевскими сельдями, шелковыми чулками и тем, что словно – ничего не случилось. Само собой разумеется, что и не для этого, – стоило родиться. <...> Я вынесла достаточно горечи и холода, и совершенно очевидно, что не только для этого болотца я уцелела» (Современные записки. 1933. № 53. С. 130); ср. впечатления 1925 года о Риге: «...этот чистенький, аккуратненький, славный город. Как непохож он на все русские города, хоть и был “под Русью” долгое время» (Кашина-Евреинова А.А. Н.Н. Евреинов в мировом театре. Париж, 1964. С. 21-22). Ср. также письмо Ларисы Рейснер из Риги осенью 1920 года: «Я устала до звона в ушах, до слез от этого города, чужого, живущего в прошлом веке» (Пржиборовская Г. Лариса Рейснер. М., 2008. С. 102).

11. Ср. в «Серо-белой книге» писателя-рижанина Андрея Левкина: «Это самый центр города, парк не очень велик. Но мил и разнообразен – в свое вре-

*Большие флаги над эстрадой,
Сидят пожарные, трубя.
Закрой глаза и падай, падай,
Как навзничь – в самого себя.*

*День, раздраженный трубным ревом,
Небес надвинутую синь
Заворожи единым словом,
Одним движеньем отодвинь.*

*И, закатив глаза под веки,
Движенье крови затая,
Вдохни минувший сумрак некий,
Утробный сумрак бытия.*

*Как всадник на горбах верблюда,
назад в истоме откачнись,*

мя там не поленились высадить деревья самых разных пород, жестянки с их названиями, прикрученные к стволам проволокой, еще сохраняются. В парке постоянно собираются шахматисты, играющие на интерес, среди них имеются типы весьма колоритные, часто используемые местными литераторами в опусах. Еще в парке есть фонтан и так называемая “баранка”: ранее, кажется, ресторанчик, потом – клуб работников автомобильного транспорта. Потом там был видеосалон. Потом вообще все закрыли. Главным же объектом парка является довольно крупная летняя эстрада – большая, вполне еще целая дощатая ракушка. Сидя перед ней, Ходасевич и оказался в чувстве, приведшем к написанию сего стихотворения <...> ощущения себя, как расположенного у себя за спиной, естественное для неопытного человека ощущение перехода к себе, связанное с каким-то вещественным угадыванием: заморозить единым словом – нажать на верную клавишу. Минувший сумрак некий – никакой не сумрак и вовсе не минувший. А просто-напросто сама волна в чистом виде, не облепленная веществом. Проявления которого соотносятся в текстике с трубами, синим звуком. В общем, сближение вещества с музыкой, особенно – с духовой, вполне общее место. Существенно тут и восстановление своей долготы, длительности: родиться в давно минувшее и означает на пафосном человеческом языке простое восстановление собственной протяженности во времени. Стихотворение, собственно, о том, как бывает, когда человек встречается с волной, в которой не находится. То есть – он ее ощутил и весь этот вполне нетривиальный опыт потрачен на само стихотворение. Может быть, неплохое».

*замри – или умри отсюда,
В давно забытое родись.*

*И с обновленною отрадой,
Как бы мираж в пустыне сей,
Увидишь флаги над эстрадой,
Услышишь трубы трубачей.*

Механизм российских литературных путешествий издавна был устроен так, что Рига становилась первой станцией на пути к «стране святых чудес»; и здесь – выдох надежд, гаданий и долго копимых предчувствий. Ходасевич не был в Европе с 1911 года. Полузабытый уют мнился миражом. Заветный четырехстопный ямб завораживал мгновение, останавливал и преображал его. Русский поэт в предбаннике Европы навеки застыл в моментальном снимке. <...>

Стихотворение о больших флагах – как бы фотографический снимок одного мига в рижском парке, сияние синего прибалтийского июня, ритуально умирающее в темной тесноте негатива, чтобы заново восстать «едкой кислотой и проявителем густым» (как сказано в черновике «Соррентийских фотографий»). Замыкаются и размыкаются веки, как шторка аппарата, запечатлевая для фототеки русской словесности раковину знаменосной эстрады. <...> Духовой оркестр, приветствующий новоселье поэта; довольство малым – скудной музыкой начищенной меди; обряд посвящения с ритуальным возвращением в утробное лоно и второе рождение, проявляющее размытые образы мира детства; верблюды и миражи из отроческой экзотики, «замри!» из игры в «море волнуется»; возвращающиеся по кольцу стихотворения фигурки потешных музыкантов на украшенной флагами карусели бытия об пору летнего солнцестояния в пропитанном морским запахом городе»¹².

Моя публикация вызвала полемический отклик в частном письме ко мне одного из лучших толкователей русского символизма Николая Котрелева:

Это столкновение с бессмертной пошлостью, ежевоскресным (и чаще) филармоническим и самодеятельным развлечениям публики

12. Тименчик Р. «Чужой восторг»: Владислав Ходасевич и Латвия // Даугава. 1987. № 2. С. 115-116.

(ср. напр., в воспом. Белого о Пречистенском бульваре или Блока об итал. городах, иные сцены Феллини и т.п.). Отсюда – беги, *ennui de vivre*, но бежать можно только в себя. Начни с глаз и, как улитка вбирай себя в себя (в т.ч. потому, что ты – единственная ценность). Весь мир пожарных, в т.ч. «душный небосвод», заморози – ты поэт «заговоров и заклинаний» (NB: тут ведь нет фото, есть фильм из статически – ты прав – схваченных кадров, резкий монтаж). Нет приветствия рижских пожарных, а есть шарах от них, как от вечно знакомого и мучающего, нет довольства скудными медными.

В игре в смерть (закати глаза – затая) и в волевом усилии (порок, по-моему) – вдохни, как эфир (баловался, кажется, В.Ф.) – нет ритуала: это парарелигиозные эксперименты одиночки, одинокого искателя.

Меня раздражало «сумрак некий» – всегда, но м.б., тут я не знаю источника цитаты.

Сумрак, утроба – верно, начало жизни, но за ним – не детское постижение мира, детской души В.Х. возвратить не умел (да и не хотел, думаю), хотя возвращение может и пробегать призраки детства. Нет, говорящий возвращается к абсолютной точке, к прабытию.

Упражнение продолжается: как всадник – в пустыне сей (тут цитата точная, хотя как стих мне и не нравится: *in hac lacrimarum valle* – в сей юдоли слез) жизни, в истоме – все та же *ennui de vivre*, замри. Умри – упражнение приносит результат, родись в давно забытое (тут есть оттенок знакомства с штейнерством Белого). Но забытое удивление ребенка перед пожарными на эстраде – только частность, главное – омовение в источнике жизни возвращает приятие и низины, устоя жизни с пожарными, и знание, что это – переводная картинка, за которую можно быть и признательным жизни.

Видишь, в конце я и согласился с тобой, вернулся, кажется, к твоему толкованию.

Волей исторических обстоятельств идиллический топос возникал в латвийских локусах неоднократно, то в дореволюционном стихотворении отбывавшего здесь воинскую повинность поэта «из народа» Михаила Артамонова¹³:

*На туманной реке чуть заметно рябит,
В тростнике по реке чья-то крадется тень,
На затоне огонь – это рыбарь не спит,
Это рыбарь поет, починяя бредень.*

*Только плещется сом из глубоких пучин
И кругами рябит, разливаясь, река.
Чуткий шорох ловлю... ни души... я один!
Я, застывши, ловлю грустный стих рыбака.*

*За горою внизу часовой, как гранит,
Оперся на ружье, недвижим, одинок!
Только муть да река бьет о берег, рябит;
Только в мути речной чей-то плещет челнок...*

*Я люблю эту тишь, эту мертвую даль,
Иногда за рекой крик – гусей караван,
В переливах зари речки серую сталь, –
И затон, и челнок, и огни, и туман...*

*Белым пологом ткань, над рекою туман
То редая, клубясь, то сгущаясь в куски,
Вниз по речке, уступам, росистым лугам
Уж потек на восток с обнаженной реки.*

*Лишь на лоне речном гладь заметно рябит.
На востоке огнем загорается день...
Часовой, берегись!.. Чу, тростник шелестит!
Берегись, осмотрись, чья-то крадется тень...¹⁴,*

то в бинокль с другой стороны границы – стихотворение Александра Володина «Воспоминание о сороковом годе» («Наш полк был поднят по тревоге...»):

*...Приказ начать артподготовку
полкам в одиннадцать ноль-ноль.
Отдельный дом с резным флагиштоком,
Лесок с отдельною сосной.*

*И ворошиловская лава,
царица славная полей,
покатит грозно, величаво
за шквалом наших батарей.*

13. См. о нем статью О.Б. Кушлиной: Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 110-111.

14. Артамонов М. Часовой (Из курляндских весенних пейзажей) // Живое слово. 1913. № 17. С. 1.

*Но что такое? В десять тридцать
приказ: огня не открывать,
а мирно перейти границу
и без стрельбы, едрена мать!*

*И перешли ее без боя.
С оркестрами. Парадный строй.
Туда, где дом стоял с резьбой
и лес с отдельною сосной...*

*Из газет мы узнали, что Эстония, Латвия и Литва добровольно
влились в единую семью советских республик¹⁵,*

то в первое послевоенное лето, как в недописанном стихотворении
Веры Инбер «В рижском саду»:

*Там осокорь, посаженный Петром
Любовно обведен оградой,
Он шелестит зеленым серебром
И веет вековой прохладой.
Там шмель (да их тут целая семейка),
С трудом протискивающийся в цветок
И в нем побыв, садится на скамейку
И лапкой вытирает хоботок.
На теннисной оранжевой площадке
В спортивных туфельках...¹⁶*

В известном смысле преодолением идиллического топоса было стихотворение Наума Коржавина «Братское кладбище в Риге», высоко оцененное в 1962 году Анной Ахматовой («теперь становится насто-

15. Володин А. Неуравновешенный век: Стихи. СПб., 1999. С. 42-43.

16. Инбер В. Дневник (РГАЛИ. Ф. 1072. Оп. 1. Ед.хр. 73. Л. 16). См. ее письмо к А.К. Тарасенкову от 7 августа 1945 года: «Рига необыкновенно красива. Я тут начала одно стихотворение. Если допишу – пришлю Вам» (РГАЛИ. Ф. 2587. Оп. 1. Ед.хр. 452. Лл. 10-11). Отдельная тема – стихи Якова Хелемского – о рижском гетто 1944 года (Знамя. 1945. № 4. С. 51-52).

17. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М., 1997. С. 508.

18. Ср.: «Ан<на> Андр<еевна> прочла мне очень сильное и торжественное стихотворение Н. Коржавина о рижском кладбище, где похоронены погибшие за свободу, под разными знаменами, но всегда за свободу Латвии – русский полковник в 1914 году и партизан в 1941» (Глекин Г.В. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой. М., 2011. С. 234).

ящим поэтом»¹⁷), в котором советский читатель мог не заметить и не распознать мстителей-коллаборационистов 1941 года¹⁸;

*Кто на кладбище ходит, как ходят в музеи,
А меня любопытство не гложет – успею.
Что ж я нынче брожу, как по каменной книге,
Между плитами Братского кладбища в Риге?*

*Белых стен и цементных могил панорама.
Матерь-Латвия встала, одетая в мрамор.
Перед нею рядами могильные плиты,
А под этими плитами – те, кто убиты. –
Под знаменами разными, в разные годы,
Но всегда – за нее, и всегда – за свободу.*

*И лежит под плитой русской службы полковник,
Что в шестнадцатом пал без терзаний духовных.
Здесь, под Ригой, где пляжи, где крыши косые,
До сих пор он уверен, что это – Россия.*

*А вокруг все другое – покой и Европа,
Принимает парад генерал лимитрофа.
А пред ним на безмолвном и вечном параде
Спят солдаты, отчизны погибшие ради.
Независимость – вот основная забота.
День свободы – свободы от нашего взлета,
От сиротского лиха, от горькой стихии,
От латышских стрелков, чьи могилы в России,
Что погибли вот так же, за ту же свободу,
От различных врагов и в различные годы.
Ах, глубинные токи, линейные меры,
Невозвратные сроки и жесткие веры!*

*Здесь лежат, представляя различные страны,
Рядом – павший за немцев и два партизана.
Чтим вторых. Кто-то первого чтит, как героя.
Чтит за то, что он встал на защиту покоя.
Чтит за то, что он мстил, – слепо мстил и сурово
В сорок первом за акции сорокового.
Все он – спутал. Но время все спутало тоже.*

*Были разные правды, как плиты, похожи.
Не такие, как он, не смогли разобраться.
Он погиб. Он уместен на кладбище Братском.*

*Тут не смерть. Только жизнь, хоть и кладбище это...
Столько лет длится спор и конца ему нету,
Возражают отчаянно нависшие нависим
По вопросам, давно остроту потерявшим.
К возражениям добавить спешат возраженья.
Не умеют, как мы, обойтись без решенья.*

*Тишина. Спят в рядах разных армий солдаты,
Спорят плиты – где выбиты званья и даты.
Спорят мнение с мнением в каменной книге.
Сгусток времени – Братское кладбище в Риге.*

*Век двадцатый. Всех правд острия ножевые.
Точки зренья, как точки в бою огневые¹⁹.*

Видимо, отправляющийся от этого ходившего в «самиздате» стихотворения и отказывающийся от прислушивания к спору мнений одноименный сонет Владимира Британишского тоже противопоставляет идиллической установке мотив тяжести, который становится предметом автометаописания, т.е. «подчеркнутой в тексте смысловой связи между разными уровнями²⁰», – здесь описываются хориямбы в четвертом, шестом и восьмом стихах сонета:

*Здесь, где за каменной оградой
лежат латышские стрелки,
где тяжелеет угловатый
каменный ямб моей строки,
где снег на солнце золотистый,
синие тени на снегу,
и текст латышский – как латинский:
силюсь прочесть – и не могу,
здесь только имена и даты*

19. Коржавин Н. Времена: Избранное. Frankfurt/Main, 1976. С. 164-165.

20. Тименчик Р. Автометаописание у Ахматовой // Russian Literature. 1975. № 10-11. P. 213.

*понятны мне и что солдаты
двух войн, убитые, лежат,
а туи, будто кипарисы,
торжественно, почти по-римски,
бессмертье мертвых сторожат*²¹.

Среди различных уголков Латвии, попадавших на глаза русских литераторов и поэтов, – «широкая Двина и тихий Аа, похожий на озеро по дороге в Майоренгоф», «Сады. Верманский, Царский, Стрелковый: рестораны, музыка», «дома 15, 16 века, высокие с широкими створчатыми окнами и страшно покатыми крышами из потрескавшейся черепицы» и многое другое в путевом блокноте Иннокентия Анненского²². Старая Рига во время прогулки Константина Бальмонта в марте 1914-го «живописными улицами старинного неведомого города, овеянного историческими воспоминаниями и вольным духом, крепящим воздухом Моря»²³. Дом Черноголовых «в старинной Риге»²⁴ и могила Ивана Коневского в Сигулде, воспетые Валерием Брюсовым²⁵. Башня в Цесисе, весенний дождик в поезде на Валмиеру, пленительные виллы в Лиепеа с ее «товарной душой»²⁶, застрявшие в триолетах Федора Сологуба²⁷ и великолепный тамошний вокзал архитектора Пауля Макса Берчи (1871), куда в 1914 году занесло на три часа Валерия Брюсова:

*И больше никогда тебя я не увижу,
Вокзал либавский – бред банальных украшений!
Барокко блеск, уже не свойственный Парижу,
Флейт и больших цветов расписанные тени.
Ну что ж! тебе равно я буду благодарен
За то, что три часа здесь ведал я томленья,*

21. День поэзии 1980. М., 1980. С.198.

22. См. подробнее: Тименчик Р. Иннокентий Анненский // Родник (Рига). 1988. № 2. С. 15-16.

23. Тименчик Р. Константин Бальмонт// Родник. 1987. № 12. С. 25.

24. Брюсов В. Собр. соч. в 7 тт. Т. 2. М, 1973. С. 136.

25. См.: Парнис А., Тименчик Р. Эпизод из жизни Валерия Брюсова // Даугава. 1983. № 5. С. 113-116; Тименчик Р. Иван Коневской // Родник. 1987. № 10. С. 38; Коневской И. Стихотворения и поэмы / Вступит. статья, подгот. текста и прим. А.В. Лаврова. СПб.; М., 2008. С. 63.

*И свет был надо мной безмерно лучезарен,
Как недоступных дней нездешнего спасенья.*

*За рюмкой скверного либавского портвейна,
Среди чужих людей и прочей жизни дольней
Я слышал вечный ход торжественного Рейна,
Свет видел вдалеке божественного Кельна.*

*Мари! пусть будешь ты грозой мимолетной,
Пусть больше никогда я не увижу в мире, –
В Либаве, здесь, тебя я славлю безотчетно,
Как лучшую мечту на богомольной лире²⁸.*

Это и Рига 1912 года, «где кровли кроет черепица» и «на палках вывески висят» и «мирная Митава», где «замков обветшалых слава» – у Михаила Кузмина²⁹. Места, увиденные на воинской службе Николаем

26. Спустя четыре десятилетия было написано стихотворение «Рынок в Лиенае», возможно, оттолкнувшееся от строк «Страны Муравии»: «И вдруг – среди села – Не то базар, не то погром, – Весёлые дела! Народ гуляет под гармонию, Оглобель – лес густой»: «Лес оглобель над базаром, / Чуждой речи вкус во рту. / Покупаю я задаром / Звуки, запах, пестроту, / Горькую тоску о старом / И растущую мечту. / Вижу, словно небылицу, / Этот город, этот миг, / Кровельную черепицу, / Как страницы редких книг. / Город вдвёл себе в петлицу / Целые пучки гвоздик. / И цветов бушует пламя, / И встает, как из огня, / Яркий рынок в серой раме / Туч и северного дня, / Приготовленной ветрами / По заказу для меня» (Иванов, Вяч. Вс. Стихи разных лет. М., 2005. С. 98). В Лиенае два лета провела Ариадна Эфрон. Она писала Эммануилу Казакевичу в 1960-м: «Тут всё еще напоминает о прошлой войне, хотя на местах, где были дома, разбиты красивые скверы, и в семьях, куда не вернулись мужчины, подросли сыновья... Здесь все всё помнят, чем главным образом и отличаются от русских. На нашей землице что ни посеи – всё вырастет, а на здешней почве туго-туго пробиваются “ростки нового”».

Наша штаб-квартира – в Либаве, занятный тихий городок, похож на немецкий, одних церквей не сосчитать, в воскресенье я сидаю из костела в православный собор, оттуда – к баптистам, оттуда – к староверам, оттуда – обратно к католикам, только вот синагогу взорвали фрицы. Кладбища – изумительные – православное, католическое, просто немецкое и немецко-баронское, а главное – еврейское совершенно поразительное.

Одним словом, как видите, развлекаюсь, как умею. Идешь-идешь по улочке – и вот тебе дом, в котором Петр I останавливался, и всё вокруг – так, как тогда, та же мостовая и тумбы-коновязи, и остальные дома – те же.

Гумилевым в 1916-м, восстанавливаются по армейской документации³⁰. Другой гусар, Николай Тихонов, воевавший в 1917 году в Лифляндии, отлучился из окопов на «Фауста» («В опере в Риге»):

*Надрываясь от страсти нездеишей
Посреди облияных куртин,
В этом бархатном мире безгрешном
Меч картонный вертел Валентин.*

И море. “Приедается всё, лишь тебе не дано примелькаться”...

А сколько же здесь морячков и, соответственно, притончиков и недобитых бардачков! Правда, в некоторых из них вполне мирно и достойно проживают ответственные сов. работники, “сушатся пеленки, жарится пирог” ..., но зато в других всё, как в лучших портовых городах мира – ставни закрыты, а двери гостеприимно распахнуты, а на пороге стоит этакая особа со свалывшимся перманентом и в стоптанных шикарных туфлях времен Ульманиса и орлиным оком озирает окрестности. Кстати, вернее некстати, “порядочные” женщины здесь не курят, и я ежечасно рискую, что меня – меня! какой-нб. недальновидный пограничник примет за б...югу, *par-don!*) (Эфрон А. «Моей зимы снега...»: Воспоминания; Рассказы; Письма; Стихи; Рисунки. М., 2005. С. 590-591; цитаты – из Бориса Пастернака и Веры Инбер). И Илье Эренбургу в 1962-м: «Сидим <...> в Вашем избирательном округе – т.е. в Латвии, где погода переменная, осадки в виде того-сего и т.д. Городок Лиепая (б. Либава), утратив свое прежнее портовое и курортное значение, не стал от этого захолустным или провинциальным, нет – просто ушел в себя; не дай Бог, однако, чтобы вышел из. Каждое утро, отворяя окно в окружающую строгость, стройность и отчужденность, так и тянет задать захаянный современностью вопрос: “Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе”? Впрочем, окраины городка новехонькие, в центре имеется также новехонький разухабистый памятник, на котором, вернее, на постаменте которого железобетонные матрос, рабочий и женщина неопределенных занятий размахивают гранатами, напоминающими пивные бутылки. Так и хочется вызвать наряд милиции. Редкие прохожие стыдливо опускают глаза.

В магазинах дополна тканей, изделий из янтаря и гончарных, редиски, творога, а также дамской обуви местного производства – фасончики все какие-то лоцманские, боцманские, шкиперские; цены – доступные» (Там же. С. 666; цитата из Бориса Пастернака).

27. См.: Тименчик Р. Федор Сологуб // Родник. 1987. № 11. С. 20-23.

28. Брюсов В. Неизданные стихотворения / Ред., предисл. и примеч. А. Тер-Мартirosяна. М., 1935. С. 287.

29. См.: Тименчик Р. Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Даугава. 1984. № 2. С. 113-121.

*И я знал: Валентин отстрадает
Под хлопки очарованных дам,
А меня под дождем ожидает
Мглистый путь по разбитым полям.*

*О, как вспомню улыбки и пенье,
Когда в скользком дыханье болот
Я пройду по ходам сообщенья,
Чтоб послушать, как строг пулемет³¹.*

Площадь Гердера с долготерпеливым титульным бюстом³², умилившая В.В. Розанова на излете позапрошлого века:

Ригу мне показывала одна федосеевка, раскольница местная: – «Пойдемте посмотреть площадь Гердера и памятник Гердера: это у них вроде как бы... – она затруднилась и договорила, – вроде святого». Какое удачное выражение, какое гениальное выражение! Она не знала, что мне известно имя Гердера, как и сама ничего о нем не знала: «лет 200 назад жил». Но она схватила общее отношение города к памяти, лицу, имени человека. <...> Мы пришли на площадь. Она – крошечная, среди огромных зданий. Совсем миниатюрный цветничок. И среди него бедный монумент св<ятого> Гердера³³.

30. Тименчик Р. «Над седою, вспененной Двиной...» // Даугава. 1986. № 8. С. 115-121; Степанов Е. Поэт на войне: Николай Гумилев 1914-1918. М., 2015. С. 228-279.

31. Тихонов Н. Из могилы стола. М., 2005. С. 124. Воевавший в 1917 году в этих краях Н. Тихонов щедро вводил имена мест (Тирельские болота, Бабите и др.) в свои стихи, например:

Ты помнишь все, что с нами было,
Чего забыть уже нельзя:
Наш тесный круг, наш смех открытый,
Немую сладость первых пуль,
И длинный, скучный мост Бабита,
И в душном августе Тируль.

См. подробнее: Дименштейн И. «Я совсем не узнал Ригу» // Вести Сегодня (Рига). 2012. 11 января. См. также разбор стихотворения Н. Тихонова «Рига»: Оксенов И. От походной тетради к стихам об Осетии // Литературный современник. 1935. № 12. С. 185.

32. Черноброва С. Электронная почта. М.; Иерусалим, 2008. С. 14-15.

Европейское средневековье в одном из сравнительно ранних опытов стихового описания города – в сонете Н. Захарова-Мэнского «Старый город», датированном «Рига, 1919»:

*Гранитных, мрачных стен старинные громады,
Крестом угольный дом отмечен на стене...
Средневековье здесь показывают мне
Темнеющие улиц амфилады.*

*Мне кажется о рыцарях баллады
Живут еще здесь в непробудном сне
И грезят о былом, как люди по весне,
Когда Господь возжет свои лампыды.*

*Причудливо повешенный фонарь,
Не загорится вновь, таинственно мерца
И контур рыцаря собой напоминая.*

*Кричавший в ратуше о гильдиях бунтарь
В наш век забыт. Былое покидая,
В двадцатый век бреду, минувшему внимаю³⁴.*

Эти знаки европейского дуновения³⁵ будут притягиваться городским пейзажем в течение последующего полувека, скажем, как в «Снегопаде» Юнны Мориц проникает пар грязевых ванн из околка кардинальского мира в сенсационном тогда «8½»:

*...Над Ригой шумят, шелестят снегопады,
Утопли дороги, недвижны трамваи.
Сидят на перилах чугунной ограды
Я, черная птица, а ты – голубая.*

*В тумане, как в бане из вопля Феллини,
Плывут воспарения ада и рая,
Стирая реалии ликов и линий,
Я – черная птица, а ты – голубая...³⁶*

33. Розанов В. Собр. соч. [Т. 5:]. Около церковных стен. М., 1995. С. 25.

34. Захаров-Мэнский Н. Печали: Стихи, 1918-1921 / Предисл. В.А. Гиляровского. М, 1922. С. 11. О Николае Николаевиче Захарове-Мэнском (1895-1942), приговоренном в 1939-м к пяти годам лагеря по статье 58-10 и там сгинувшем, см.: Тимофеев Л.И., Поспелов Г.Н. Устные мемуары. М., 2003. С. 145; Соболев А.Л. Летейская библиотека. Т. I. М., 2013. С. 125-137.

Из других латвийских городов можно назвать Даугавпилс. Двинской весной 1916 года помечено стихотворение тогдашнего поэтического спутника Игорь-Северянина – Алексея Масаинова, со всеми качествами, отмеченными в сочинениях Масаинова Константином Мочульским – «старомодная «поэтичность», пристрастие к шаблонам красоты, неразборчивость в средствах»³⁷:

*Проходят дни и вновь уходят дни,
Как облака – и в облачном разбеге,
Я снова слышу нежные слова: –
Привет любви, веселию и неге,
Привет весне, когда шумит листва,
Привет стадам, затихшим на ночлеге
И вам привет, вечерние слова,
Неверные, как лунный свет на снеге...³⁸*

Причина веселого, любовного и нежного настроения, вероятно, коренилась в одной из местных «красивых девушек еврейского пле-

35. См. также стихотворение «Ave Maria!», написанное в Риге в 1902 году:

Вечернего солнца
Лучи золотые
В собор пробивались
Сквозь стекла цветные...
Ave Maria!

(Иванов К. Стихотворения. СПб., 1906. С. 272).

36. День поэзии 1966. М., 1966. С. 64. Принадлежность латвийского ландшафта европейскому миру обыграна ходовой мифологемой в стихах Надежды Павлович, взморской дачницы еще с 1910-х:

Цветущий лиловый вереск был соснам в лесу по колено,
И сосны стояли на страже, над ямой бывшего окопа,
А море уже шумело и брызгало в небо пеной —
Хватаясь за бычий загривок, плыла вдалеке Европа.

(Павлович Н. На пороге. М., 1981. С. 102).

37. Мочульский К. Кризис воображения: Статьи; Эссе; Портреты. Томск, 1999. С. 366; об А.А. Масаинове (1889-1971), впоследствии, между прочим, эпизодическом сотруднике рижской газеты «Сегодня», см. (правда, с неточной датой смерти): Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна) / Сост. Р. Тименчик и В. Хазан. СПб., 2006. С. 695-696.

38. Масаинов А. Отходящие корабли: Поэзы. Париж, 1925. С. 51.

мени» как назвал их Брюсов в стихотворении «Еврейским девушкам» 1915 года, где помянул Марию Вульфарт в «задумчивом Тальсене»-Талсы³⁹), и нам даже известно ее имя:

*Она приходила к синему морю, белая, милая и простая.
Синее море гудело покорно, шумело широко и плавно...
Милая девушка, слушай прилежно мудрые волны!
Ты – Афродита, ты – Калипсо, ты – Навзикая,
Вечная сказка, отрада влюбленных – издавна, издавна!
– Ныне зовешься Лиєю ты... Радуйся, милая Лия!
1916 г. Двинск. Весна⁴⁰.*

Примет города у Масаинова нет в отличие от тогда же побывавшего там одесского критика и литературоведа А.И. Дробинского:

*Есть много будничных безликих городов,
Вдруг озаренных Божией грозой:
Отныне имя их незыблемой красую
Горит в венеце рубиновых годов.*

*В годину грозную, кто жил у чутких врат,
На пламенной меже, политой алой кровью,
В очах, привыкших зреть с улыбкой смерть и ад,
Их лик отпечатлен тернистою любовью.
Был город на Двине: тоскливых улиц ряд,
Широких, правильных, но рыночных и пыльных.
Река без островов. Пейзаж равнин и стад.
И монотонный звук заводов лесопильных.
Теперь, – средь алых зорь, в прозрачной вышине,
Жужжа, блестят крылатой медью осы
И тихой жалобой стекло звенит в окне,
Услыша гулких жерл мятеж многоголосый.
Уходит дамба в даль, где к небу храм вознес*

39. См.: Приедитис А. Курземские друзья Брюсова // Даугава. 1986. № 5. С. 113-114; Соболев А.Л. Летейская библиотека. Т. II. М., 2013. С. 70-78; Лавров А. «Санаторная встреча» (Мария Вульфарт в жизни и стихах...) // Радость ждет сокровенного слова... Сб. научных статей в честь проф. Латв ун-та Л.В. Спроге. Рига, 2013. С. 151-157.

40. Масаинов А. Отходящие корабли. С. 20.

*Еще Баторием построенные башни.
За стынущей рекой грядою пышных роз
Зажглись цветы ракет над сном кровавой пашины.
В темнеющий простор гляжу пытливым взором:
В нем отблеск дальних стрельб, как трепет бледных крыл.
Давно уж улицы безглазый мрак покрыл,
Но в небе зоркий луч немым скользит дозором...⁴¹*

Обрывать эту тему, которая, несомненно, захочет продолжений, можно на любом месте. Можно, скажем, тогда и там, когда жарким августом 1965 года стоявшая два-три дня на улице Карла Маркса (Гертрудинской), д. 64, кв. 19 (вход с Авоту-Ключевой) Наталья Горбаневская написала:

*Окраины враждебных городов,
где царствует латиница в афишах,
где готика кривляется на крышах,
где прямо к морю катятся трамваи,
пришелец дальний, воздухом окраин
вдохни хоть раз, и ты уже готов,
и растворен навстречу узким окнам,
и просветлен, подобно крышам мокрым
после дождя, и все твоё лицо
прекрасно, как трамвайное кольцо⁴².*

Впервые: Avoti: Труды по балто-российским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина / Под ред. И. Белобровцевой, А. Меймре и Л. Флейшмана. Stanford, 2012.

41. Одесские новости. 1916. 4 ноября.

42. Горбаневская Н. Побережье. Анн-Арбор, 1973. С. 69. Об истории появления этого стихотворения см. рассказ С. Чернобровой в кн.: Улицкая Л. Поэтка. Книга о памяти: Наталья Горбаневская. М., 2015. С. 168.

Борис Равдин

«СВЕТ НЕЗАКАТНЫЙ»

(Из писем читателей Ивану Бунину)

С 21 апреля по 12 мая 1938 г. И.А.Бунин с лекционными целями совершал турне по прибалтийским странам. В Ригу из Каунаса (тогдашней столицы Литвы) Бунин прибыл 28 апреля, а 29 апреля и 2 мая он выступал в Рижском русском театре. Программа первого вечера: «Встречи с моими современниками», второго – «О любви». Судя по газетным отчетам, на первом вечере Бунин говорил о недавно скончавшемся Ф.Шалапине, о Л.Толстом, между которыми не то читал, не то пересказывал свой недавний очерк об Айседоре Дункан, как будто не слишком идущий к вечеру воспоминаний. Вторая встреча – чтение рассказов «Сын», «Кавказ», «Про обезьяну».

4 мая Бунин, чуть сменив рижскую программу второго вечера, вместо рассказа «Сын» читает в Даугавпилсе (Двинске) рассказ «Ида». Если судить по газетным отчетам, на этом вечере Бунин воспоминаниями не делился, следовал афише, обещавшей слушателям несколько неопределенную тему: «О любви».

Поездка для Бунина была утомительной и в физическом, и в психологическом отношении, о финансовых результатах у нас сведений нет. Но для многих почитателей писателя встреча с ним была и светлой и радостной. Видеть и слышать Бунина было счастьем и для автора публикуемых ниже писем – Нины Онуфриевны Орловой (1894, Полоцк – 1980, Рига) – выпускницы Полоцкого Спасо-Ефросиньевского епархиального женского училища, давней учительницы русского языка в одной из Рижских русских школ. Первое и второе письма Н.Орловой И.Бунину – признание в любви к творчеству недавнего лауреата Нобелевской премии. Третье письмо – в какой-то степени продолжение двух первых, но, кроме того, на правах старого знакомства содержит несколько трепетных и заботливых советов гостю на тему, каким ему следует предстать перед местной публикой: в первую очередь, радетеlem о земле русской, богомольцем. Но (то ли самостоятельно, то ли под давлением антрепренеров) Бунин, изменив своим давним планам (1), осуществил для Латвии программу вечеров, где важное место отводилось не столько любви к Родине, не столько небесам, сколько любви плотской, страстной, что для некоторых бунинских почитателей было неожиданно, странно и даже озорчательно. Нам

неизвестна реакция Н. Орловой на второй вечер любимого писателя, где читались рассказы о любви как наваждении и притча о молодости, но, полагаем, тревога, беспокойство за любимого автора не должны были покидать почитательницу Бунина на протяжении всех минут второго бунинского чтения. Известно лишь из устных воспоминаний о Н. Орловой, что к «Темным аллеям» Бунина отношение у нее было настроенное, как, впрочем, и к игре с чертовщиной в рассказе М. Цветаевой «Черт» (2).

Рижская печать, в целом, приветствовала бунинские вечера. Дошедшие до нас редкие частные отзывы более строги, мол, все известно, читано уже, мол, рассказы Бунина о любви не без налета эротомании.

В 1930-х гг. Н. Орлова, как правило, публиковала свои воспоминания, очерки, корреспонденции в газете «Россия», издававшейся в Нью-Йорке и во львовском журнале «Очаг», при всех переменах сохранила, если не все, то большинство вырезок из этих изданий. Как ни странно, среди этих вырезок нет ее рижских корреспонденций о Буине в Риге. То ли такие письма и не уходили из Риги, то ли в Нью-Йорке и Львове отказывались от таких писем...

Н. О. Орлова вела обширную переписку, которая позднее по разным причинам почти вся была ею сожжена. Бунинская рука, фотографии – уцелели, но ни в архиве И. Бунина, ни в сохранившихся бумагах Н. И. Орловой нет следов возобновления между ними письменных отношений после визита Бунина в Ригу. Да и то сказать: Бунин был в Риге в 1938 г., а спустя год с небольшим началась Вторая мировая война с ее последствиями для Франции, для Латвии, для русской эмиграции. Но бунинские материалы, фотографии писателя Нина Онуфриевна собирала еще долго, даже в эпоху электронного копирования...

В рижских изданиях середины 1930-х гг. есть статья «Жизнь Марии Башкирцевой. 1860-1884» за подписью: Нина Орлова (3). Колеблемся, Нина ли Онуфриевна Орлова – автор статьи? Но открывается статья эпиграфом из Бунина:

*Благоухай, звенящее кадило,
Дыханием рубиновых огней –*

и наши сомнения отпадают.

Сохранились дневники Н. О. Орловой за 1975-1980 гг. На их страницах то и дело мелькает имя Бунина, строчка-другая из его стихотворений.

Сформировавшиеся в России второй половине XIX века взаимоотношения между читателем и писателем еще долго продолжали сохранять свой «формат» и запах, несмотря на исторические пертурбации, катаклизмы и т.п.

Публикуемые ниже письма Н.Орловой И.Бунину находятся в Leeds Russian Archive (Великобритания), печатаются по современной орфографии с сохранением некоторых особенностей орфографии «старой». Записка И.А.Бунина хранится в копии у наследников Н.Орловой.

Подробнее о Бунине в Риге см.: Перов А.К. Бунин в Риге (Из воспоминаний журналиста). Публ. и вступ. заметка С.Г.Исакова [и Л.С.Флейшмана] // Труды по русской и славянской филологии. XXIV. Литературоведение. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту. 1975. Вып. 358. С. 355-371. По условиям советской эпохи, в связи с эмиграцией Л.Флейшмана редакция «Трудов» была вынуждена опустить имя одного из публикаторов. Последнее свидание. Материалы о посещении И.А.Буниным Прибалтийских государств в 1938 году. Сост. Шумаков Ю.Д. [Таллинн.] «Русская энциклопедия». 1992; Вечера И.А.Бунина в Балтийских странах в 1938 году / Бунинский сборник. В год 50-тилетия со дня кончины писателя. Сост. Журавлев С.Р. Улей. 2003; Бакунцев А.В. И.А. Бунин в Прибалтике. Литературное турне 1938 года. М. Дом русского зарубежья им. А.Солженицына. 2012; Фейгмане Т. Нина Орлова // Русские Латвии (<http://www.russkije.lv/ru/lib/read/n-orlova.html?source=persons>); Савина Е. (Тарту.) Выступления Бунина в Прибалтике. Сбывшиеся и несбывшиеся надежды // (http://www.ruthenia.ru/rus_fil/xxv/Savina.pdf).

* * *

Рига. 23.IV.34 Dartas, 52

Глубокочитимый Иван Алексеевич!

Мне не раз уже хотелось написать Вам до и после Вашего торжества (4), но все не решалась, слишком смело это и необычно, да и не заметили бы Вы моего письма в те дни, когда Вас засыпали приветствиями. Теперь же у меня большие надежды, что Вы сами прочитаете мое письмо и узнаете, как Вас читают и любят в Риге.

Я живу в обстановке однообразной и скучной. Работаю в русской городской школе. Радость и праздники у нас редки. Таким светлым праздником и огромной радостью были для нас дни Ваших торжеств. Больше всего на свете я люблю хорошия книги. Каждое слово Ваших

прекрасных книг трогает, волнует, говорит о незабываемом, родном. Ваши книги я знаю и люблю давно. На Родине у меня были все Ваши книги, изданные до 1915 г., в памятных желтых обложках с мелким растительным узором. Из них я могла увезти только одну – рассказы 1892-1902, «Перевал» и стихи. Здесь уже они переплетены и хранятся бережно.

В школе у нас есть табло, где собраны все бывшие в печати Ваши снимки и автограф «Звезда над океаном (5). Школьники учат Ваши стихи. Мальчики любят «Олень» – «Густой зеленый ельник у дороги...». Девочки – «Слово» и «Хризантемы» – «На окне, серебряном от инея...».

Я хочу выразить Вам свою глубокую благодарность за светлые минуты радости, которую дают мне Ваши книги. Это не только радость, это минуты возвышенного счастья, от которого выступают слезы и щемит сердце. «Роза Иерихона» – я плакала над нею. «Веселый двор» перечитываю с болью и слезами, как по Родине. Но и в слезах этих есть какая-то горькая радость. Близко и дорого все, что Вы так хорошо помните. Ваши стихи так прекрасны, что я перечитываю их в свои лучшие вечерние часы и сижу потом долго с закрытыми глазами, прислушиваясь к их мелодии, которая отдается в сердце.

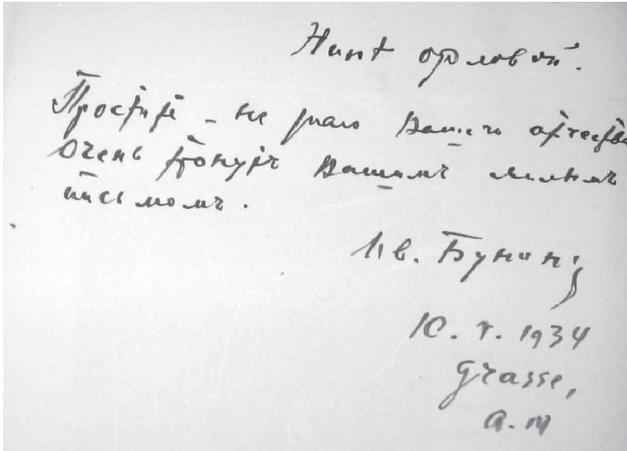
Дороже всего – «Жизнь Арсеньева». Нет у меня слов, чтобы выказать, что такое для меня эта книга. Сколько я провела над нею вечеров, перечитывая, думая, боля и радуясь, опять переживая прелесть, грусть и одиночество собственной юности. Ни одна книга не может быть более дорогой и понятной. В ней свет незакатный нашей жизни в России.

Конечно, просьба моя и надежда слишком смелая, но каким бы светом в моей жизни нынешней было бы получение одной из Ваших книг с Вашей надписью.

Примите мой низкий поклон и благодарность. Привет Вашей супруге – мы любовались ея портретами в нашем журнале (6).

Преданная Вам Нина Орлова.

На письме Н.Орловой от 23 апреля 1934 г. помета рукой Бунина: «Послал „Избранные» стихи».

2

На сборнике «Избранные стихи» (Париж. Современные записки. 1929), надпись: Нине Орловой.

Простите, не знаю Вашего отчества. Очень тронут Вашим милым письмом.

Ив. Бунин

10.V.1934
 Grasse, a. m.

Сборник с дарственной надписью И.Бунина в настоящее время находится в собрании В.Цветкова (Рига).

3

В ответ:

Ивану Алексеевичу Бунину.

Для меня Ваши книги – необходимое дополнение жизни. Сила и выразительность Вашего искусства необычайны. Красота слова, образов и формы – дает мне чувство полноты и счастья. Я только одна из тех многих, до чьего сердца с давних пор доходит каждое Ваше слово.

Благодарная Вам Н. Орлова.
 20. V. 34.

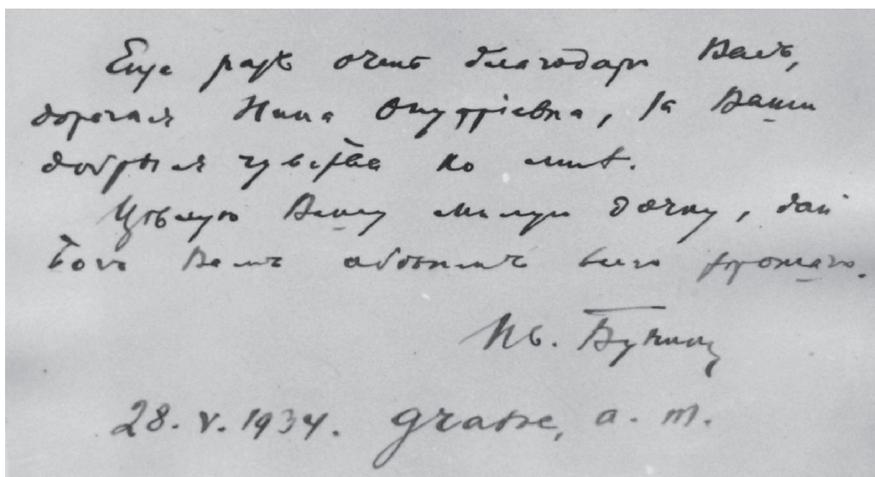
В приложении к записке фотография Н. Орловой с дочерью Олей (7).
[Рига. 1934 г.]

4

Как и положено, в ответ на присланную фотографию следует бунинская (известная, 1925 г.) фотография-открытка с надписью на развороте (обороте?): «Еще раз очень благодарю Вас, дорогая Нина Онуфриевна, за Ваши добрые чувства ко мне.

Целую Вашу милую дочку, дай Бог Вам обеим всего хорошего.

28.V.1934. Grasse, a.m.».

5

Письменные отношения возобновились весной 1938 г.

Рига.

[30. IV.1938.] (8).

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич!

Приветствую Вас в Риге, наконец, Вы здесь! Какая радость видеть и слышать Вас! Вчера я смотрела и слушала Вас с наслаждением. Оля тоже просилась в Драму и выразила желание за недостатком места стоять хоть на одной ножке, только бы послушать, что Вы будете говорить.

Хоть на это надежды очень мало, но может быть Вы все же доставите нам счастье видеть Вас у себя. Мы живем с Олей вдвоем только, у нас маленькая квартира за Двиной, в 10 мин<утах> езды

от Вашей гостиницы. Завтра, в воскресенье, мы придем за Вами (9), если согласны, то привезем Вас к себе.

Боюсь все же, что Ваше окружение не допустит нас. У Вас так много теперь спутников и приглашений. Я свободна от занятий с 3 час<ов>. Может быть Вы пожелаете осмотреть нашу школу? Убогая школа, тесная (10), но 11 классов, 300 учеников, все русские дети.

Если не удастся застать Вас и не суждено мне встретиться с Вами, все же я попрошу Вас кое о чем. Прежде всего, если Вас пригласят в единственную здесь русскую гимназию (11), дайте молодежи светлое, на всю жизнь памятное впечатление, прочитайте из Ваших старых рассказов «В Святую ночь» (12), «Сосны», «Скит» или эту чудесную поэму «Листопад». То же самое в Двинске. Там слушать Вас будут мещане-староверы, это 4/5 тамошнего населения. Подойти к ним можно только с помощью Ваших художественных картин старой русской жизни, природы и чувства.

Но никак не с Айседорой Дункан, здесь знают ее книгу, (13) и имя ее для массы отвратно. Грустно мне, что не услышу Вашего чтения [в Двинске]. В понедельник буду на втором Вашем выступлении.

Передо мной Ваши книги. Три – моя собственность, четыре – довоенные рассказы, взятые из школьной библиотеки. Мои любимые стихи – Ваш «Дар» (14). Перечитываю их постоянно.

На всякий случай прилагаю конверт с адресом. Может быть, Вы захотите мне написать. Не смогу ли я чем-нибудь быть Вам полезной? Когда из Двинска Вы возвратитесь в Ригу, может быть, тогда Вы будете свободней и сможете позвать меня. Я приеду в указанный час.

В Печерах были огорчены, получив Ваш отказ там выступить. Но все же в Эстонию Вы поедете. Все, что описывал Вам Зуров (15), Вы увидите в Печерском монастыре. Это святой остров, отколовшийся от России.

Запомните это имя: Мудров Николай Иванович (16). Он мой старый друг, печерский житель, служит в тамошнем кредитном товариществе, строил Народный Дом, большой деятель в области народного просвещения, сам из местных крестьян.

Н.И.Мудров счастлив будет принять Вас у себя в новом светлом домике и познакомить с печерской общественностью и местным крестьянством. Давно Вы не видели русской провинции. Простор там

и тишина. Народ простой, но мыслящий, пытливый и отзывчивый. Как хорошо, что Вы приехали весной. Холмы, поля и дали, самый запах пашни напомнит Вам Родину и юность Вашу.

Поезжайте в Печеры и повидайте Мудрова!

Вот я и побеседовала с Вами, как три года тому назад. Но все же я хочу, чтобы Вы и у нас побывали и приласкали мою Олю. Выросла она за эти годы.

Будьте здоровы и благополучны, дорогой Иван Алексеевич.

Ваша Нина Орлова

(Нина Онуфриевна)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. о программе предстоящего турне И.Бунина по сведениям рижской газеты на конец декабря 1937 г.: «Толстой как писатель и философ» и «Мои встречи со знаменитыми людьми» (Толстой, Горький, Дорошевич, Сологуб, Леонид Андреев и др.) – Зритель. Русский театр успешно заканчивает первую половину сезона // Сегодня вечером. 1937. № 302. 31 дек.

2. См.: Орлова Нина. Современные записки. Книга 59-я // Для Вас. 1935. № 52. 21.12. С.2-3.

3. См.: Сегодня вечером. 1935. № 49; Для Вас. 1935. № 49. С.3.

4. Имеется в виду присуждение И.Бунину Нобелевской премии – осень 1933.

5. В архиве Н.Орловой сохранилась фотокопия автографа этого стихотворения, более известного по первой строчке: «Звезда дрожит среди вселенной...». Вероятно, этот автограф – из тиражировавшихся в печати.

6. Жена Бунина – В.Н.Муромцева-Бунина (1881-1961). В архиве Н.Орловой сохранилась поздняя фотография В.Н.Муромцевой-Буниной.

7. Дочь Н.Орловой – Ольга Николаевна (в замужестве Клявнина; род. 22.12.1925 г. Печеры) – пианистка, преподаватель музыки.

8. На нашей ксерокопии письма дата обрезана. Восстановлена по содержанию письма.

9. По рассказу (2017 г.) дочери Н.Орловой, они с мамой пришли к И.Бунину в гостиницу «De Rome» днем, были там недолго. Бунин собирался куда-то уходить. Он спустился к ним в вестибюль, поздоровался с Н.Орловой, подал руку и дочери, запомнившей: «рука была мягкая, как рука пожилых людей». О дочери Орловой Бунин заметил – «кроткие глазки».

10. 9-я Рижская русская основная школа (ул. Маза Нометню, 14).

11. И.Бунин не встречался с учениками и учителями Рижской русской правительственной школы (гимназии); ранее, в 1936 г., в этой школе побывал И.Шмелев.

12. Вероятно, имеется в виду рассказ «На чужой стороне» (1893 г.).

13. Айседора Дункан (1877-1927) – танцовщица. Ее книга воспоминаний «My life» в переводе на русский язык вышла в Риге в 1928 г. Посвященный А.Дункан очерк Бунина «Босоножка» был опубликован в журнале «Иллюстрированная Россия» (Париж. 1936. № 23).

14. Вероятно, речь идет о стихотворении: «Слово» («Молчат гробницы, мумии и кости...»).

15. Зуров Леонид Федорович (1902-1971) – писатель, археолог-любитель, занимался псковскими древностями.

16. Мудров Николай Иванович (1897-1943), в 1941 г. был депортирован из Эстонии, осужден по ст. 58 УК РСФСР, скончался в заключении.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статьи Н.О.Орловой были собраны ею в две самодельные папки, наклеены на полукартон. Как правило, они лишены даты публикации, ни одна из статей – не помечена местом публикации. Выше мы говорили, что большая часть статей Н.Орловой была опубликована в газете «Россия» (Нью-Йорк) и журнале «Очаг» (Львов)... В нижеследующем перечне статей мы сохранили первоначальный порядок их расположения в альбомах. Предположительные место издания и датировка взяты нами в квадратные скобки.

1. Орлова Н. (Рига). Псково-Печерский монастырь // «Россия». 1934. 2 дек.

2. Орлова Н. (От нашего корреспондента.) На полях, политых русской кровью.

Письма из Латвии // [«Россия»? «Очаг»?] 1935. 6 сент.

3. Орлова Н. (От нашего Рижского корреспондента.) Маленький Кутепов // «Россия». [1934-1935.]

4. Орлова Н. Маленький Кутепов. Письмо из Риги // «Россия». [1934-1935.]

5. Орлова Н. (Рига.) Леночка Донская. История маленькой беженки // [«Россия»? «Очаг»?] 1936. 7 янв.

6. Орлова Н. Совесть и проблема компромисса. Лекция проф. И.А.Ильина в Доме Черноголовых // [«Россия»? «Очаг»? 1935. Конец октября-ноябрь.]

7. Орлова Н. Русский язык в Прибалтике. <Каунас. Конференция по проблемам культурного сближения стран Прибалтики> // [«Россия»? «Очаг»? 1936. Ноябрь?]

8. Орлова Н. О Карпатской Руси // [«Очаг»? 1935-1936?]

9. Рижанин. Молодой художник А.Юпатов. [«Россия»? «Очаг»? 1936. Апрель?]

10. Н.Орлова Н. (Рига.) Забытый курган <на острове Луцавсала>. Письмо из Риги // [«Россия»? «Очаг»? 1935? 1936?]

11. Б/а. Художественная выставка в Риге <В т.ч. с участием Н.П.Богданов-Бельского> // [«Россия»? «Очаг»? 1935-1936? Весна.]

12. Орлова Н. Академик Н.П.Богданов-Бельский. К 50-летию его художественной деятельности // [«Россия»? «Очаг»? 1936. Зима.]

13. Н.О. Правдивая книга. Рец. на: Б.Л.Седерхольм. В разбойном стане. (Три года в стране концессий и Чеки.) Рига. [1934.] // [«Россия»? «Очаг»? 1935.]

14. Орлова Н. В сказочной стране. Переживания и мечты во время путешествия. Кнут Гамсун. Перевод Благовещенской. 1900 год // «Для Вас». Рига. 1935. № 50. 12 июля. С.3.

15. Орлова Н. Башкирцева Мария. 1860-1884 // [«Очаг»?1935.]

16. Н.О. Светлейший князь А.П.Ливен // [«Россия»? «Очаг»? 1937. Апрель.]

17. Галицкая Н. Книжный прилавок перед Рождеством. О книгах для детей и юношества // «Для Вас». 1935. № 52. 21 дек. С. 11.

18. Рижанин. Н.В.Плевицкая в Риге // [«Россия»? «Очаг»? 1936. Июнь.]

19. Галицкая Н. Дорогие памятки // [«Россия»? «Очаг»? Середина 1930-х гг.?] <О коллекции безымянного собирателя, по описанию автора – старого холостяка, обитателя неназванного города (Рига?). В статье дано описание разных предметов, некогда принадлежавших семье имп. Николая II и его окружению. Напр.: «Овальный медальон в золоченой рамке – императрица Александра Федоровна в бытность невестой <...> жемчужные нити на шее и в прическе. Большой портрет Императора Николая 2-го в домашней тужурке за письменным столом <...> Портрет Имп. Александры Федоровны с грустными тревожными глазами. На коленях ее, тесно прижатый к груди, маленький царевич Алексей в солдатской форме, рослый крупный мальчик на фоне зеленого сада – царевич Алексей в последний год жизни. Царевны – сестры, юные прекрасные в белых придворных туалетах. <...> Фотографическая группа, снятая по какому-то случаю за границей в начале девяностых годов. В центре крупная фигура Императора Александра 3-го, рядом Наследник Цесаревич и юные великие князья Михаил и Георгий в матросских костюмах. <...> Два богатых сафьяновых альбома интимных снимков Царской Семьи. Часть снимков сделана во время плавания на «Штандарте». <...> Большая половина снимков сделана в Ливадии. <...> В красной кожаной рамочке под стеклом потускневший, бледный, профильный, очень давний портрет Государыни, очень молодой, с низкой прической, в белом открытом платье. <...> Ее подпись [на портрете] по-английски: «Александра». <...> Зеленой кожи миниатюрный складень. <...> Внутри, на левой половине под стеклом, снимок-силуэт. Мрачная фигура в поддевке, в сапогах. Стоит как бы на ветру, ветер раздувает волосы и бороду [Распутин? – Б.Р.]. На правой половине складня <...> миниатюрное изображение акварелью. Богоматерь с заплаканным ликом, с мечом, пронзающим ее сердце. На обороте изображения славянской вязью выведено пером: “Душу ея пройдет оружие”. <...> Плоская белая, обтянутая муаром коробка. <...> На шелковой подкладке внутри золотое клеймо «Фаберже» и рукой Императрицы карандашная надпись: «Алексею Н.». Небольшая (20 см.) репродукция Мурильо «Иоанн Креститель с агнцем», [на обороте рукой императрицы] текст Рождественского тропаря и внизу приписка: “Моему дорогому мальчику. Твоя старая мама. Тобольск. Елка. 1917”». И др.

В статье отмечено, что указанные выше предметы некогда находились при царской семье в Тобольске, затем новыми властями переправлены в Москву, где

были отброшены, как не имеющие ценности, и подобраны неизвестным лицом. Вторая часть коллекции, как утверждается в статье, – из бумаг императрицы Марии Федоровны, доставленных туда же, в Москву, из Аничкова дворца. Хранитель коллекции в свое время известил вл. кн. Ксению Александровну о готовности вернуть коллекцию по назначению. Не получив ответа на свое предложение, он составил завещание, в котором поручил «свои сокровища государственному хранению». Название государства-наследника в статье опущено.

В 1936 г. на аукционе в Нью-Йорке была выставлена знаменитая коллекция марок из собрания Николая II (См. об этом: Анри Гри. Странная история коллекции марок Николая II, попавшей из Тобольска через Ригу – в Нью-Йорк // Сегодня. Рига. 1936. № 143. 24 апр. С.3). Возможно, эта коллекция марок из того же рижского источника.

20. Галицкая Н. Из прошлого. <Из жизни Полоцка. Воспоминания.> // [«Россия»? «Очаг»? 1935?]

21. Орлова Нина (Рига). Современные записки. Книга 59-я // «Для Вас». 1935. № 52. 21 дек. С.2-3.

22. Б/а. (От собственного корреспондента.) Жизнь в Риге <Церковная жизнь в Латвии.> // [«Россия»? «Очаг»? 1936. Апрель.]

23. Орлова Н. Четверть века назад. Записки учительницы. [Ч.1-3.] <Галиция.> // [«Россия»? «Очаг»?] 14 июля [1936?].

24. Орлова Н. Ценная книга. Протопресвитер Т.Теодорович. К сорокалетию пастырства 1895. Варшава. Синодальная типография. 1935 // [«Россия»? «Очаг»? 1936.]

25. Орлова Н. Маленький Кутепов. Очерк 3-й // [«Россия». 1936. Август.]

26. Орлова Н. (Рига. 1936, сентябрь.) Среди журналов <«Современные записки». № 60.> // [Б.м. 1936.]

27. Полоцкая Н. (Август 1936.) Сынку моему. (Стихотворение в прозе.) Быль // [«Очаг»? 1936.]

20. Орлова Н. (Рига. 1936.) Детская мозаика // [«Очаг»? 1936.]

21. Орлова Н. (Рига.) Печерская владычица в Риге. // 1937 // [«Россия»? «Очаг»? Январь-февраль.]

22. Орлова Н. Святыни на прилавке. <Антикварная торговля иконами в Риге. Коллекция икон покойного рижского собирателя и антиквара В.А.Каульбарса (Ум. в 1936 г.)> // [«Россия»? 1936-1937?] О рижских коллекционерах см. еще прим. 19.

23. Орлова Н. (Рига. Январь 1937.) Рец. на кн.: Берберова Н. Чайковский. История одинокой жизни. Берлин. Петрополис. 1936 // [«Россия»? «Очаг»? 1937.]

24. Орлова Н. (Рига. 1937.) Рец. на кн.: Лукаш И. Мусоргский. Возрождение. 1936 // [«Россия»? «Очаг»? 1937.]

25. Н.О. (От нашего корреспондента.) Пушкинские дни в Латвии. Письмо из Латвии // [«Россия»? «Очаг»? 1937.]

26. Орлова Н. (Рига. 1937.) А.С.Пушкин как публицист и критик // [«Россия»? «Очаг»? 1937.]

27. Орлова Нина. (Рига. 1936.) Анна Каренина. Прекрасная Дама русской литературы. (Ее портреты по Л.Толстому.) // [«Очаг»? 1936-1937.]
28. Орлова Н. (Рига.) Из записной книжки учительницы. 1923-1924 // [«Россия»? «Очаг»? 1937?]
29. Орлова Н. (Рига.) Печерская владычица в Риге. // 1937 // [«Россия»? «Очаг»? Январь-февраль.]
30. Орлова Н. Святые на прилавке. <Антикварная торговля иконами в Риге. Коллекция икон покойного рижского собирателя и антиквара В.А.Каульбарса (Ум. в 1936 г.)> // [«Россия»? 1936-1937?] О рижских коллекционерах см. еще прим. 19.
31. Орлова Н. (Рига. Январь 1937.) Рец. на кн.: Берберова Н. Чайковский. История одинокой жизни. Берлин. Петрополис. 1936 // [«Россия»? «Очаг»? 1937.]
32. Орлова Н. (Рига. 1937.) Рец. на кн.: Лукаш И. Мусоргский. Возрождение. 1936 // [«Россия»? «Очаг»? 1937.]
33. Орлова Н.О. (От нашего корреспондента.) Пушкинские дни в Латвии. Письмо из Латвии // [«Россия»? «Очаг»? 1937.]
34. Орлова Н. (Рига. 1937.) А.С.Пушкин как публицист и критик // [«Россия»? «Очаг»? 1937.]
35. Орлова Нина. (Рига. 1936.) Анна Каренина. Прекрасная Дама русской литературы. (Ее портреты по Л.Толстому.) // [«Очаг»? 1936-1937.]
36. Орлова Н. (Рига.) Из записной книжки учительницы. 1923-1924 // [«Россия»? «Очаг»? 1937?]
37. Орлова Н. (Рига. 1937.) Лак и золото. Пасхальный рассказ // [«Очаг»? 1937.]
37. Орлова Н. (Рига.) Л.А.Чарская. 1857-1937 // [«Очаг»?] 1937. 21 авг.
38. Орлова Н. (Рига.) Среди книг и вещей. Старая Рига // [«Россия»? «Очаг»?] 1937. 22 авг.
39. Орлова Н. Из прошлого. <Галиция.> // [«Очаг»? 1937?]
41. Орлова Н. В родном краю. Очерк. <Печеры.> // [«Россия»? «Очаг»? 1937?]

Благодарим Р.Дэвиса и Р.Тименчика за содействие в публикации писем Н.Орловой.

Н. Петренко

К БИОГРАФИИ МИНИСТРА-ПРЕЗИДЕНТА ЛАТВИИ К.УЛЬМАНИСА (1940-1941 гг.)

В трагических для Латвии событиях лета 1940 г. бывший премьер-министр и президент Латвии Карлис Ульманис 22 июля 1940 года в административном порядке был депортирован в г. Ворошиловск (Ставрополь) Орджоникидзевского края. Спустя почти год, в июле 1941 года, в связи с начавшейся войной между СССР и Германией, К.Ульманис был арестован и ему было предъявлено обвинение в анти-советской деятельности. Позднее, в середине 1942 г., он был перемещен в тюрьму г. Красноводска (ныне – Туркменбаши) в Туркмении, где 20 сентября 1942 года скончался в тюремной больнице в возрасте 65 лет, еще до завершения следствия. Реабилитирован в 1991 г.

За месяц с небольшим до начала войны, еще находясь в положении ссыльного, К.Ульманис рутинным порядком отправил в Латвию письмо, о чем см. ниже:

Информационный отдел ЦК КП(б) Л<атвии>

Бауский уком КП(б)Л сообщает, что 21 мая 1941 года редакцией Бауской редакции «Коммунар» получено письмо от бывшего президента Латвии Ульманиса К.Я (1), в котором он просит редакцию высылать ему регулярно газету «Комунар»[!] по следующему адресу: Ордусеникидзовский[!] край, гор<од> Ворошиловск, ул. Молотова № 271.

(В письме[!] было вложено почтовых марок на сумму два руб<ля>) – подписная сумма на два месяца.)

Политинформатор укома КП(б) Л.

Чарт /член ВКП(б) с 1918 г./

21. V.41 (2).

Чем могла привлечь, привлекла внимание К.Ульманиса газета Бауского уездного комитета Коммунистической партии (большевиков) Латвии «Комунарс»? Скорее всего, тем, что выходила она поблизости от тех мест, где когда-то родился б. президент – в районе Добеле (там на 1941 г. своей газеты не было), по соседству с Бауском.

«Комунарс» выходил с 1 мая 1941 г. по 20 июня того же года.

Сведениями о том, получил ли К.Ульманис хоть один номер этой газеты, мы не располагаем. Этому могла помешать как война, так и

административное согласование периферии (Бауск) и центра (Рига? Москва?).

Почта, связь с волей всегда занимают важное место в жизни почти любого узника, в том числе и заключенных высокого ранга. (Опыт «крытки» у К.Ульманиса был – в 1905-1906 гг. он провел около полугода в тюрьме во Пскове.) Известно, что с середины августа 1940 г. и почти по самый конец января 1941 г. б. министр-президент Латвии отправил законным путем в родные края более 60 писем и открыток своим родным, близким, врачу, б. государственным служащим и т.д. (3). Определенное место в его письмах занимали просьбы, аналогичные высказанной в приведенном выше документе. Так, 7 февраля 1941 г. в обращении в Народный комиссариат сельского хозяйства Латвии К.Ульманис просил выслать ему газету «Darba Zemnieks» («Трудовой крестьянин») за январь и февраль 1941 г. В оплату в конверт были вложены почтовые марки на сумму 3 руб. (4).

Далеко не всегда б. премьер-министр Латвии получал ответы на свои письма, поскольку ответная корреспонденция могла задерживаться цензурой; одни адресаты опасались отвечать, другие на момент получения письма сами находились под арестом. На почте в Ворошиловске был у б. президента свой почтовый ящик – № 22 (5). Наверняка, он отправлялся на почту каждое утро, отпирали дверцу своего почтового ящика, пробегал содержимое, укладывал в портфель...

Относительно обширная корреспонденция требовали письменных принадлежностей. Привыкший к хорошей бумаге и конвертам, ссыльный обращался 24 апреля 1941 г. в один из рижских канцелярских магазинов (перевод с латышского):

13 февраля сего года я писал Вам и просил прислать мне некоторые письменные принадлежности. Но мое письмо осталось безответным – нет ни посылки, ни какого-либо объяснения.

Я повторяю письмо от 13.4.41, одновременно повторяется и заказ <...>:

«Имея честь обратиться к Вам, прилагаю на 7.50 руб. (семь руб. пятьдесят коп.) почтовых марок, с просьбой прислать мне следующие почтовые принадлежности:

25 конвертов обычного размера, лучших,

25 конвертов канцелярского формата, лучших,

2 – один большой и один средний блок писчей бумаги, в линейку или в клеточку,

4 – тетради для записей (блокнот), в черной обложке, в линейку или в клеточку, какими пользуются в вузах,

4-6 блокнотов для записей, среднего и сверхсреднего размера,

2 рулона промокательной бумаги, можно нарезанной;

У меня нет представления о нынешних ценах, поэтому, если приложенных денег недостаточно, нельзя ли недостачу оплатить налоговым платежом или доверить мне отправку денег по получении.

Скорое исполнение этого заказа здесь, на чужбине, меня очень обрадует, и я буду Вам очень признателен».

/Подпись/

На сей раз прошу Вас не оставить меня без какого-либо отклика. Прилагаю тридцатикопеечную марку для ответа.

С уважением К.Улманис.

Мой адрес [далее по-русски]: гор. Ворошиловск, Орджоникидзевского Края, Ул. Молотова, 271 Ульманис К.И. (6).

На наш взгляд, помимо прочего, письмо это говорит и о том, что его отправитель никак не мог расстаться со своими прежними представлениями о языковых и стилистических нормах переписки.

В ссылке К.Ульманис обладал правом заказывать и получать книги из книжных магазинов (в т.ч. и из Латвии), пользоваться услугами «Книги-почтой». В итоге в Ворошиловске у него скопилась небольшая библиотечка.

8 октября 1941 г. он просит доставить ему в тюрьму из его съемной квартиры довольно большой список книг, в т.ч. – Добролюбова, Писарева, книги Н.Островского «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», английское издание «Гражданской войны в США» К.Маркса (7).

На каком языке были книги русских авторов? «Как закалялась сталь» могла быть и на латышском, 1941 г. издания; тогда же на латышском языке вышла глава «Гудок» из романа «Рожденные бурей». С книгами Добролюбова, Писарева приходилось знакомиться на русском языке, изданий на латышском языке этих авторов к концу 1941 г. еще не было. Что бывший президент Латвии хотел узнать, понять через эти книги?

С целью расширения своих знаний русского языка заключенный К.Ульманис в феврале 1942 г. заявлял о необходимости ему грамматики русского языка и орфографического словаря (надо полагать, русского языка) (8).

20 февраля 1942 г. он известил администрацию тюрьмы о своем желании приобрести Конституцию СССР, Устав и программу ВКП(б) (9)... Странное желание?

Конечно, это не весь список интересующих К.Ульманиса книг. В нем и литература по философии, истории, воспоминания Бисмарка (10), Шекспир... Из русской литературы К. Ульманиса в ссылке и в заключении привлекли внимание: «Война и мир» Л.Толстого, «Петр Первый» А.Толстого, книги Горького, Тургенева, Гончарова и др. (11). В «русском списке», полагаем, в большинстве случаев речь может идти об изданиях на русском языке, хотя все эти книги существовали и на латышском.

Доставлялись ли ему запрошенные издания, сведений, к сожалению, нет... Но какие-то книги у К.Ульманиса в камере были, о чем свидетельствует следующее прошение от 1 февр. 1942 г. в тюремную администрацию от заключенного камеры № 34 (обратный перевод с латышского):

«Прошу Вашего разрешения на получение в камере бумаги, ручки или карандаша с целью получения возможности делать пометы и выписки в процессе чтения <...>» (12).

Был ли дан ход прошению заключенного? Судя по повторному запросу от 20 февраля того же года ранее (от 1 февр.) запрос б. президента Латвии на бумагу, ручку или карандаш был оставлен без последствий (13). Входило ли в компетенцию начальника тюрьмы разрешение вопроса о бумаге, ручке и карандаше для б. президента Латвии или эту проблему нужно было согласовывать с центром, с Москвой, что требовало и сил, и времени.

Примечания

1. Должно быть: И.(Индрикович)
2. LVA. [Гос. архив Латвии.] Ф.101. Оп.1. Ед.хр.31. Л.30.
3. См.: Kārlis Ulmanis trimdā un cietumā. Dokumenti un materiāli. Sast. I. Ronis, A. Žvinklis. Rīga. Latvijas vēstures institūta apgāds. 1994. С. 341-

342; о письмах от 1 и 2 июля 1941 г. см. там же, с. 343-345. См. еще по теме: Dunsdorfs E. *Kārļa Ulmaņa dzīve*. Rīga. Zinātne. 1992. С. 407-410.

4. См.: Dunsdorfs E. Цит.соч. С.408.

5. См.: Kārlis Ulmanis *trimdā un cietumā...* С.439.

6. Dunsdorfs E. Цит. соч. С.408.

7. См.: Kārlis Ulmanis *trimdā un cietumā...* С.439.

8. См. там же, с.454, 459

9. См. там же, с. 459.

10. См. там же, с. 439. Вероятно, имеется в виду трехтомник: Бисмарк О. *Мысли и воспоминания* // Москва. ОГИЗ- СОЦЭКГИЗ. 1940-1941.

11. См. там же, с.460.

12 Там же, с. 454.

13. См. там же, с. 460. В прошении от 20 февраля заключенный дополнительно отметил, что письменные принадлежности ему нужны для упражнений в грамматике (надо полагать, русского языка).

Б.Р.

ПОВОРОТ НАПРАВО КРУГОМ

(Записка прокурора Солднека)

В 1937 г., в ощущении приближающейся войны и в опасении, что война эта может перейти в гражданскую, следователям НКВД СССР в особых случаях было разрешено использование методов физического воздействия в отношении подсудимых.

Едва ли не первыми испытали на себе эти следственные приемы арестованные командиры и комиссары Красной армии, авиации и Военно-морского флота СССР. Видимо, инициаторы арестов (И. Сталин, ЦК ВКП(б) и т.д.) полагали, что обычными методами в короткий срок нужных для страны признаний из среды военных, в особенности, представителей командного состава, не добиться.

По завершении одного из важнейших этапов борьбы с «врагами народа», часть следователей, обвиненных в применении «особых методов», в конце 1930-х гг. самих перевели в категорию арестованных с последующими суровыми приговорами.

Однако вкусивших безграничную власть остановить трудно. Тем более, что «особые случаи» в практике работы НКВД-НКГБ-МГБ были не столь уж особыми, разнообразные пытки применялись вплоть до конца сталинской эпохи. Еще в начале 1953 г. физические методы как следственный прием использовались по «делу врачей».

В 1940-1941 гг. и позднее Латвия (Латвийская ССР) испытала на себе отработанные в метрополии методы добычи признаний со стороны арестованных. Параллельно время от времени предпринимались попытки ограничить практику физического и психического принуждения подсудимых к признанию.

Отчасти о таком положении дел свидетельствуют публикуемые ниже документы.

10 Апреля 1941 г.

№ 384/С

г. Рига

Серия «К»

Сов. секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП(б) Латвии тов. КАЛНБЕРЗИНЬ

Прокуратуре Латвийской ССР в процессе надзора за следствием в органах НКГБ Латвийской ССР стало известно, что отдельные работники НКГБ нарушают ст<атью> 136 УПК РСФСР, а именно:

1). В Режецком [Резекне] уездном отделении НКГБ оперуполномоченный МАРТЫНОВ избил резиновой дубинкой подследственного МАЙОР. Он же наносил побои подследственному ШТРАУХ. О чем лично сообщил нам Зам. Председателя Военного Трибунала ПРИБВО ГРИНГОТ.

2). В Абренском уездном отделении НКГБ следователь БОГДАНОВ подследственного БЕЛОВА раздел донага и угрожал последнему, о чем также сообщил тов. ГРИНГОТ, т.к. эти обстоятельства выяснились в судебном заседании Военного Трибунала.

3). В Кульдигском [Кулдига] уездном отделении НКГБ Зам. Начальник <a> этого же отделения избил подследственного. О чем сообщил нам Начальник Кульдигского Отделения НКГБ тов. СПРОГИС.

4). Следственный заключенный в тюрьме № 4 г. Виндава [Вентспилс] ШМИТМАНИС Давид 1877 г. рождения с 14-го по 22 Января 1941 г. был заключен в холодный карцер по распоряжению Начальника Следчасти Виндавского уездного отделения НКГБ, хотя таких прав ему не предоставлено.

5). По личному сообщению 27 Марта – 41 г. председателя Трибунала 8 Армии тов. МУРЫГИНА (1) в Режецком уездном отделении НКГБ был избит арестованный МАРЧЕНОК.

Об изложенных фактах сего числа мною сообщено Военному Прокурору войск НКВД тов. РЯБЦЕВУ для привлечения виновных лиц к ответственности, а также сообщено Прокуратуре Союза ССР.

О чем и ставлю Вас в известность.

ПРОКУРОР ЛАТВИЙСКОЙ ССР
/Подпись/ Э.СОЛДНЕК (2)

* * *

В Латвийском государственном архиве (LVA) хранятся законченные в 1941 г. судебно-следственные дела упомянутых выше лиц. Некоторые из этих дел просмотрены нами на предмет обнаружения в них следов противоправных действий со стороны представителей следственных органов.

В протоколах допросов примет производства пыток быть не может, разве что по небрежности следователя на страницах протокола могли сохраниться засохшие пятна буровато-красного цвета «неизвестного происхождения».

Смотрим Протоколы судебных заседаний.

В соответствующем документе по делу Тениса Карловича Штрауха от 2 апр. 1941 г.(3) нет никаких следов насильственных действий в отношении заключенного. Т.е., надо полагать, в процессе заседания подсудимый дал соответствующие показания, но показания эти в протокол внесены не были.

Приговор – ВМ (высшая мера – расстрел) с заменой на 10 лет исправительно-трудового лагеря.

* * *

Соответствующий Протокол судебного заседания от 14 марта 1941 г. по делу Ивана Екимовича Белова:

ПРЕДСЕДАТ<ЕЛЬ>. Вы на предварительном следствии показывали, что занимались слежкой за революционно-настроенными лицами.

ПОДСУДИМЫЙ. Я много на предварительном следствии показывал неправды, т.к. следователь Богданов избивал меня.

ПРЕДСЕДАТ<ЕЛЬ>. Следователь Степанов вас тоже избивал?

ПОДСУДИМЫЙ. Нет, он меня не трогал.

Приговор – ВМ (4).

* * *

Соответствующий Протокол судебного заседания от 27 января 1941 г. по делу Болеслава Марченка:

ПОДСУДИМЫЙ. При допросе меня в Режицах у следователя присутствовал некий Сондер, который работал в Режицах [в] НКВД. Когда я стал рассказывать о Советском Союзе, что я ходил один раз туда, то этот Сондер, как его называли, сразу же ударил меня по лицу, что у меня сразу же пошла кровь и лицо было повреждено, об этом могут подтвердить сидящие вместе со мной в камере Юрис Лауга, Евгений Строганов. Также видел об этом следователь. Следователь ничего этому Сондеру не сказал, но сам он меня не бил.

Кроме удара по лицу, меня били еще по бокам, и я был без сознания <...>. Кроме того, при допросах били еще заключенных: РУБИНА, ЛАУРУ Александра, Янис<а> ДУБРУ, которые содержатся под стражей в тюрьме [в] Режицах.

Приговор: 5 лет ИТЛ (5).

Военный прокурор Прибалтийского особого военного округа выступил с протестом, требуя увеличить наказание Марченку, но приговор, пройдя нужные инстанции, был оставлен в силе (6).

Сказались ли на приговорах показания подсудимых? Вердикты (от 5 лет ИТЛ до расстрела) как будто говорят о том, что в какой-то степени приговор мог зависеть от мнения председателя трибунала, который в обмен на нужные ему (в рамках борьбы с нарушениями законности) показания мог как-то «отрегулировать» решение суда.

Какие меры «взыскания» были применены к следователям (Мартынов, Богданов, некий Солднок), допуская рукоприкладство в отношении подследственных, сказать не можем, поскольку допуск к делам сотрудников тайной полиции (в т.ч. осужденным за преступления по должности) для исследователей – закрыт.

Примечания

1. Правильно: Шурыгина.
2. LVA. Ф.101. Оп.1. Ед. хр. 47. Л.15-15 об.
3. LVA.Ф.1986 Ед.хр. 4772.
4. Там же. Ед. хр. 7779 (Судебное производство). Л.10, 21.
5. Там же. Ед. хр. 7390 (Судебное производство). Л.10-11.
6. Там же. Л. 34.

ИЗ ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ

Среди множества особенностей XX века – становление и расцвет театрально-концертного и художественного творчества заключенных «исправительно-трудовых» и концентрационных лагерей, гетто, лагерей военнопленных...

Артисты выходили на сцену не только в дни государственных праздников, но и в другие, менее торжественные дни.

Сцена могла быть не только лагерной, но и городской, сельской...

Профессиональные актеры возвышались или соревновались с самодеятельными, женские коллективы с мужскими... Не исключались смешанные труппы. Концертный репертуар был многообразным, при обязательном сочетании лирического, патетического и сатирического направлений. Программа составлялась из классических и современных произведений, поощрялись народные песни и танцы. Известные песни, сценки могли обрабатываться с ориентацией на «местные условия». Так, скетч популярного сатирика В.Полякова «Буквы “ты”», с учетом зрительского контингента нарастал фразой

У вас все народ культурный, в пиджаках с цельнометаллическими зубами, а я, а у меня...

Полагаем, что у юморески «Судьба» тоже есть столичный автор, не подозревавший, что его текст расцвел в лагере следующим диалогом:

– Больше всего я люблю негритянский джаз. Темперамент! Ритм! Стрррасть!

– Ты в нем участвовал?

– Еще бы, 3 года и 7 месяцев.

М.б. найдется и автор номера «Ясновидящий и гипнотизер», где скетч тоже был усилен за счет «местного колорита»:

В. – Замечательно! Как фамилия бригадира 62 бригады Штрафса?

К. – Штрафс!

В. – Превосходно! Как имя Димы Кочеткова?

К. – Димитрий!».

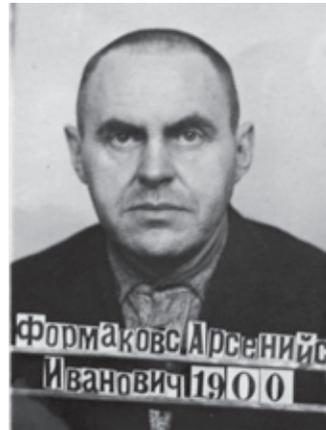
Сатирическая часть не исключала обыгрывания «тонких» материй, типа «секстет» – сексот, «опера» – оперуполномоченный, при том, что программа концерта непременно утверждалась начальником КВЧ (культурно-воспитательной части).

* * *

Концертная бригада существовала и на 5-м отделении Озерлага, лагеря, разбросанного от Тайшета до Братска.

Сэтой концертной бригадой был связан Арсений Иванович Формаков, уроженец Латвии, поэт, прозаик, журналист; в заключении: 1940-1947 гг., повторно: 1949-1955 гг. ¹.

Арестная фотография А.И.Формакова 1940 г.

В архиве А.Формакова сохранились Программа одного из лагерных концертов и тетрадь с текстами некоторых концертных номеров ², преимущественно – конферанса.

Ниже публикуем программу концерта и тексты некоторых литованных песен, диалогов и др. номеров.

Как принято в части секретной документации, инициалы имени при фамилии в Программе не приводятся; это же правило распространено и на абсолютное большинство авторов общеизвестных песен. Некоторые редкие имена исполнителей (напр.: Берленщик, Ко-Хен-Дю, Рейго, Штрафс) мы просканировали по сайту «Жертвы политического террора в СССР» (<http://lists.memo.ru/>). К сожалению, ни одно из этих имен на сайте не отозвалось.

Сокращения в тексте частично раскрыты; сохранены некоторые особенности авторской орфографии.

Программа

*Концерта художественной самодеятельности <...>³
18 и 19 IX 1954 г.*

1. Вступительная. Слова Формаква. Исполняют Зязин и Формакв.
2. «Наш подарок новостройкам». Слова [Я.] Белинского, муз. [А.] Островского. «Хорошее утро». Слова [М.] Рудермана, муз. [Н.] Будашкина. «Ой, ішов я вулицею». Украинская народная песня. Исп. хор в сопровождении баянистов.
3. «ЗА МИР[!]». Стихотворение Пущина. Читает Иревлин.
4. Мазурка. Муз. [Г.] Венявского, вариации на русские песни. Исп. Егоров (балалайка), аккомпанирует Ильинский (гитара).
5. «І чого, тікати», «Де ты бродишь...». Украинские народные песни. Исп. Головацкий и Игнатенко, аккомпанирует Зязин (баян).
6. Украинский танец. Исп. Левицкий и Романовский.
7. «Спасательный круг» – интермедия [В.] Слободского, [М.] Дыховичного и [Б.] Ласкина. Участвуют Нестеров и Формакв.
8. «Ничего нет чудесней». Муз. [М.] Блантера. Исп. Тынкевич.
9. «Слава». Стихотворение В. Гусева. Читает Формакв.
10. Танец с лентой. Исп. Кочетков.
11. «Когда мы не объективны». Скетч Вл. Полякова. Исп. Волынский, Зайцев, Краснов, Зязин.
12. «Лесная сказка» – вальс [В.Ф.] Беккера. «Скорый поезд» – музыкальная картинка. Исп. оркестр.
13. «Заветный камень». Слова [А.] Жарова, муз. [Б.] Мокроусова; «Генацвалле» [!], грузинская песня. Исп. Берлящик с оркестром
14. «Лирический вальс». Исп. Рейго (цитра) и Егоров (гитара) с оркестром.
15. Клоунада («Эхо» и «Буква “ты”»). Исп. Нестеров.
16. «Старинный вальс». Муз. [М.] Обычайко; Музыкальная шутка (ритмический этюд). Исп. неаполитанский квартет: Хван, Кунашов, Егоров, Ильинский.
17. Клоунада («Ясновидящий»). Исп. Нестеров.
18. «Не забудь меня»; «О, Мари...». Неаполитанские песни. Исп. Ко-Хен-Дю в сопровождении неаполитанского квартета.
19. Частушки (лубок). Исп. Волынский и Муран.

20. Клоунада («Гипнотизер»). Исп. Нестеров.
21. «Аркан» – украинский народный танец. Исп. танцевальная группа под руководством Левицкого.
22. «Закурим матросские трубки». Муз. [Ю.] Милютин;
«Неудавшееся свидание». Музыка [М.] Табачникова
[А.Цфасмана?]; «Ехал я из Берлина». Музыка [И.] Дунаевского;
«Дедушка» – полька. Исп. солисты и оркестр.
23. «Заключительная». Слова Формакова. Исп. весь ансамбль.

Конферанс – Зязин и Формаков.

Дирижер хора и оркестра – Берлянщик.

Художественный руководитель – Формаков.

Художник-декоратор – Зязин.

Начальник К<ультурно>В<оспитательной>Ч<асти>5л<агерного>/
о<тделения>

[К О Н Ц Е Р Т]

Вступительная

– Вы собрались? Мы тоже –

Чудесно!

Дайте занавес, можно начать.

И, как в воду, – стремительно, с песней
головой в программу нырять.

Первым номером в нашей программе

Хор с оркестром, – ансамбль хоть куда!

Нет уж больше столбов между нами,

Лучше слышно и видно, ведь да?

Привет:

– Вы согласны? – И прекрасно!

Значит хмурые лица долой!

Мы – для вас, вы – для нас, и с улыбкой сейчас

Отдохнемте часок-другой.

2

Мы споем об отличниках наших
На объектах и здесь, вот, кругом.
Про подливку со вкусною кашей
И про свежий картофель споем.

Мы споем и о лодырях злостных,
Что не прочь прохрапеть день-деньской,
А потом с физиономией постной
В конце месяца плачут: – Ой-ёй!

Приве:

– Вы согласны – И прекрасно!
Недостатки мы все изживем,
Повышая все дни достижения свои,
В чем торжественно слово даем!

3

– Мы споем о курильщиках тоже,
Что стреляют бумажку, табак,
Курят стоя и сидя и лежа,
И барак превращают в кабак.

Мы споем о ремонте в бараках:
Красота, чистота, суший рай –
Но на чистые нары однако
В грязной обуви лезть, – ай-яй-яй!

Приве:

– Вы согласны? И прекрасно!
Значит, боремся за чистоту!
Без окурков на пол, без объедков под стол, –
Сохраняя культуру в быту!

* * *

Ария из оперы «Демон»

Слова Лермонтова, музыка Рубинштейна ⁴

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала.

Я тот, чей взор надежду губит,
Едва надежда расцветет.
Я тот, кого никто не любит
И всё живущее клянёт.

Я – бич рабов моих земных.
Я – царь познания и свободы,
Я – враг небес, я – зло природы.
И, видишь, я у ног твоих.

Тебе принёс я в умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слёзы, слёзы первые мои –

Земное первое мученье
И слёзы, слёзы первые мои.

* * *

Хорошее утро. Сл. Рудермана, муз. Будашкина

<...>

* * *

[Генацвале] Народная грузинская песня

<...>

І чоґо тікати?

<...>

* * *

Де ти бродишь? ⁵

Де ти бродишь, моя доле,
Не доклічусь я тебе?
Досі б можно дике поле
Прігорнуті до себе.

Всё питаю, всё шукаю,
Аж серденько из[в]ъялив,
Чи у полі, при дорозі
Диким маком ти ізвітеш [цвітеш]?

Чи у лузі, на калині,
Ти зозулею куеш?
Чи на морі ти, з купцями,
Дилеш з краму бариші?

Чи в хоромах, з панянками
Ти регочісся в ночі?
Ой, змилуйся, моя доле,
Придь до мене, хоч на час.

Хоч посідіш біля мене,
Тай тому я буду рад! ⁶

* * *

КЛОУНАДА

I. Эхо. <...>

II. Буква «ты». <...>

III. Ясновидящий и гипнотизер. <...>

* * *

Спасательный круг. Интермедия Слободского, Дыховичного и
Ласкина. (Молодежная эстрада... № 3, 1954 г.) ⁷

* * *

«Когда мы необъективны» Вл. Полякова из его книги «Смеяться, право, не грешно». (Изд. «Искусство. 1953 г.)⁸

* * *

Закурим матросские трубки. Из кинофильма «Морской ястреб»
Муз. Милютин.

<...>

* * *

Частушки

1. Милый учится, – страдаю.

Что получится, – не знаю:

Или летчик в облаках,

Иль шофер на двух быках.

2. Ой, вы, красны яблочки,

Ой, вы, желты грушеньки,

Не видали ль вы ее,

Моей милой душеньки?

3. Гармониста я любила

И в любви сбилася, –

Была бы хрустальная,

Наверно бы разбилася.

4. Мы с милашкой записались

В радиолюбители, –

У нас дети оказались

Громкоговорители.

5. Мой миленочек хороший,

Целовал меня не раз.

У меня ж плохая память, –

Отойду – забуду враз.

6. Очень я люблю кино,

Если всё затемнено,

Если ты, родная, рядом, –

И картины мне не надо.

7. Поцелуй меня, миленок,
 Без отрыва сорок раз.
 Я тогда тебе поверю,
 Что любовь крепка у нас.

* * *

Конферанс и интермедии ⁹

I Вступительная ¹⁰

II

1. Имейте в виду, что мы должны не только объявлять №, но и объявлять нашим зрителям, если им что-нибудь непонятно.

2. Я к этому вполне готов.

1. Ну, представьте себе, что сейчас выступает квартет. Как вы объясните это слово?

2. Очень просто! Квартет – это... это... Одним словом, когда одновременно играют четверо. Например, в домино играет квартет.

1. А что такое квинтет?

2. Квинтет, это когда играют пятеро. Например, баскет-бол. Это чистый квинтет.

1. А секстет?

2. Ну, это ясно, вшестером. Волейбол – это секстет.

1. Итак, послушайте песню...

III <...>

IV

2. (Конфиденциально.) Будьте добры, скажите, что это такое – «ОПЕРА»? Вот одни говорят и другие говорят: «ОПЕРА», «ОПЕРНЫЕ АРИИ», «ОПЕРНАЯ МУЗЫКА».

А что это такое «опера» на самом деле? Для меня не ясно.

1. Как бы вам сказать попроще? Опера – это драматическое действие, в котором действующие лица не говорят, а поют.

2. Например?

1. Да, вот, пожалуй, лучше всего наглядное обучение. (Объявляет) Опера в 1-ом действии: «Случай в вагоне».

Действующие лица: пассажир, имеющий место, (первому) – вы!

Герои – любовники и вообще страдающие персонажи в опере всегда тенора. <...> Злодеи в опере всегда басы... Итак, прошу увертюрку. <...>

V <...>

VI

Кабинет американского адвоката

Клиент. (Входит.) Здравствуйте, мистер Вильямс!

Вильямс. Пожалуйста, входите! Садитесь! Чем могу!

К. Мне нужен юридический совет. Вчера здесь, в Нью-Йорке, на улице меня укусила за ногу собака!

В. Были свидетели?

К. Да, я записал их фамилии и адреса.

В. Медицинская справка?

К. При мне.

В. Каково ранение?

К. Легкое!

В. О'кэй! Тогда дело совсем простое. Вы идете к владельцу собаки и требуете 50 долларов. Если он откажет, обратитесь в суд. Судиться ему обойдется раза в три дороже. Дело бесспорное. Вы узнали, чья собака?

К. Да, Собачка Ваша. Разрешите получить?

В. (Платит. Клиент собирается уходить.) Одну минуточку!

К. В чем дело?

В. Вы забыли заплатить мне гонорар за юридическую помощь. Разрешите получить?

К. Сколько с меня?

В. По таксе. 100 долларов... Благодарю Вас.

К. (Уплатив, про себя.) Нет, уж теперь меня больше никакая собачка не укусит! (Уходит.)

Ведущий. Я забыл сказать, как эта сценка называется: «Американская помощь другим странам по плану Маршалла и прочим соглашениям».

VII <...>

* * *

VIII

*Заключительная**Ведущие*

Все проходит, все кончается,
Даже то, что хорошо.
Закругляться полагается, –
Сколько ж можно петь еще?

Все пропето, все рассказано,
Не забыли ничего.
Мы концерт кончать обязаны,
Если начали его.

Хор

Привет, друзья! Спасибо за внимание!
И вам и нам на отдых уж пора!
Сейчас конец! До нового свидания!
Спокойных снов до самого утра!

В архиве А. Формаква отложились две басни, полагаем, формаковские же, наверняка «озвученные» в каком-то другом концерте.

*Арбуз**Басня*

Два друга встретились. Один шел из конторы,
на склад – другой.

– А! – вскрикнул тот, потолще был который,
второй – махнул рукой.

При встрече их Догадливый случился,
Услышал «а», – почудилось: «арбуз».

Пришел в барак и тотчас поделился:

– На самосвалах нам везут арбузов груз!

И разлилась всё шире тема:

– Мы будем разводить арбузы! – Нет, нет, нет!

Получит каждый по арбузу на обед!

– А корками – свиней кормить!

– А семечки – сушить, лущить!
– А сок арбузный вместо квасу пить!
Ну, словом, стали языки вращаться,
«а» разрослось, как снежный ком.
Прибавил кто-то дыню,
тыкву,
а потом
сам черт не ни в чем не смог бы разобраться!

Мораль давно известна нам:
не надо верить болтунам!

* * *

О форсе и «орсе»

Басня

Едва зарплату получил,
как побежал в ларек, –
всего, что можно, накупил
и в хату приволок.
Полмесяца роскошно жил:
и сладко ел, и сладко пил,
столовую не посещал,
а сыр голландский потреблял,
ел шоколадные конфеты,
курил «Казбек» да сигареты,
но день настал, –
и вот те на –
в кармане пусто всё, до дна.
Так, быстро докатясь «до ручки»,
других полмесяца он ждет полочки
и, потерявши форс,
ест только хлеб и курит только «орс»*.

А если б выдержка ему да воли сила, –
на полный месяц денег тех хватило б!

*Окурки разных сортов [прим. А.Формакова].

Примечания

1. Подробнее о А.Формакове см.: Равдин Б. А.И.Солженицын и Латвия // Рижский альманах. № 5(10). С. 220-221.
2. Приведенные выше фрагменты юморесок «Буква “ты”», «Судьба», «Ясновидящий и гипнотизер» взяты нами из указанной тетради.
3. Сведения о лагере замараны начальником КВЧ.
4. На полях – знак вопроса (допускать к исполнению? – Б.Р.), вероятно, оставленный начальником Культурно-воспитательной части.
5. То же.
6. Вариант песни (в т.ч. с соблюдением правил орфографии) см.: <http://www.pisni.org.ua/songs/218165.html>
7. Текст не приводится.
8. То же.
9. Распределение концерта по ходу концерта в программе обозначено лишь частично.
10. Публикатором перенесена в начало концерта.

Публикация Б.Равдина.

МЕЖДУ ЖАНРАМИ. ОТКЛИКИ. РЕЦЕНЗИИ

Сусанна Черноброва

ИЗ КНИГИ «ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА 2»

*mailto: author@nowhere.com**from provider@nowhere.com*

15th December, 2015. 1:25 a.m.

Hi, author! Happy Christmas and Hanukkah! Happy Christmukkah! Happy New Year! We are happy to inform you that you are still a member of the community www.virtual.nowhere.com. You must login and verify your password. To cast the shadow in the community www.virtual.nowhere.com is strictly forbidden.

To: squirrel@nowhere.com

15th December, 2015. 1:25 a.m.

SUBJECT: BARISHNIKOV

Привет, дорогая squirrel! Сегодня мне нужно именно с тобой поговорить. Пишу тебе по следам одного спектакля. Ты ведь знала Бродского лично, и интервью с ним несколько раз делала. А я, после некоторых колебаний (мешал привычный скепсис) все-таки поехала в Тель-Авив на «Бродский, Барышников». Спектакль получился простой и четкий. Про сценографию: на сцене стеклянный павильон (сценограф Кристина Юрьяне). Вот что про него сказал сам Барышников: *«нашли оранжерею времен прекрасной эпохи – может быть, это 19-ый век. Может, она Венская, но такая же могла стоять и в Летнем саду или на Рижском взморье. И не только там. Декорация очень красивая. Немного похожа на старый петербургский лифт, какие бывали в старых домах. Стегляшка такая или беседка, в которых оркестры играли в Городском саду. Когда холодало, они закрывались стеклом, из них делали оранжерею, зимний сад. Иосифу эта декорация понравилась бы – это я знаю точно. Остальное – не уверен»...*

А мне павильон напомнил о лучевом коробе из «Спекторского». Стекло, лучистое вещество, более дерева и камня связано с перспективной.

“В неповторимой перспективе Росси...” Оно двоится, троится, у него непостоянный объем. И оно может разбиваться вдребезги, раскалываться, как жизнь, на много осколков. Такая веранда «бель эпок» могла быть и в Задвинье. И в Нью-Йоркской съемной квартире тоже, и да-

же в Тель-Авиве такую можно представить. Что-то ускользающее, не то ар-нуво, не то колониальный стиль, не то американский модерн, курортный югенд, русская усадьба – что угодно. Съемное, эмигрантское, никакое жильё: будильник, обшарпанный фибровый чемодан, сломанный распределительный щит. Запущенное, промерзшее помещение. Это помещение вообще. У него нет адреса. Щит искрит, кажется, вот-вот будет короткое замыкание и пространство взорвется. Почти у каждого из нас в памяти есть картинка из прошлой жизни, незападная совсем – приезд зимой или ранней весной на дачу. Нежилой запах, по углам паутина, веет неустроенностью, одиночеством, вечностью. И одиночество это голубовато-пепельного цвета. Прекрасный художник по свету, кстати, – Глеб Фильштинский. И вдруг понимаешь, что эта стекляшка – вне времени, нигде. Сьюзен Зонтаг написала, что Венеция самое подходящее место для могилы Бродского, потому что Венеция – нигде. В таком космополитичном стеклянном строении и должен, наверно, проживать «гражданин мира».

*Не хочу уходить, не хочу умирать, я дурак,
не хочу, не хочу погружаться в сознании во мрак.
Только жить, только жить, подпирая твой холод плечом.
Ни себе, ни другим, ни любви, никому, ни при чем.
Только жить, только жить и на все наплевать, забывать.
Не хочу умирать. Не могу я себя убивать.*

Сейчас прерываю. Продолжу в следующем письме. Напишу его на днях, не буду затягивать.

To: squirrel@nowhere.com
31th January, 2016. 5:40 pm.

SUBJECT: BARISHNIKOV

Барышников играет самого себя и Бродского одновременно. Он друг и двойник. Он читает и не как актер и не как поэт, читает как Барышников. Чтение его подхватывает голос Бродского со старого магнитофона с бобинами. Бобины медленно крутятся, напоминая о ходе времени. (А еще я вспомнила твой рассказ про магнитофон. Порою Барышников подражает чтению Иосифа. Они перетекают друг в друга, накладываются, как часто с ними происходит в сознании людей, далеких от мира искусства. Барышников сказал в интервью:

“Иллюстрировать поэзию нельзя”. Тем не менее, создается словарь, в котором стихотворение переводится в танец. Черный конь на язык движений перевелся как фламенко – свидетельство самого Барышникова.

...Он черен был, не чувствовал теней.

Так черен, что не делался темней.

Так черен, как полуночная мгла.

Так черен, как внутри себя игла.

*Так черен, как деревья впереди,
как место между ребрами в груди.*

Как ямка под землю, где зерно.

Я думаю: внутри у нас черно...

Но на сцене не танец, а осторожные намеки, тень, отражение танца. Есть известная фотография, где Бродский, Барышников и Ростропович исполняют танец маленьких лебедей.

Это шутка из капустника, но вот Барышников читает Бродского, а Бродский танцует с

Барышниковым на равных. Стихи переходят в театральную ткань. Барышников играет Барышникова. Есть в этом какая-то зеркальность, вглядывание в самого себя, и “помесь тупика с перспективой”. Как если бы на сцене Гоголь играл Гоголя. Это вроде антитеатрально, а на самом деле нет ничего театрального. Это и есть Т Е А Т Р. Высшая точка спектакля, как заметил мой сосед по партеру, – это «Портрет трагедии». Стихотворение написано в 91-м году. Потом у Бродского наступил счастливый период жизни, и он как бы забыл о его существовании. Это стихи о театре, о его начале – греческой трагедии, и о драме каждого человека. «Привет, обратная сторона медалали.....Прижаться... к грубой доске с той стороны иконы». «Мы все в чудовищном положении» – слова Бродского. Трагедия – очень театральное слово. Оно повторено многократно, как рефрен. Так и слышишь греческий хор. Вроде, повторяя х а л в а, х а л в а, а во рту слаще не становится. Но тут повторяется т р а г е д и я, т р а г е д и я, а перед моими глазами будто набрали: т е а т р. Стекланный короб сфокусировал лучи в узел, собрал пучки смыслов.

*Заглянем в лицо трагедии. Увидим ее морщины,
ее горбоносый профиль, подбородок мужчины.*

Услышим ее контральто с нотками чертовщины:

*хриплая ария следствия громче, чем писк причины.
Здравствуй, трагедия! Давно тебя не видали.
Привет, обратная сторона медали.
Рассмотрим подробно твои детали.*

Звенит будильник – символ времени. На этом спектакль про время заканчивается. Поэзия – временное искусство, а тут весь спектакль из стихов. Длинная пауза перед аплодисментами. Я много лет была “большельщицей” одного прекрасного театра – Рижского ТЮЗа, иногда делала для него плакаты и программки. Главный режиссер Адольф Шапиро считал секунды паузы между концом действия и аплодисментами, по длине паузы он судил о реакции зрителей.

А ко мне прицепилось “Не выходи из комнаты” – стихотворение, которое услышала впервые от тебя. Ты тогда спросила: “Чье это стихотворение, как вы думаете?” Рома ответил: “Не знаю, но я бы дал автору за него Нобелевскую премию”.

*Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.
Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?
За дверью бессмысленно все, особенно – возглас счастья.
Только в уборную – и сразу же возвращайся.*

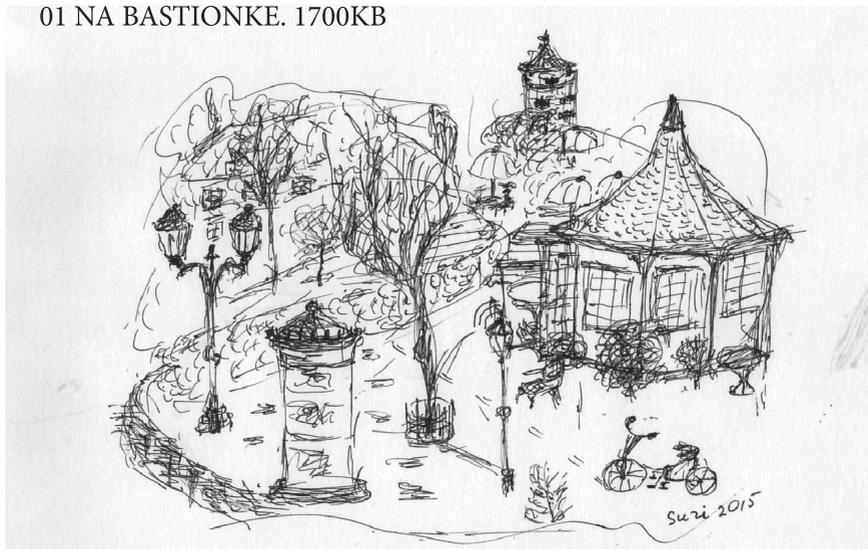
*Не выходи из комнаты. О, пускай только комната
догадывается, как ты выглядишь. И вообще инкогнито
эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция.
Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция...*

P.S.

Они нам напомнили, к а к о й это поэт. Потому привела так много известного тебе. Мне хотелось, чтоб стихи звучали еще и еще. Бродский, по-моему, недочитан и недослышан. А вот на выходе я увидела картинку, которая тебя точно бы порадовала: площадь перед театром буквально гудела от его стихов. Отовсюду доносились обрывки строк. «Эмоциональное путешествие вглубь поэзии» (слова режиссера) продолжалось. И вообще «покуда над стихами плачут...» И это в Тель-Авиве!

P.S. Не думай, я не собиралась писать рецензию. Просто захотелось описать тебе свои впечатления. В аттачменте посылаю рижский рисунок.

01 NA BASTIONKE. 1700KB

attachment 2

*To: squirrel@nowhere.com**27th March, 2016. 8:20 pm .*

SUBJECT: SUMKA DENEG

Надеюсь, летом мы все-таки увидимся в Латвии. Каждый раз, когда туда собираюсь, оттаивает старый пейзаж. 91-й год – год отъезда, талоны на продукты и сигареты, походы за спасительным папиным инвалидным пайком, павловская реформа... Про денежную реформу как раз вспомнила смешное. В год отъезда произошла та самая реформа, взять собственные деньги из сберкассы было практически невозможно. Летом у меня умерла мама, в сберкассе лежали собранные ею за жизнь и завещанные мне 20 тысяч рублей. После ее смерти, разбирая документы, я находила какие-то оформленные на детей трогательные и уже бессмысленные страховки и полисы. Я долго препиралась в сберкассе, наконец заведующая выписала разрешение на выдачу денег. Служащие отказывались выдавать, приговаривая: «Она себе уедет за границу, а мы...» А что «а мы?» – непонятно. Наконец деньги мне выдали. Злобно. Трешками. Дескать, другие купюры не завезли. Что-то около семи тысяч трешек. Получился огромный рюкзак. Р. был в Москве, я одна, трясясь от страха, дотащила сумку до дому. На эти деньги мы и уезжали.

В аттачменте посылаю связанное с Латвией стихотворение.

Из цикла «Марина»

5

Мне вспомнился Апшущиемс
Чайки, гараж
И раненый в море
Балтийский пейзаж.

Жизнь ранена в море,
В сплошную мишень,
Течение относит
В непрожитый день.

Чудовище-море,
То горб, то провал,
Какой стеклодув
В полутьме выдувал.

Но так не бывает,
Чтоб сразу заснуть,
И плакать, и в трех
Океанах тонуть.

В колодце – дворе
Заливает подвал,
До Мертвого моря
Остался квартал.

Блестит, всю земную
Впитавшее соль,
Зачем ему пот
И саднящая боль.

И Красное море
Видать наяву,
Плывущие грядки,
Осоку, траву.

Но море, что выпито
На посошок,
К нему огородами
Наискосок.

* * *

N.N.

Мы встретимся во мгле иных миров
На перекрестке двух прожекторов.

В прекрасном и далеком далеке,
Во взгляде, отражении, зрачке.

Мы непременно, мы наверняка...
Под шелесты “Прости, прощай, пока”.

В самой случайной из случайных встреч
Мы встретимся, как музыка и речь.

Какой же ветер нас сюда занес,
В тот контур, раздвоившийся от слез.

Мы встретимся во тьме черновигов,
На свалке линий, строчек и стихов.

В прямолинейном проливном дожде,
В белесо-сером никакком нигде.

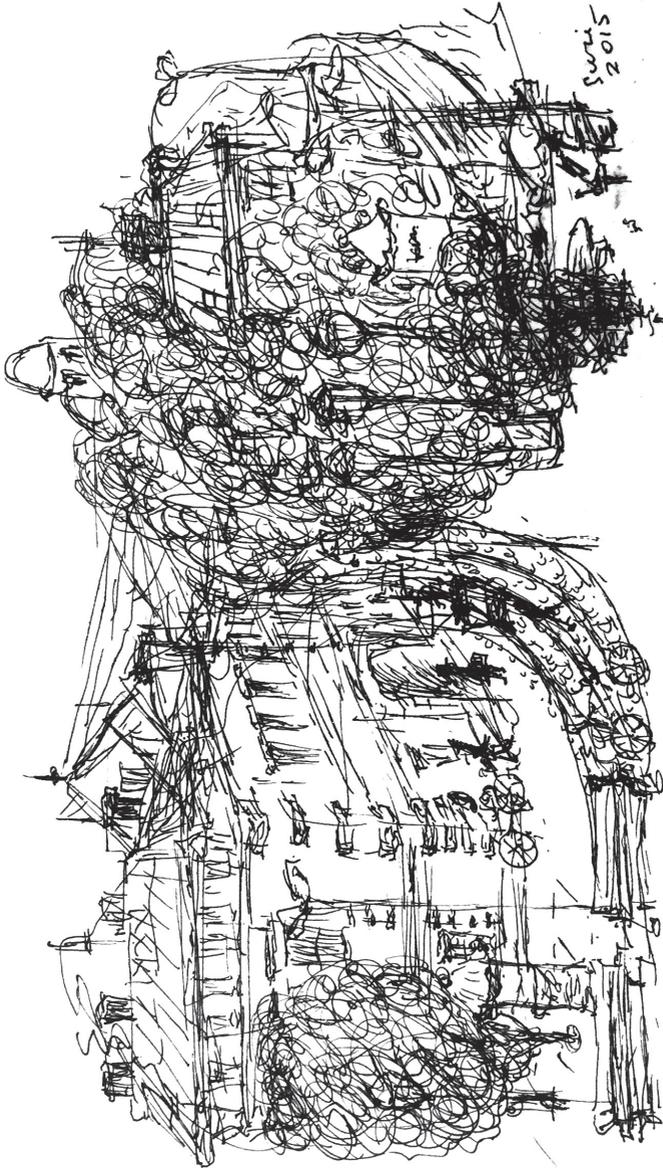
В бесцветности, прозрачной как слюда,
В мерцающем огромном никогда.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Лист искрит, и кляксы портят зренья,
Только искры прячутся пока
В недописанном стихотвореньи,
В темных зарослях черновика.

Эти, в дебрях почерка, сомненья
В Судный день, наверно, неспроста.
Ты желаешь городу свеченья,
Пешеходу легкого поста.

attachment 3
02ULITSA RADIO.JPG

Владимир Френкель

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕШЕХОДА

(Николай Гуданец. «Сцепление предмета и взгляда». Рига, 2016.)

В двух строках аннотации на форзаце сказано, что в эту книгу вошли стихи, написанные с 1980 по 2016 годы. Немалый срок – 36 лет! Но, поскольку под стихами нет дат написания, то весь корпус текстов воспринимается как единое целое, его невозможно разделить на периоды: вот относительно давние стихи, вот совсем недавно написанные... Полагаю, это сделано намеренно. За это время, с 1980 года, столь много произошло и в стране, и в мире, и, несомненно, в жизни самого поэта, но поэту, возможно, важнее то, что осталось неизменным, главным в его поэзии, или, что в данном случае одно и то же, в его жизни. Об этом нам и рассказывает книга стихов. Откроем же ее.

Открывая книгу, если это книга стихов, хотелось бы найти какой-то основной мотив, своего рода нить Ариадны, чтобы потом следовать за этой нитью, пусть даже иногда теряя ее, чтобы с радостью снова узнавать: вот она! Здесь, в этой книге, вмещающей в себя три с лишним десятилетия, это особенно необходимо. Не всегда такое удается, но здесь, как мне кажется, удалось. Это – точка зрения пешехода. Послушаем поэта:

*С неутоляемой всеядностью зеваки
я шел, петляя в городской изнанке,
и по дороге дождь меня застал.*

Так начинается стихотворение «Дождь». А заканчивается оно так:

*На первый взгляд,
все окружавшее совсем не походило
на винтовой промерзлый ад.*

Так я земную жизнь прошел до половины.

«Зевака», «взгляд», «прошел» – словарь пешехода, и следующее стихотворение («Несущий зеркало») это подтверждает:

*Но из картины этой выпадает
несущий зеркало по улице старик.
(Оно колышется, как световой плавник.)*

Такие детали доступны именно пешеходу, причем с пристальным взглядом.

А что можно увидеть на вокзале? Да ничего особенного.

Например:

*Под навесом Павелецкого вокзала
ночью бродит старикан глухонемой.
А в кармане у него клочок газеты,
где записано название деревни,
только денег не хватает на билет.*

Но пристальный взгляд, вкупе с такой же пристальной памятью, вызывает другого старика:

*Десять лет тому назад, и тоже в мае
все бродил по коридору психбольницы
старикан с понурой сивой головою,
точно так же, со слезами по щекам.
И теперь уже никак не разобраться,
почему они похожи меж собою...*

Так создается мир поэта – от пристального взгляда, обыденный и все же не совсем обычный, с неожиданными двойниками во времени и пространстве. Но читатель ошибется, если подумает, что этот мир – всегда чуть элегический и почти безмятежный. Каков накал яростной ноты в стихотворении «Послание к председателю пира», да-да, к тому самому председателю пира во время чумы:

*У любого – своя Колыма и своя чума.
Вальсингам, я однажды просто сошел с ума,
впрочем, здешняя жуть почище, чем в психбольнице...*

.....
*Что-то здесь не так, если грезы сваялись в жмых,
если целый народ поголовно тошнит от них,
если несть спасения в древнем лекарстве смеха.*

.....
*Сколько б ни было стран на глобусе, ни в одной
не бывает больно так, как в стране родной –
безалаберной, нищей, жуткой, любимой, скверной.*

Я привел именно эти строки, чтобы показать, какой силы и ярости достигает голос поэта при взгляде на нашу теперешнюю действительность, которой точно подходит название: пир во время чумы. И нельзя не привести отчаянные строки, которыми заканчивается стихотворение:

*Вальсингам, наша кровь так долго была водой,
что бессмысленно резать вены.*

А теперь мы продолжим путешествие по стране, которая называется мир поэта. Тут можно найти многое. Там есть целые циклы стихов. Например, «Трактаты», где одни только заглавия этих трактатов говорит о многом: «Несущий зеркало», «любительница кактусов», «Зажегший спичку»... Или еще такой цикл: «Элегии о человеке», с не менее говорящими заглавиями: «Человек, проснувшийся ночью», «Человек, раскопавший Трою»... На первый взгляд эти стихи излишне длинны, подробны, даже перегружены деталями, но что же делать: это и есть взгляд неторопливого пешехода, вмещающий в себя все подробности мира. А без этих подробностей и мира не существует.

Ну что, например, можно найти в пельменной? Это стихотворение («Пельменная») тоже объемно и неторопливо. Но поэт именно об этом и пишет:

*И я, преследуемый голодом и стужей,
зашел в пельменную, обычную снаружи,
не менее обычную внутри.
В минутном царстве аппетита и тепла
жизнь, словно очередь ленивая, текла.*

Так что же это за жизнь, обычная, в общем, жизнь? Что можно там увидеть? А вот что:

*Люблю я улицы, базары и вокзалы,
где напоказ роится трепетная жизнь,
где чья-то воля Смысл по крохам разбросала,
и зритель должен воедино их сложить.
Так, баснословно щедрая на лица,
проходит сквозь пельменную частица
бессчетных человеческих верениц.*

И здесь мне хотелось бы вернуться к названию книги: «Сцеплень предмета и взгляда». Название это может показаться выдуманым, даже вычурным, но нет: оно точно выражает сущность поэтики книги – взгляд поэта, не пропускающая ничего из лиц и предметов, из окружающего мира, цепко соединяет свой взгляд и мир и воссоздает смысл этого мира. Мудрено сказано, кажется, но в поэзии это яснее и точнее. «Так вот куда октавы нас вели...»

И тем не менее... Несмотря на все богатство и многозначность длинных стихотворений, которых в книге достаточно, меня больше привлекают короткие, энергичные строки. Такие, например:

*Какая разница, чья волна,
и солнце пышное, и скала?
Какая разница, чья страна,
как леммингов стая, с ума сошла?*

.....
*Не верь, что кто-то без греха.
Не верь, что где-то ночь тиха.*

(«2014 год» – это название, а не дата под стихотворением.)

Или это:

*Я не знал, что бывает любовь такой,
что она черна, словно волчий вой,
что тебя любить, как из моря пить,
и неважно все, что нельзя простить.
Ну так что ж, вот Бог, ну а вот порог.
Хоть глоток, хоть каплю на посошок.*

Попутно заметим, что поэт не боится необычных сравнений – цвета со звуком: «...что она черна, словно волчий вой...», и энергия стиха делает это сравнение работающим.

Или вот еще неожиданные метафоры:

*Мы говорим, а надо ли, постой,
мы говорим, но разве дело в том,
блестит листва над нашей немотой,
и птица гладит воздух животом. («В парке»)*

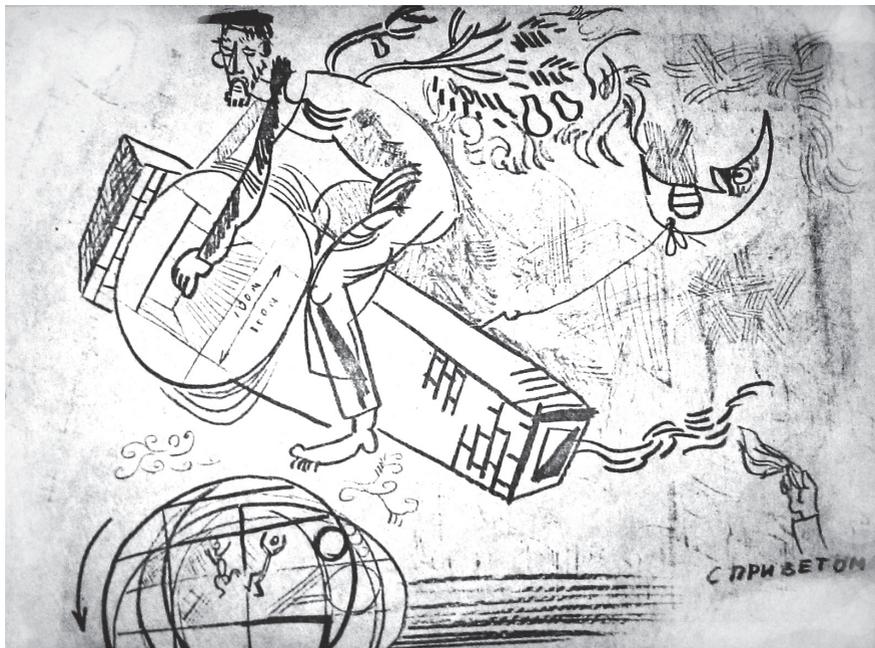
Николай Гуданец – поэт, не боящийся экспериментов, и выходящий победителем более всего тогда, когда энергия стиха делает неожиданные сравнения живыми и работающими. Но, повторяю, процитированные выше энергичные строки – это то, что ближе всего именно мне, а читатель найдет в этой книге многое другое, что ему будет ближе.

Потому что мир, увиденный неторопливым пешеходом, а то и «зевакой», как сказал сам о себе поэт в одном из стихотворений, этот мир богат и разнообразен, и смысл, рассыпанный в нем в разных предметах и лицах, собран и сцеплен зорким взглядом поэта.

Людмила Нукневич

«Я ХОЧУ БЫТЬ ПОНЯТ И Т.Д.»

Латвийское общество русской культуры (ЛОРК) издало альбом «Ветка вербная» с графикой, стихами и переводами Владимира Глушенкова. Скромным тиражом в 100 экземпляров. Уже поэтому альбом в скором времени обречен стать библиографической редкостью. Но не только поэтому. Глушенков – фигура в латвийской культуре знаковая и во многом не понятая...

В.Глушенков. Автопортрет. 1970-е гг.?

...Немолодой уже человек в растрепанной бороде с проседью, но при котелке и белом кашне, в белых же нитяных перчатках, с круглыми очками, сползающими с носа, то буквально ползком по мартовскому асфальту и холодной мартовской земле – через неделю Вербное воскресенье, то пешком, толкая перед собой выдавшую виды детскую коляску с непонятным, на первый взгляд, скарбом, движется от парка Победы, с заходом в парк Аркадия к озеру Марупес. Человек в котелке с двенадцатью остановками считывает с помятых листов стихи. На пути, оторвавшись от мокрой земли, заправляется, заодно с задвинскими бомжами, спиртным, ползет или движется почти вприпрыжку дальше...

В.Глушенков. Автопортрет. 1995 г.

В.Глушенков. Автопортрет. 2000 г.

Это краткое описание кино-хеппинга, диск которого вложен в аккуратный карманчик на обложке изданного альбома. Человек в черном котелке и при белом кашне – Владимир Глушенков собственной персоной. В лаконичном и содержательно емком предисловии к «Ветке вербной» историк культуры Борис Равдин перечислил ипостаси Глушенкова: живописец, сценограф, график, поэт, пейзажист-реалист, портретист. А также человек-хеппинг и «персонаж городского пейзажа». Он же, как сказано в тезисах Равдина, автор нескольких ра-

бот для католических храмов Латгалии, приглашенный кардиналом Я.Пуятсом.

В альбоме с полсотни графических работ Глушенкова. С графикой его все более или менее понятно, она не требует специальной расшифровки неких тайных знаков и символов. Будучи отменным рисовальщиком, Глушенков делает и очень точные уличные зарисовки – посмотрите в его наброски детских и взрослых фигур, и рисует портреты друзей-знакомых, и просто запечатлевает движение, которое – в стоп-кадре от живописи – вторит Гёте: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!». В альбоме много как бы виньеток, названных Орус'ами (словосочетания «как бы» «словно бы» и т.п. едва ли не обязательны, когда речь о работах Глушенкова, коль скоро однозначного толкования они не предполагают изначально). В этих Орус'ах можно, при желании, разглядеть все что угодно: обнаженные фигуры, диковинных зверей, деревья и листья, чьи-то руки-ноги-глаза-шляпы etc. И все это перевивается, перетекает одно в другое, составляясь в законченную и одновременно конца не имеющую композицию.

Хотя наличествуют и вполне традиционные рисунки Старой Риги, наброски фасадов знакомых зданий, портреты и просто детали будущих картин.

С поэзией Владимира Глушенкова все намного сложнее. Прочитую опять же написанное Борисом Равдиным: «Стихи Глушенкова не менее живописны, чем его художественные работы. Глушенков – преимущественно поэт штриха, детали, словосочетания, строки, лишь изредка – строфы и более. Сплетение красок и мокрых звуков. И немного музыки, атональной, плюс какой-то внутритекстовой живописности. И неудержимое стремление разрушить стих, колом поставить строчку или пару строк...».

Точнее и лучше про поэзию Глушенкова сказать трудно. Стихи его, без знаков препинания, нарушающие общепринятые правила грамматики и синтаксиса, на первый взгляд загадочны и непостижимы. Вот для примера хотя бы одно из них:

*В Задвинье субкультуры пыль,
утрачен ключик предысторий
и по долинам
и по взгорьям
и все дворы полны крапив.*

*Забор косил,
глаза мозолил,
Калитки заперты на скрип.
Соседей тьма,
не просят соли.
Не выкорчевывались ни
(но это не играло роли).
Запущен стадион чудес,
эстрады видят сны гуляний,
мосты сожгут островитяне
и лягут в трезвость. Наотрез
защитных кутаясь сетями
ржаветь. И партизан петлями...*

Владимир, кстати сказать, любил Задвинье и тамошних божей именовал апостолами Задвинья. И по-своему сам был городским «апостолом». Он, случалось, охотно рассказывал непонятливым, о чем его стихи. Рассказам этим верить можно было разве что понарошку, потому как в следующий раз он рассказывал о том же совсем-совсем другое. И ведь не лгал ни в первый раз, ни в десятый – просто так в очередной раз ему подумалось, придумалось.

Глушенкова теперь норовят записать в сюрреалисты. Может, оттого, что «чистых» сюрреалистов в наших краях как-то не народилось, из писсуара сделать, на манер Марсея Дюшана, объект искусства никому в голову не пришло, а положить на стихи безусловную внутреннюю свободу вкупе с реальностью внимательного взгляда окрест и реальностью, близкой к сновидческой, вообще мало кому дано. У Глушенкова же свободы ЖИТЬ и ПИСАТЬ, что картины, что стихи, хоть отбавляй.

Однако Глушенков – так мне видится – ближе к земле, к собственной среде обитания, нежели к виртуальной, по определению, сфере мысли. Он в большем, глубинном родстве со всем, что на земле произрастает, – с травами, деревьями, человеками, рукотворными свидетельствами разных времен и обстоятельств. Он сам их плоть и кровь, и оголенный нерв, и, надо думать, знает это про себя. А поэзия, она ведь и впрямь разлита повсюду, и она диктует кому-то образ жизни и искомые строки.

Что же до внешних атрибутов, тех же неизменных котелка и кашне, равно как «автоматического письма», провозглашенного адептами сюрреализма, то это дань, скорее, форме, удобной одновременно для защиты от высоколобых умников либо просто придурков и для привлечения к себе внимания избранных. Избранных им самим.

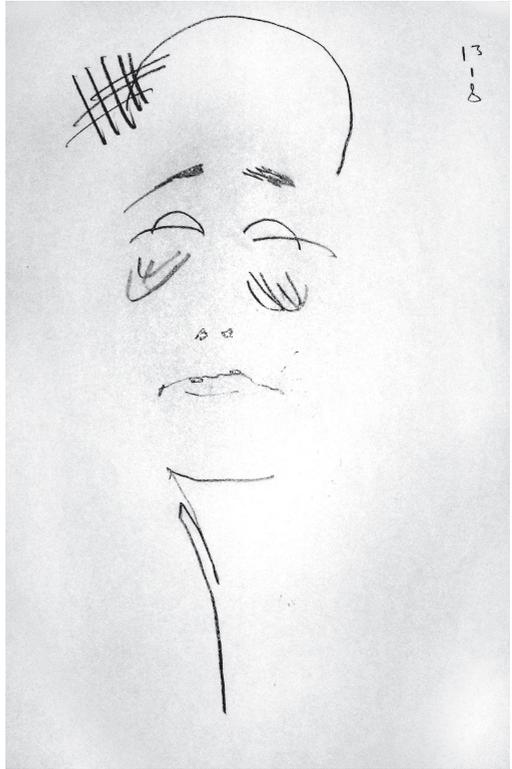
Возвращаясь к хеппенингу, заснятому на видео...

Ползком по мартовскому мокрому холоду Глушенков двигался на поклон к дому Ояра Вацietеса, поэта, любимого им наравне с другим поэтом – Александром Чаком. На поклон, как сам произнес, «со всей нежностью одинокого сердца». И читал на пути собственные избранные переводы из латышской поэзии, числом ровно в 12.

В конце заснятого хеппенинга идут, как водится, титры. Названы, причем несколько раз, имена Вацietеса и Чака, самого Владимира Глушенкова, а также упомянуты городские голуби, Вольфганг Амадей Моцарт, актриса Мария Берзиня, прочие участники и зрители этого действия. Шрифт титров убористый, прочесть можно, только нажав на «стоп». Текст – на латышском. А среди латиницы почти незаметная, как бы упрятанная в текст, строка кириллицей: «Я хочу быть понят и т.д.».

Может быть, Глушенкова, которого нет среди нас уже семь лет, и город по нему явно скучает, поймут сегодня. Кто-то да поймет.

Первоначальный вариант рецензии опубликован в рижской газете «Вести сегодня» (12.12.2016).

*В. Глушенков.
Автопортрет. 2008 г.*

Я МОЛЧУ

*Интервью с режиссером Виестуром Кайришем**

Перевод с латышского Л.Н.

Говорить, что думаешь, в Латвии нельзя. Такое вот мы сформировали общество, и в этом пиррова победа политиков, утверждает режиссер Виестурс Кайришс. В последние годы он редко давал согласие на интервью, предпочитая разговорам творчество. 1 ноября 2016 года в кинотеатре Kino Citadele состоялась премьера его фильма «Хроника Мелании». Картина снята по мотивам воспоминаний Мелании Ванаги в романе «На берегу Вельупе» (*Veļupes krastā*). Она рассказывает о шестнадцати годах депортации в Сибири, о своей борьбе за сохранение человечности, чувства собственного достоинства и просто за выживание.

«Хроника Мелании» рождалась долго и трудно?

Это из-за ситуации с финансированием в латвийском кино. Картина не из числа проектов по случаю 100-летнего юбилея Латвии, на которые есть деньги. Это обычный для кино нищенский проект, и много лет ушло на поиски и привлечение финансов. Я довольно быстро нашел продюсера, однако поддержка оказалась скромной: немножко денег дали, но толком ничего делать ты не можешь. Тем более что это исторический фильм, и невозможно просто выйти на улицу и сразу начать съемку. Нужны декорации, костюмы. Может, и хорошо, что картина рождалась так долго, – было время продумать все, понять, исследовать.

Швейцарская актриса Сабина Тимотео, которая сама наговорила и латышский, и русский тексты главной героини, проделала героическую работу?

В принципе такое невозможно, это ненормальная практика. Сабина – швейцарка, она говорит на нескольких, пяти или шести, языках. В Швейцарии Сабину учил языку консультант, мы отправляли ей образцы текста, и, приезжая на съемки, она с каждым разом говорила по-латышски все лучше. Для меня же самым существенным было то, что она не актриса, а профессиональная танцовщица. Причем очень хорошая. Сабину Тимотео уже приняли в штат Дюссельдорфской оперы, но она ушла из балета, чтобы стать актрисой. Сниматься начала рано, еще в школьные годы. В Сабине есть особое обаяние, суггестивность. У нее такое ... музыкально-телесное восприятие мира. А я как раз хотел найти на роль Мелании не актрису. Чтобы она больше

жила и соперживала, чем играла. Я искал Клауса Кински женского рода.

Где ты ее нашел?

Просто так случилось. Я видел ее в нескольких фильмах на Берлинском кинофестивале и запомнил. Это большое приобретение – наша встреча. Сабина очень харизматична, она терпеть не может, когда ее воспринимают этакой звездой. Ей нравилось разговаривать с простыми латгальскими тетушками и русскими старушками из Латгалии – бог весть на каком языке. И латышский, и русский языки были для нее в новинку. А самое смешное, что в эпизодах, где Мелания должна говорить на немецком, который Сабина отлично знает, говорить ей полагалось как если бы на чужом языке. Я часто старался использовать то, как она движется. Тело и разум у нее настолько единое целое, что очень хотелось сохранить и присущую ей эмоциональность, и ее голос. Сабина сама наговорила текст в студии звукозаписи. Чудо, что она смогла это сделать.

Почему вы снимали в Латгалии и в Карелии, а не в России?

Потенциальные копродюсеры сразу сказали нам, что с такими проектами в России появляться незачем. Хотя в своих soft-программах на историческую тематику российское телевидение слегка касается этих тем, но делать это без «правильного» исторического взгляда там еще не готовы. Мы и сами еще к этому не готовы. Начиная фильм, я был поражен тому, что в Латвии не желают говорить на эти темы. Во-первых, это неприятно. Во-вторых, у многих бизнес с Россией, и можно навредить ему. Хотя фильм не против России. В конце концов в России ведь официально осудили сталинский режим. Когда люди стали возвращаться из ссылки, они здесь не могли найти себе места, никто на самом деле не хотел связываться с ними. Они так и остались никому не нужными. Кто-то воспринимал их просто как неудачников, не сумевших приспособиться к тому времени. Или же – что им просто не повезло, поскольку всё тогда нередко определяла чистейшая случайность. Мне важно, чтобы мы, в Латвии, смогли говорить об этих вещах спокойно, – что именно это было, почему так случилось; это нужно для того, чтобы подобное никогда не повторилось.

В документальном кино о депортациях в Сибирь на протяжении уже многих лет рассказывает режиссер Дзинтра Гека.

Дзинтра Гека эту тему разработала фундаментально. Благодаря ей мне удалось самому добраться до деревни Тюхтет, что между Красноярском и Томском, там жила в ссылке Мелания. Мы с Иевой Юрьяне полетели и присоединились к экспедиции фонда «Дети Сибири», проехали на микроавтобусе от Красноярска до Томска. Это было важное и эмоционально тяжелое переживание – увидеть изнутри, как высланные жертвы и их родственники в лесах искали захоронения своих близких. Почувствовать, какая она, эта Сибирь.

Вы увидели Сибирь сегодняшнюю, но ведь фильм о 40-50-х годах.

Тамошняя природа по-прежнему впечатляет. Когда я попросил, чтобы меня по дороге завезли в тайгу, в окрестностях Тюхтета тайги обнаружить не удалось, она основательно вырублена. Хотя деревень, в которых не было бы электричества, мы не увидели, бедность в деревнях и селах всё та же, они словно бы выпали из времени. Сибирь – это как музей времени. Я ощутил простор, ширь, масштаб и неопиcуемый хаос в мыслях. Меня это пленило, люди в Сибири очень интересные. Для меня Сибирь ассоциировалась с красотой ее природы. Я старался проникнуться ею, увидеть ее глазами Мелании Ванаги, – в ссылке природа стала для нее единственной духовной альтернативой, спасающей душу. В фильме я искал способ, как это показать. Для Мелании это оказалось важным и в Латвии. Она считала, что каждый человек должен исследовать одну реку, и собственноручно написала семь томов – исследование Аматы. Сын довозил ее до леса, и там она пропадала на два-три дня, обозначив место на обочине шоссе веткой с привязанным к ней шарфиком.

Мир знает о геноциде нацистов по отношению к евреям, но достаточно ли он осведомлен о размахе депортаций во времена сталинского режима?

Белорусский актер Виктор Немец, который в фильме играл местного начальника Ампалова, спрашивал, не были ли герои фильма депортированы по причине сотрудничества с нацистами. И не мог понять, что людей выслали просто так, ни за что. Это притом, что депортации коснулись и многих белорусов. История являет разные концепции в отношении двух аналогичных режимов – нацизма и сталинизма. Германию после поражения в войне победившие силой заставили искоренить нацизм, преодолеть его. В 1989 году, когда разрушили Берлинскую стену, мы увидели, на какой стадии развития

оказалась Западная и на какой – Восточная Германия. Сталинизм в Восточной Германии не подвергся форсированному анализу. Там не было ни единого трибунала, международного суда, аналогичного Нюрнбергскому. Мы видим, что страны, пережившие сталинский режим, так и не сумели освободиться от него, начать развитие по-новому. Более того – в России он даже становится популярным.

А тут еще и философствования, была и или не было в Латвии советской оккупации?

Это как раз составная часть контекста. Нужно понимать, что и в Латвии смена власти произошла очень формально. Украинский режиссер фильма «Представление» Сергей Лозница, в прошлом году получивший награду Рижского международного кинофестиваля Riga IFF, использовал архивные материалы, заснятые в Петербурге во время путча августа 1991 года. В одном из кадров виден и нынешний президент России Владимир Путин. Фильм показывает, что все это был спектакль, для народа. Понимая, что дальнейшее развитие СССР в прежнем виде невозможно, власть озаботилась тем, чтобы в народе сложилось представление, – строй, мол, поменялся. Хотя чекисты продолжали все контролировать и всем управлять.

Чувство такое, что в Латвии после песенной революции тоже сменился только фасад, фасад перекрасили. Развитию Латвии очень мешает то, что здесь у нас не отмежевались категорически от всех, кто сотрудничал с преступным режимом. А контекст даже и того глубже – та история не завершена, и та война не закончена. Первый шаг на этом пути заключается в том, чтобы осознать сам этот факт и говорить об этом. Я много говорил об истории, но съемки «Хроники Мелании» для меня были в первую очередь продиктованы художественными соображениями.

У тебя была и личная мотивация?

Из моих ближайших родственников никого не выслали. А вот наших сельских соседей выслали. О Мелании Ванаге первым рассказал мне художник Илмарс Блумбергс, когда мы вместе работали над «Волшебной флейтой» Моцарта в Латвийской опере. Он, как и писатель Олафс Гутманис, был одним из «детей Мелании», о которых она заботилась в Сибири. У Илмарса был великолепный рассказ. О том, как Мелания на его десятый день рождения подарила ему ужасную историю про бурундука, которого выманило на весеннее

солнышко брачное посвистывание суженой. Звук этот вскружил голову и петлей обвился вокруг его шеи. А оказалось, что петлю эту поставил охотник...

Написанные Меланией тома воспоминаний больше, чем биография. Суггестивная сила ее личности поражает. В Мелании было особое духовное напряжение, она нисколько не интересовалась обычными сплетнями и толками. Ее невестка говорила мне, что у Мелании было бы о чем поговорить со мной. Но случись наша встреча, она помешала бы мне снять фильм. Мне хотелось максимально отстраниться от субъективности в восприятии. Поэтому мне понравилась Сабина в этой роли. Память и ассоциации в латышах так густо замешаны, что латышской актрисе было бы сложно сыграть Меланию.

Когда ты начал работать над фильмом, на Украине еще не было «зеленых человечков», еще не аннексировали Крым. Эти события повлияли на фильм?

Они укрепили во мне ощущение необходимости чуть ли не ежедневного бескомпромиссного отстаивания интересов своей страны, внутренне никогда не предавая идею Латвии. Мы ведь понимаем, что сама идея латвийской культуры экономически невыгодна. Легко примкнуть к культурам более мощным и создавать произведения, которые ограничивали бы способность нашего государства противиться внешнему влиянию. Надо в конечном счете рассматривать культуру Латвии как элитарную и бороться за это, а не с готовностью снимать фильмы, в которых искажается история Латвии.

В нашем государстве всё в основном вращается вокруг экономических интересов, а они противоречат интересам существования национального государства. Поэтому вся наша власть пребывает в позиции абсурда – всё, чего она хочет достичь, это так называемое «благополучие». Но такое стремление в себе самом содержит противоречие: поддерживать культуру, у которой на рынке нет шансов стать самокупаемой, самовоспроизводимой, поддерживать кино, литературу, классическую музыку, которые никогда не смогут окупить себя...

А культура по-прежнему пребывает в статусе дармоеда? Недавно публично озвучили «рекомендацию» – деньги на финансирование культуры перенаправить на здравоохранение.

Ситуация может развиваться на пользу культуре, только если есть

люди, в том числе министр культуры, которые способны стукнуть кулаком по столу и твердо заявить – вы это прекратите! Такие, к кому прислушиваются, с кем считаются, кого боятся.

Уже по меньшей мере лет десять наши министры культуры подчеркивают роль культуры для общества, равно как и ее позитивное влияние на экономику.

Милая такая возня. При этом я хорошо помню, какой скандал разыгрался по поводу того, что слишком дорого обошлись гастроли в Берлине оперы Артура Маската «Валентина». Хотел бы я видеть, как министр иностранных дел Эдгар Ринкевичс стукнул кулаком по столу и заявил: да, это дорого, но мы должны это делать, если уважаем самих себя! Я бы хотел, чтобы больше усилий прикладывалось для развития нашей культуры. Но когда у нас начинают кучковаться и писать письма, всё в итоге сводится к интересам каких-то групп, как и вообще всё во всей нашей политике. Есть только группы, представляющие частные интересы, и начисто отсутствует какое бы то ни было общее видение.

Что делать в такой ситуации?

Каждому бороться внутри собственной профессиональной сферы. Я это ясно вижу по себе. Если бы меня спросили, что происходит в политике Латвии, – я ею больше не интересуюсь. Я понял, что политики добились главного – в обществе равнодушие, апатия. Власть одержала большую победу. Сейчас в Латвии правит бал стагнация, поскольку сферы влияния уже поделены. Ситуация ужасная. Я даже не знаю, как реагировать, поскольку считаю, что сам я эту борьбу проиграл. Я часто говорил обо всем этом, но вот уже год как отказываюсь давать интервью, поскольку понимаю, что превращаюсь в клоуна. Все только посмеиваются, и нет никакой возможности повлиять на эту стагнацию, на это болото. Мне неинтересна роль человека, который может сказать что-то остроумное, но в чем нет ровно никакого смысла. По-человечески я потерпел поражение – подчинился тому, чего хочет элита власти. Теперь я буду думать исключительно о своем искусстве и не думать о том, что происходит.

Почему ты больше не хочешь давать интервью?

В интервью я старался говорить то, что думаю. В результате возможность высказывания непосредственно через собственное творчество снизилась. Видя, что сказанное в интервью только мешает

моей профессиональной карьере, я тоже стал политкорректным и просто замолчал. Надо открыто признать: в Латвии я не могу говорить того, что думаю. Когда-то мы играли в демократию, популярно было критиковать всё и вся. Теперь критика явно ограничивает твои же профессиональные возможности.

Участвуя в передачах, в дискуссиях с политиками, я заметил, как политики отвечают на вопросы, – в их ответах нет не единой мысли, это абстрактный язык, и если говорить на нем, тебя никто не поймает на слове. В Латвии людям запрещено говорить то, что они думают. Такое мы создали общество. На Западе задача критики совершенствовать в дискуссиях общество, а наша модель – замалчивание критики, поскольку та воспринимается как мешающий фактор.

Почему следующая твоя театральная премьера именно «Пер Гюнт» Генриха Ибсена?

Я понял, что имеет смысл выбирать только такой материал, за который действительно стоит браться. Когда-то я хотел взяться за «Фауста» Гете, а «Пер Гюнт» – это северный «Фауст». Национальный романтизм мне близок, и для меня существенно, что в «Пер Гюнте» просвечивают многие по-прежнему актуальные темы. На мой взгляд, тема возвращения домой чрезвычайно важна и в принципе до конца не проработана. Как и инициация мира грез в различных локальных сообществах и вообще отношение общества к личности и отношение личности к обществу. Это темы очень актуальные. Семь кругов ада, через которые проходит индивид, всем нам отлично знакомы. Сохранение собственного «я» – высокий политический жест. Я уже давно хотел поставить «Пер Гюнт».

Как и в случае с «Меланией», это интересует меня в первую очередь с точки зрения искусства. Это все же не пьеса, а драматическая поэма. «Пер Гюнт» и «Бранд» две очень разные работы Ибсена. Остальные – герметичные, закрытые пьесы, и они в настоящий момент не близки моему художественному восприятию. А «Пер Гюнт» открытая драматическая поэма, в которой много чего можно искать и находить.

«Сегодня нечто гонит и гонит человека, заставляя его искать что-то новое, не бывшее прежде и забыть о чем-то малом, непримечательном. Искать самое главное. Дом. Людей, которые

любят тебя и доверяют тебе». В этой театральной афише процитирована твоя режиссерская концепция?

Это слишком амбициозно и труднодоступно. Но внутренне мне больше не хочется находиться в нашей реальности. Реальность порой слишком тяжела. Я бы хотел перевести режиссерский разговор в другое измерение. Этот год был для меня чрезвычайно тяжелым, с личными утратами, которые случаются единственный раз в жизни. В таких случаях ты неизбежно спохватываешься, приостанавливаешь свой бег, который все время куда-то тебя гонит и гонит, и ты это чувствуешь, но уже не понимаешь, куда и зачем. Дом – это ты сам. Хочется погрузиться в себя. Что и старался делать Гюнт, луща себя, как луковицу, пока не убедился, что сердцевины-то, ядра в ней нет. Не хотелось бы обнаружить нечто подобное, луща самого себя. Ты, может, рассчитывал увидеть внутри себя жемчужину, а там – ничего.

Ставя спектакли в Германии, ты оценил пестрое многообразие открытого общества. Сейчас, во времена миграционного кризиса и террористических угроз в Западной Европе, Латвия в мире – как оазис?

Мир стремительно и неизбежно меняется. Кто-то еще надеется, что закрыть границы – тоже способ. Но надо понимать, что даже самая хорошая политика не в состоянии остановить передвижения людей по планете. Можно только на время сделать вид – дескать, мы что-то предпринимаем. Латвию беженцы еще не запрудили только потому, что у нас очень низок уровень социальных гарантий. Этого достаточно? Не уверен. Мы вообразили себе, что мир по-прежнему может существовать в виде модели колониального мышления, что в нем есть богатые и бедные сообщества и что такого рода уравновешенное сосуществование будет всегда. Однако уже невозможно столь резкое расслоение общества. Нужно думать над тем, что означают те или иные изменения, как с ними работать, как жить.

Только в силу нашей социальной бедности мы защищены от активного присутствия в Латвии иммигрантов и террористов. Но это только вопрос времени. У нас ведь так много пустых свободных территорий!

Культура – наша сила и наше убежище?

В Германии, где в последние годы я довольно часто бывал и работал, я понял: они все тут – немцы, будь то этнические китайцы, корейцы, русские или турки. Поэтому мне давно уже кажется, что наших

русскоязычных нужно называть латышами русского происхождения. Латыш будет мультинациональным, или его скоро не станет, если мы оттолкнем этих людей. Либо латыши в конечном счете составят скромный миллион говорящих по-латышски в десятиллионной среде жителей, говорящих на других языках? Нам нужно укреплять латышскую культуру и язык, чтобы они доминировали здесь, но не надо разделять латышей и русских. Кто потом придет сюда и попытается стать латышом, мы не знаем. Поэтому отчасти в шутку, отчасти всерьез я уже некоторое время назад предложил подумать о таких миролюбивых и трудолюбивых нациях, как китайцы, вьетнамцы, дети которых пойдут в латышские школы, и которые никогда не станут оспаривать независимость Латвии. В отличие от выходцев из арабских стран, где тяжелый труд не в чести.

Были ли в Латвии серьезные публичные дискуссии о культурной политике государства? Дискуссии по существу дела. Например, о том, нужен ли Латвии еще один оркестр? Или что есть наша цель? Если у нас здесь не изменится мышление, Латвия в будущем станет просто некой территорией. Мы полагаем, что наша Латвия – маленькая страна, находящаяся в зоне влияния больших государств. Что те, большие, решат, то с нами и будет. Мы слишком низко оцениваем себя и тем самым снимаем с себя ответственность. Это фундаментальная ошибка. Мы же видим чрезвычайно пассивное отношение Евросоюза к политике России. Может, стоило бы создать союз государств – Балтии, Польши, Финляндии и всерьез задуматься, как защитить себя самим?

Мы недооцениваем того, что на самом деле в нашей власти. В нашей власти, мне кажется, сделать много больше. Начать с создания конкурентоспособной среды. Находиться под чьим-то охранительным зонтиком – значит порождать субтильную среду, в которой люди делят сферы влияния и только тем и заняты, что стараются сохранить их. Мы говорим: мы – культурная нация. Но культура в Латвии развивается только тогда, когда строится нечто новое. А это новое в первую очередь необходимо тем, кто хочет заработать на очередном заказе. Иначе построили бы мы нашу библиотеку или что-то еще? Нужно смотреть правде в глаза – культурную политику в Латвии определяют строители.

В нашей беседе три года назад, предупреждая о неминуемой гибели Латвии, главной причиной возможной гибели ты назвал самое отсутствие идеи Латвии.

Ничего не меняется. У нас развитие носит характер очередных кампаний, мы празднуем юбилеи, а общего видения нет. Хотя мы же не для того живем, чтобы отпраздновать 100-летие Латвии. Нельзя недооценивать внешние движущие силы, которые заставили нас соответствовать критериям НАТО, Европейского Союза, критериям еврозоны. Однако главного – нашей собственной позиции – я не вижу. Нет видения, и мы по-прежнему хаотично, в виде очередных кампаний движемся в направлении, которое навязывают нам некие партнеры. Я обо всем этом уже перестал говорить, просто не могу больше. Подобное происходит со многими. Мы никому больше не верим, мы уходим в свой собственный мир. Люди понимают, что они не в состоянии повлиять на окружающее, и они не тратят больше на это свою энергию. Мой собственный мир, может, и стал богаче, однако, я думаю, меня не станет, если не станет латышской культуры и Латвийского государства. Как-то я буду существовать, но уже неполноценным человеком, не тем, каким хочу быть.

* На латышском языке интервью И.Лусини с В. Кайришем опубликовано в газете “Kultūras Diena”, 26.10.2016. Печатается в сокращении.

ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Надежда Веселая

К РАБОТАМ ДЕТЕЙ НА НАШЕЙ ЦВЕТНОЙ ВКЛЕЙКЕ, ИЛИ «ЛАТВИЯ – ЗЕМЛЯ МОРЯКОВ!»

«Морской волк»

В октябре 2016 года юбилей справляла Рижская центральная библиотека (РЦБ), которой исполнилось 110 лет! Начало ей положил меценатский взнос 5 000 рублей Джона Милна, члена Рижской городской думы. Первым главой библиотеки стал заведующий церковной школы Св. Иоанна писатель Апсишу Екабс (Янис Яунземс).

Ныне у РЦБ 26 филиалов по всей Риге, а также внешние пункты обслуживания: Библиотека Солнечного дня в Детской клинической университетской больнице, а также библиотека в дневном центре Рижского приюта. РЦБ является учреждением Рижского самоуправления.

Сейчас читателям предлагаются не только книги, но и диски с литературными записями, кинофильмами, читатели могут поработать за компьютером. Выставки художников-иллюстраторов, фотографов, живописцев и графиков также доступны посетителям.

Особенно оживленно бывает на седьмом этаже библиотеки. Ведь здесь – отдел детской литературы! Красочные, умные книги захватывают внимание и первоклассников, и подростков. Также, здесь регулярно выставляются работы юных художников. Библиотека дружит со школами, с общественными организациями, проводит творческие конкурсы, на которые свои стихи, рисунки, сказки присылают не только ребята из Риги, но и изо всей Латвии.

Более десяти лет детский отдел Рижской центральной библиотеки

сотрудничает с благотворительной организацией, обществом “Grāmatas bērniem” («Книги – детям»). Ими совместно были проведены конкурсы, посвященные творчеству Яниса Балтвилкса, Маргариты Старасте, Эдуарда Успенского, Корнея Чуковского, других авторов.

Детский отдел РЦБ и «Grāmatas bērniem» организовали студию юных иллюстраторов “Mūsu zīmulis” («Наш карандаш»). Студийцы от 5 до 15 лет участвовали в оформлении книг Яниса Балтвилкса и Юриса Звиргздиньша. Книги вышли в издательстве “Rīdzene-1”.

Большой отклик в республике имел проведенный в 2016 году конкурс “Latvija – jūrnieku zeme” («Латвия – земля моряков»). Он был посвящен 190-летию со дня рождения Кришьяниса Валдемара. В организации конкурса принял активное участие Музей Айнажского мореходного училища. Главные призы – три подарочные карты на четырехместную каюту на круиз в Стокгольм предоставила компания “Tallink – Latvija”. Их получили: обладатель Гран-при десятилетний Карлис Гунарс Эйкенс из Адажи; преподаватель из Айнажской основной школы им Кришьяна Валдемара Эгита Репеле – на конкурс представлены работы двенадцати ее учеников, среди которых есть и обладатели дипломов; ученицы Рижской 95-й средней школы Алисия Мордвинова и Ангелина Захарова, разделившие первое место в номинации «Фотография».

Работы с выставки

Владимир Новиков

В 2016 году отмечалось 80-летие композитора Раймонда Паулса. Вот еще один юбилей маэстро. Ред.

55 ЛЕТ НА СЦЕНЕ – ПЕСНИ МАЭСТРО

Р. Паулса я рисовал много раз. В том числе и с натуры. В кукольном театре. Там-то Раймонда Волдемаровича хорошо знают! Ведь музыкальное оформление самой первой пьесы для театра он сделал именно в Государственном театре кукол Латвийской ССР в 1962 году. Таким образом, скоро – своеобразный юбилей: 55 лет назад Раймонд Паулс стал сотрудничать с кукольным театром. И не рвет нити, соединяющий его с детским миром по сей день: оформленных им пьес в разных театрах Латвии – более пятидесяти, из них почти треть – для кукольного театра.

Пустите к куклам!

Как же случилось, что рисовать Маэстро мне удалось «вживую»? В 1984 году я шел как-то по улице Кришьяна Барона мимо театра кукол и увидел в угловом окне (оно было там, где сейчас вход в кассу) объявление: «Кукольному театру требуется рабочий сцены». Вспомнив строки песни вышедшего незадолго до этого фильма «Вокзал для двоих»: «Не бойтесь бросить все на карту и жизнь переменить свою!...», я решил последовать этому совету. Заявляюсь к заведующему постановочной частью кукольного театра Валдемару Дзиедатайсу, тот видит по мне, что с физическим трудом кандидат на вакантное место рабочего сцены расстался сравнительно давно. Подаю завпосту трудовую книжку. – Что вы, что вы! – машет он руками. – Вы не думайте, что в кукольном театре все маленькое, кукляшечное. Нет! У нас есть тяжеленная подестура, которую надо ставить к примеру, к спектаклю «Швейк». И декорации – не игрушки! На гастроли театр ездит часто: и на Украину, и в Россию, рабочим сцены потаскать много чего приходится. Твердо отвечаю:

– Хочу таскать!

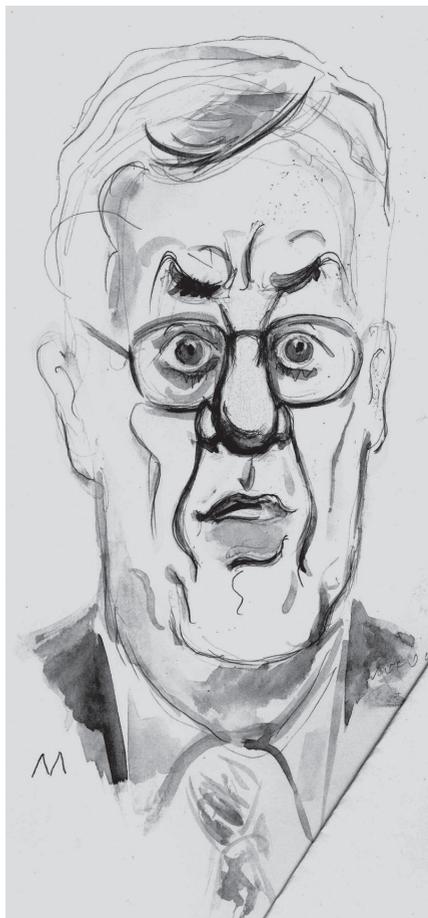
Так я оказался там, где должен уже был находиться давно: среди кукол, среди сказок, среди разных, и тем интересных, актеров... Хотя господин Дзиедатайс оказался прав – в начале было нелегко, зато мышцы я накачал прилично, это радовало.

**«Весь мой дом портретами
увешан...»**

И вот узнаю вдруг, что наша группа будет ставить спектакль для взрослых по повести Мартти Ларни «Четвертый позвонок». А музыку к нему пишет сам Раймонд Паулс!

«Нарисую его, когда будет премьера!» – решил я. И вот – премьера! В театре – праздник! После спектакля все участники представления ждут Маэстро с супругой у заставленного яствами стола. Специально для Паулса – большая бутылка минеральной воды. И вот он и его супруга Лана – с нами. Все наполняют бокалы. Паулс произносит тост одним из первых. Он вдохновенно поздравляет всех, кто работал над спектаклем, вспоминает добрые времена, когда писал песни для живого оркестра, когда оркестр шел за певцом, а не исполнителю надо было подстраиваться под магнитофонную ленту с записью.

Слушая Раймонда Волдемаровича, я рисовал...

Вл. Новиков. Раймонд Паулс (2016)

Волшебник Арнольд Буровс

О спектаклях с музыкой Раймонда Паулса в Латвийском кукольном театре говорят очень уважительно, порой восторженно. Особенно о первых постановках, когда он работал с великим режиссером-кукольником Арнольдом Буровсом, который как-то пришел в театр и вдохновенно заявил:

– Ставим пьесу Софьи Прокофьевой и Валентина Андриевича «Дядя Мусор»!

Шел 1962 год. Что ни делал Буровс, получалось необычно, нестандартно, весело. И новый спектакль он не хотел делать по знакомым готовым лекалам. Режиссер решил поставить мюзикл для детей. К сотрудничеству пригласил молодого композитора Раймонда Паулса.

Спектакль получился веселый, озорной. Он был почти готов, когда о постановке пьесы узнали в Министерстве культуры. Там «встали на дыбы». Буровсу было заявлено:

– Что?! Джаз для детей?! Да какими мы их воспитаем?! Даже не заикайтесь о своем «Дяде Мусоре»!

Режиссер объяснял:

– Спектакль веселый, понравится всем. Музыка написал молодой талантливый композитор Раймонд Паулс...

– Нет! Нет! Нет!

Арнольд Буровс мобилизовал весь свой талант дипломата – и чиновники согласились посмотреть спектакль.

Вне конкурса – победа!

Когда же на сцене кукольного театра началось действие, представители Министерства культуры словно вернулись на много лет назад – и превратились в детей. Они радостно смеялись, порой вскакивали со своих мест...

Спектакль был принят. А тут как раз в Варшаве проходил международный фестиваль кукольных театров, посвященный VIII съезду Международной организации кукольников (UNIMA). Официально латвийцы представили на фестиваль «Тип и Тап» и инсценировку польских народных сказок. А «Дядя Мусор» отправился в Польшу, как внеконкурсный. На фестивале шли сразу по два спектакля, в двух залах. Один – в большом, – представленный на конкурс, второй, внеконкурсный, показывали в зале поменьше. Когда шел «Дядя Мусор», произошло чудо: после антракта в малом зале яблоку стало негде упасть, туда перекечевали зрители из большого – на кукольный мюзикл «Дядя Мусор», о мальчишке-неряхе Сереже Замазкине.

Зрители, захваченные стремительным действием на сцене, вставали с мест, аплодировали и подпевали мелодиям Раймонда Паулса.

Успех был невероятный. И внеконкурсный спектакль Государственного театра кукол ЛССР получил почетный приз, обойдя театр Сергея Образцова...

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ГАСТРОЛЬНО-КОНЦЕРТНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ТЕАТР ЭСТРАДЫ

Улица Нелябова, 27

Телефон А 4-01-30

СПЕКТАКЛИ

ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА КУКОЛ ЛАТВИЙСКОЙ ССР
(Г. РИГА)

ДЛЯ ДЕТЕЙ

14, 15, 16, 17, 18, 19, 26 МАЯ 1963 Г.
(в 15 ч.)

В. АНДРИЕВИЧ и С. ПРОКОФЬЕВА

ДЯДЯ МУСОР

Пьеса в 2-х действиях

Музыка Р. Паул
Режиссер и художник А. Буров
Скультпатор А. Ноллендорф Ассистент режиссера Л. Бирманис

20, 21, 22, 23, 24, 25 МАЯ 1963 Г.
(в 15 часов)

Б. САУЛИТ

ЧЕТЫРЕ МУЗЫКАНТА

Пьеса в 2-х действиях, 4-х картинах

Композитор Р. Паул
Скультпатор М. Ауструма
Режиссер и художник А. Буров
Концертмейстер Л. Шинтляйна
Спектакль ведет А. Гришин

УЧАСТВУЮТ:

Л. Бирманис, А. Гришин, Н. Далга, С. Демьянова, В. Правест,
С. Суханов, К. Сурвилло, А. Реин, Н. Тихонова, Т. Хитаршвили

Начало в 11, 12 и 15 часов

БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ
У ТОВА.

Цена билетов от 40 до 60 коп.

На гастролях в Польше. 1962 г.

ГОДОВЩИНЫ

Людмила Нукневич

ИДЕШЬ ВЗГЛЯДОМ ПО СКУЛЬПТУРЕ, И ТА НАЧИНАЕТ ДВИГАТЬСЯ...

Размышления post factum по случаю тихого юбилея Виктории Пельше

Вот ведь, как в воду глядела. Еще с год назад я предположила, что юбилей Виктории Пельше, скульптора редкого дара в скромном нашем отечестве, пройдет скорее всего без парадных фанфар и славословий. Ни славословий, ни правительственных наград по случаю – тишина. Хотя, согласитесь, 80 – дата, сама по себе внушающая почтение и подспудное чувство благодарности. Однако – не случилось. Виной ли тому в очередной раз фамилия, на которую у местных устойчивая идиосинкразия, или в нашем местном мире искусства каждый так тянет одеяло на себя, чтобы всем прочим было стыло и одиноко, судить не берусь. Хотя пенять и пинать за фамилию по меньшей мере смешно. Политика Викторию никогда не занимала, парадных портретов она никогда не ваяла, а если и тираны порой любят прекрасное и иногда даже понимают в том толк, так при чем тут художник? Что касается дружного молчания коллег по цеху, то ведь Пельше ни при какой власти ни к какой стае не прибывалась, была и осталась островом, живущим по собственным законам.

Потому не удивительно, что случилось то, что случилось. Хотя и немного обидно. Зато себе в утешение, а может быть и другим, я вспоминаю о явлении, коему сама была свидетелем.

Летом не прошлого – уже позапрошлого года в зале Rietumu banka прошла выставка Виктории Пельше, которую в прежние годы называли бы, вероятно, не слишком благозвучным словом «отчетная». Работ на ней было действительно много, от ранних до совсем недавних. И было на удивление много пришедших на открытие экспозиции. И все вроде бы привычно и узнаваемо – приветственные, но очень искренние, речи, цветы, аплодисменты и где-то сбоку накрытый стол. Все было, как всегда. И все было – не как всегда. И я не сразу уловила, в чем, собственно, дело...

Дело было – в лицах. По залу бродили счастливые какие-то люди с блуждающими, почти блаженными улыбками. Ну прямо как

школьники на утреннике, не избалованные праздниками и особым вниманием, подумалось мне. Хотя «школьники» очень разного возраста, от древней почти старушки, ревнивым и крайне взыскующим оком впивающейся в работы Пельше, до юной пары с младенцем на руках. Равно как фланировали и деловые люди с дипломатами и включенными мобильными телефонами. Цветов было море, а в воздухе пахло, простите за слово, добром и теплом.

Позже в разговоре сама Виктория несколько даже растерянно прокомментирует случившееся: «Я не ожидала такого тепла, направленного в мою сторону».

Вот ведь вопрос – с чего бы, спрашивается?

Да, с чего бы? Я не искусствовед и не берусь определить, каким таким образом Виктории Пельше удастся чувства добрые лирой пробудить. Да и излучение тепла, вызывающего обратное тепло, категория явно не искусствоведческая, а скорее из области физики или, там, метафизики. Но по странной, казалось бы, ассоциации я вдруг вспомнила, как однажды летом с час, наверное, просидела в Петровском парке, наблюдая за ребяточной, ползающей по «Леопардам» Пельше. Помните – большие такие звери, убедительные, одним мощным хвостом, кажется, дух вон вышибут. А ребята отчего-то не просто их не боялись, они обходились с ними примерно так, как малыш, волокущий кошку, обхватив ее поперек живота (если, конечно, та кошка соизволит ему

это позволить). И будто не с каменным изваянием имели дело, а с чем-то живым и, может быть, теплым, как все живое. Живое, как дерево, солнцем нагретый камень, или приморский песок, или стриженная макушка ребенка.

А ведь, думала я, невозможно представить, чтобы с такой же безбоязненностью и охотой люди тактильно общались, скажем, с чудисцем обло-огромно-зазорным – «Палеолитической Венерой» местного изготовления, что украшает вход в нашу Академию художеств, могучим чревом, являющим собой, по мнению исследователей, символ человекоплодородия и изобилия (очень актуальная для Латвии тема, не правда ли?). Хотя и у самой Виктории есть похожая работа из цикла «Скифские бабы». Красота, она действительно – в разном, и у разных времен свои предпочтения, идеалы и фетиши. Что созвучнее нашему времени, какая нынче «красота» воспринимается с трепетом душевным, а какая вызывает холодные игры более или менее изощренного ума?

Работы Пельше вызывают ощущение живого, да, – но отчего живое-то? А что если объяснение заключается в классической формуле: тело есть проекция души или, как сказал Виктории один художник, «в твоих торсах живет душа»?

Но в таком случае немедленно всплывает другой вопрос: а современная скульптура, в которой, как правило, нет ничего атропоморфного, человеческого, а если и есть нос, или уши, или руки, то неведомо откуда растущие и выпирающие, – это тоже суть проекция какой-то души? Чьей именно – автора? зрителя? может, космоса? Как ни ответь, вползают жуть и мрак крошечный, ну никак не прибавляя симпатии к такому человечеству, к такой душе.

Да-да, эстетика и этика в искусстве сплошь да рядом ходят разными дорогами. Культура может пробудить в человеке что ангела белокрылого, что зверя; и то и другое, понятно, наличествует в каждом из нас. Значит ли это, что все зависит от, так сказать, авторского целеполагания? И это «полагание», осознанное или интуитивное, достигает, бывает, означенной цели. Как в случае с выставкой работ Виктории Пельше, по которой бродили счастливые люди с блаженной улыбкой на лицах? Что произошло, обнаружилось дружное «совпадение по фазе» в восприятии прекрасного или люди уже просто устали до смерти от чудовищ живых и рукотворных?..

...Как-то я спросила Пельше, как она относится к знаменитому «Красота спасет мир». Ответила сразу, словно бы о чем-то давно решенном и понятном: «Не знаю, как мир, но меня она, точно, спасает. Для меня это наслаждение. Если я не буду видеть красоту, мне станет незачем... быть. Бессмысленно. И не знаю, как там насчет Бога, но вот в ноосферу я, точно, верю. Мое видение красоты оно не пропадает, оно где-то там запечатлевается...».

Мое вольное добавление к сказанному Викторией. Есть такое старинное слово – любование. Любование, по В. Далю, значит: «избирать любуе, избирать по нраву, любоваться – чем или на что; смотреть на что с любовью, с удовольствием; осматривать, что нравится, наслаждаться созерцанием».

Но довольно моих рассуждений и знаков вопроса. Тем более что сама Виктория Пельше говорит о скульптуре просто как мастер, от лично знающий свое дело. Ей слово.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ ВИКТОРИИ ПЕЛЬШЕ ИЗ ФОНОГРАММЫ К ФИЛЬМУ «ЖИВОЕ»*

...Что такое скульптура, пластика? Пластика – путь для глаза, другому я не могу сказать... Нельзя остановиться, скажем, вот тут и не пойти дальше. Идешь взглядом по скульптуре, и та начинает двигаться, выражаться начинает.

Хотя бывают такие скульптуры – бух-пух-пух, один раз посмотрел, и все ясно (смеется). Ну нету никакого хода. Притом что человеческое тело имеет бесконечное число пластических ходов.

Вообще же ощущение пластики появляется снаружи. Появляется, как музыка, – извне. Начинается какое-то волнение, хорошее такое волнение.

Не источник, а скорее условие его появления – среда, атмосфера. Атмосфера! И ощущение пространства. Первый раз это чувство пространства появилось, когда я работала у Эрнста Неизвестного. Я осознала, что такое пространство. Это не зеркало реальности, не поза, не пластика. Ощущение пространства вообще. Пространство, оно очень связано с ощущением среды, напряженностью среды. И это моя основа, моя почва, это воздух скульптора. Поза, движение, глаза – это уже потом. Жизнь в пространстве!

А процесс вхождения в работу похож на раствор, который насыщается, насыщается, насыщается, и в какой-то момент – раз, и выпадает кристалл.

В начале творчества я была больше в себе. Сейчас я больше вижу то, что вокруг. Например, раньше я не ценила такой вот день, как сегодня, серый, а сейчас смотрю – он прекрасен, серый, просто серый день.

Хотя знаете, это чревато. Потому что видишь слишком много кра-

сивого вокруг, притом что в искусстве должна быть какая-то сосредоточенность на своем.

Но и сосредоточенность на своем чревата – неизбежностью повторов. Вот поэтому, наверное, мне звери нравятся. Попробуй сделать одинаково филина и орангутанга. Я начинала со зверей, и сейчас мне тоже нравятся звери. Вот сейчас я медведя с медведицей делаю. Другая пластика, другая идея. Хотя есть в них и общее – я их все-таки очеловечиваю. Это, может быть, недостаток, а может, и достоинство...

Вопрос: Вам нравится, когда вас называют живым классиком?

Ответ: Ой, это меня немножко смешит (смеется). Потому, что какой же я классик-то? Мои работы, они все очень даже деформированные, вовсе не классические. Такая обманчивая видимость классики. Чисто классических работ у меня, пожалуй, только две – женский торс и мужской торс. Они в основе своей классические, в них нет деформации, они довольно реалистичны.

Правда, если сравнивать с современными инсталляциями, я, конечно, классик. Классика может быть в подходе к пространству, к материалам, к инструментам скульптуры, к инструментам воздействия на человека.

Единственное сейчас, что меня держит на плаву, как мне кажется... Смысл моей жизни, как и моей деятельности, в том, что видишь красоту. Это для меня... смысл жизни? Нет, так нельзя говорить. Это не смысл жизни – это награда, которую получаешь. Просто видишь красоту.

Каждый вид деятельности может открывать, то есть должен открыть красоту...

Я получаю удовольствие, только занимаясь своим делом, – пластикой. Особенно, если хорошо получается. Пластика, скульптура как бы приобщает меня к жизни. Это не какая-то моральная заповедь, это... даже сложно сказать, что это...

Ну, еще природа меня привлекает, но чтобы не только гулять, отдыхать, – нет-нет. Сейчас я, правда, отдыхаю после выставки, но уже чувствую, что-то во мне «набрякает»...

*Фильм Анатолия Репше и автора этого эссе. Подробный текст фонограммы к фильму см. на сайте www.russkije.lv

2016 ГОД

Поздравляем с круглой и полукруглой датой:

Николай Балабкин – экономист. 1926 г.р.

Валерий Блюменкранц – общественный деятель. 1936.

Петерис Васкс – композитор. 1946.

Роальд Добровенский – писатель, переводчик. 1936.

Гарри Гайлит – литературный и театральный критик, мемуарист. 1941.

Ольга Дорофеева – радиожурналист. 1946.

Юрис Звиргздиньш – писатель. 1941.

Аркадий Кац – режиссер, 1931.

Артур Никитин – художник. 1936.

Раймонд Паулс – композитор. 1936.

Виктория Пельше – скульптор. 1936.

Яков Рафальсон – артист, 1946.

Кнут Скуениекс – поэт, переводчик. 1936.

Янис Стрейч – кинорежиссер. 1936.

Чтим память

Юрий Абызов – переводчик, историк культуры, общественный деятель. 1921 г.р.

Любовь Алферова – писатель. 1946.

Алексей Апинис – библиограф, книговед. 1926.

Вольдемар Бааль – писатель. 1936.

Инта Чакла – литературный критик. 1941.

Визма Белшевица – поэт, прозаик, драматург, переводчик. 1931.

Татьяна Власова – театровед, 1926.

Юрий Глаголев – композитор. 1926.

Василий Дорошенко – историк, 1921

Каллистрат Жаков – философ. 1866.

- Борис Инфантьев – филолог. 1921.
Архиепископ Иоанн (Поммер). 1876.
Мелетий Каллистратов – общественный и политический деятель. 1896.
Волдемарс Калпиньш – министр культуры ЛССР. 1916.
Евгений Климов – художник. 1901.
Леонид Коваль – писатель. 1926.
Александр Круглевский – ученый, юрист. 1886.
Мать Мария (урожд. Елизавета Пиленко) – поэтесса, мемуаристка, публицист, монахиня в миру, религиозно-общественный деятель. 1891.
Янис Паулюкс – художник. 1906.
Янис Розенталс – художник. 1866.
Василий Синайский – ученый, юрист. 1876.
Паулс Страдиньш – врач, деятель медицины.
Михаил Таль – шахматист. 1936.
Герц Франк – кинорежиссер. 1926.
Светлана Хаенко – искусствовед. 1941.
Марианна Черкасская – певица. 1876.
Георгий Шелковой – художник. 1926.
Пауль Шиман – журналист, общественный деятель. 1876.
Валерия Шувалова – художник. 1956.

Благодарим Т.Фейгмане за помощь в составлении Календаря памятных дат - 2016. (Ред.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Виола Авдонина (1935, псевд. Ругайс) – окончила факультет русск. яз. и лит-ры Пед. ун-та (Москва) и аспирантуру по латышской литературе в Лат. ун-те. Переводит латышских писателей, от классиков – А.Упит, А.Гринс, П.Розитис, В.Лацис, до современных – В.Кайякс, З.Скуинь, Л.Муктупавела, И.Абеле, В.Румниекс и др. Переводы публиковались в книжных издательствах и журналах Риги и Москвы.

Дмитрий Артис (Краснов-Немарский) – род. в 1973 году в г. Королев Моск. обл. Окончил Российскую Академию Театрального искусства и Литературный институт им. А.М.Горького. Автор четырех книг стихотворений. Живет в Петербурге.

Елена Асенчик – род. в Витебске, живет в Гомеле. Окончила Гомельский государственный университет, где и работает на кафедре русского, общего и славянского языкознания. В 2016 году сборник поэзии «Здесь всюду небо».

Павел Астров (1983) – программист, разработчик игр. Проза публиковалась в журнале «Шпиль» (Рига), стихи – в альманахе «Письмена» (Рига) и в антологии «Русская поэзия Латвии. Конец XX – начало XXI века». Автор статей по программированию и игровому дизайну. Живет в Риге.

Олег Бабинов (1967, Свердловск [Екатеринбург]) – окончил МГУ (философск. ф-т). Занимался теорией организаций, руководит российским и евразийским подразделениями международной консалтинговой компании. Публикации в журналах «Ковчег», «День и ночь», сетевом журнале «Литература, альманахе «Стихи. Перекрёстки»; готовит к печати сборник стихов.

Улдис Берзиньш (Uldis Bērziņš, 1944) – поэт, переводчик.

Ирина Вахитова (1975) – окончила Лат. у-нт (2001), учитель русск. яз. и лит-ры. Автор стихов и песен, выступает под псевдонимом – Радогора. Постоянный автор «Рижского альманаха» с 2014 года. Живет в Риге.

Василий Ганжара – род. в Украине в 1926-м году. Служил офицером в Советской армии – был сотрудником военной газеты. После демо-

билизации окончил вуз по специальности – экономика. Автор книги «Стихотворения» (2011), сборника стихов и прозы «Тропы» (2014).

Игорь Григоров (1964) – окончил Ленинградский горный институт. «Кочевая жизнь, – сообщает автор, – началась в два года, так как отец и дед были геологами и волей профессии отец оказался на Чукотке. Там я и окончил среднюю школу»... Основатель геологической компании, которой руководит уже 15 лет. Автор пяти книг стихотворений. Публикации в журналах («Двина», «Соловецкое море», «Дети Ра», «Парус») и газетах («Архангельск», «Графоман», «Поэтоград»).

Роальд Добровенский (1936) – прозаик, поэт, переводчик, автор романов-биографий о Бородине, Мусоргском, Я.Райнисе и др. прозаических книг, переводчик Я.Райниса, А.Чака, М.Чаклайса, И. Аузиня, И.Зиедониса, К.Элсбергса и др. В Латвии живет с 1975 г.

Владимир Ермолаев (1950, Иваново) – поэт, прозаик. Окончил Ивановское музыкальное училище и философский факультет МГУ, докторантуру Латв гос. ун-та по кафедре истории философии. Публиковался в журналах «Арион», «Даугава», «Дети Ра», «Воздух» и др. Среди книг – поэтические сборники: «Танцующие улы» (2010), «Кафка» (2013), «Книга Кейт» (2014), «Семь дней с Заратустрой» (2016) и др.

Василий Карасев (2001) – ученик 10-го кл. Рижской 40-й школы. Публиковался в альманахе Пушкинского лицея «ARS». В 2015 году составил и выпустил альманах 40-й школы.

Юрий Касянич (1955) – поэт, переводчик. Закончил Лат. гос. ун-т. по специальности – физика. Автор нескольких сборников стихотворений и переводов с латышского. Составитель и редактор ежегодного (с 2012 г.) поэтического альманаха «Письмена» (Рига).

Иван Клиновой (1980) – поэт. Публиковался в журналах «День и ночь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Континент», «Интер-поэзия», «Новая юность», «Октябрь» и др. Автор книг стихов «Шапито», «Античность», «Осязание», «Латте-арт», «Варкалось». Живёт в Красноярске.

Валерий Крижевич (1978) – по образованию: экономист. Работает программистом. Печатался в коллективном сборнике липайских

авторов «Балтийский ветер» (шуточные стихи и стихотворные переводы с латышского), в городской прессе («Курземес Вардс») и альманахах «Анфилада» (Лиепая) и «Русло» (Рига). Живет в Лиепеае.

Александр Крупинин (1958) – получил высшее экономическое образование. Радиоведущий радио «Град Петров» Санкт-Петербургской митрополии Русской православной церкви. Публикации в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Белый ворон» (Екатеринбург), «Ното legens» (Москва) и др. Автор двух стихотворных сборников.

Инесе Лусиня (Inese Lūsiņa, 1958) – музыковед, педагог, корреспондент газ. «Diena» (Рига).

Сергей Морейно (1964, Москва) – поэт, прозаик, переводчик; живет в под Ригой, в Саулкрасты.

Марина Немарская (1985) – поэт, литературовед, преподаватель. Периодика: «Вечерний Петербург», «Урал-Транзит», «Молодой Петербург», «Литературная газета», «Дети Ра», «Зинзивер», «Нева», «Этажи» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Лана Никитина (1977) – бакалавр педагогики. Живет в селе Матыши (Matiši) Буртниецкого округа (Латвия), работает воспитательницей в детском саду

Владимир Новиков (1947) – поэт, прозаик, переводчик, художник книги. Автор многих сборников поэзии и прозы. Был главным редактором выходивших в Риге журналов «Гном» (1991–1995) и «Sveiki» (1993–1999).

Людмила Нукневич – окончила 4 курса отделения журналистики Лат. гос. ун-та, сценарный факультет ВГИКа. Работала в журнале «КИНО», в различных газетах и журналах Латвии. В последние годы занимается переводами с латышского. Помимо множества статей, перевела книжку Норы Икстены «Amour fou. Чокнутая любовь в 69-и строфах» (2011 г.) и книгу Лато Лапсы про Индию и Пакистан.

Евгения Ошуркова – окончила Институт инженеров гражданской авиации (Рига). Участница и неоднократный лауреат различных фестивалей авторской песни. Выступала перед аудиториями Риги, Москвы, Кишинёва, Львова, Самары, Санкт-Петербурга и других городов. Стихи и переводы публиковались в сборниках, журналах

и альманахах Латвии, России и Америки. В 2012 г. вышла её первая книга стихов «Вне сезона», в 2014-м вторая – «Своя игра». Занимается журналистикой. Живет в Риге.

Ольга Петерсон (1949) – окончила Лат. академию музыки имени Я.Витолса (класс композиции Я.Иванова). Работала редактором музыкальной редакции Лат. радио, корреспондентом газеты «Rīgas Balss», пресс-секретарем Лат. нац. оперы. Публикации переводов с латышского в журналах: «Даугава», «Родник», «Рижский альманах», «Дружба народов», «Иностранная литература», в персональных и коллективных сборниках латышских поэтов. Автор книг об артистах Латвии, составитель и переводчик билингвальных изданий Райниса и Аспазии.

Диана Пискун – ученица 10 кл. Пушкинского лицея (Рига).

Борис Равдин (1942) – историк культуры. Окончил историко-филологический ф-т ЛУ, работал в школе учителем литературы, с 1991 по 2006 гг. – редактор отдела, соредактор ж. «Даугава». Выступал со статьями и публикациями в разных изданиях. Автор, составитель и соредактор ряда историко-культурных сборников.

Ирина Ремизова (1972) – окончила филфак Молдавского гос. ун-та по специальности «Русск. яз. и лит-ра»; работает там же – преподаватель кафедры русск. филологии. Читает курсы истории русск. лит-ры XVIII-XIX веков, теории литературы, стиховедения. Книги: «Серебряное зеркало», «Прикосновения», «Неловкий ангел».

Ругайс Виола – см. Авдонина Виола.

Алена Рычкова-Закаблукская – родилась и живет в Иркутской области. Поэт, по образованию психолог. «Стихи начала писать в детстве... заплетать слова в строчки. Плету до сих пор. И не только стихи, плету всё, что можно плести: чушь, косы, коврики, кукол...» Подробнее о З. см. в альманахе «Параллель». № 28(302) (http://www.45parallel.net/alena_rychkova/).

Вячеслав Свечков (1975) – выпускник Латвийского ун-та (филфак); в 2001-2003 гг. в качестве редактора-издателя выпустил два номера журнала «Мясо» (Рига). Пишет стихи и прозу, живет в Риге.

Эмма Секундо (1944) – окончила физмат ЛУ (1970). Преподаватель математики, автор стихотворных миниатюр и рисунков, переводчик. Публикации в альманахе «Письмена», «Рижском альманахе».

Михаил Селифанов (1987) – окончил факультет социальных наук Лат. ун-та, работал в отделе социальных проектов администрации города Риги. Пишет на русск. и лат. яз., билингвальные стихи; публикует свои работы в Интернете <https://www.facebook.com/selifanovmisha>.

Кнут Скуениекс (Knuts Skujenieks, 1936) – поэт, переводчик с ряда европейских языков, литературный критик; переводился на многие языки. Окончил Лит. ин-т им. Горького (1961). В 1962 году был необоснованно осужден на семь лет исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован в 1989 г.

Владис Спаре (1953) – писатель, издатель. Окончил отделение журналистики Лат. гос. ун-та. С 1986 по 1990 год – заместитель главного редактора журнала «Авотс» / «Родник», руководит кооперативным издательством «Атмода», с 1990 года – директор издательства «Артава». Автор нескольких сборников рассказов, романов.

Роман Тименчик (1945, Рига) – литературовед; выпускник Лат. гос. ун-та, проф. эмеритус Еврейского университета (Иерусалим.).

Варвара Трухан – ученица 12 кл. Пушкинского лицея (Рига).

Владимир Френкель (1944) – поэт, эссеист. Учился в Лат. гос. ун-те, сначала на физмате, затем на истфаке. В 1964-1968 гг. жил в Ленинграде. Работал в художественном музее, в газете. В 1985 году арестован по делу о самиздате. В 1985 – 1986 годах – политзаключенный. В 1990 году реабилитирован. Живет в Израиле.

Юрий Цивьян (1950, Рига) – историк и теоретик кино; выпускник Лат. гос. ун-та, проф. Чикагского ун-та.

Ирина Цыгальская (1939) – прозаик, переводчик латышской прозы, поэзии. Автор нескольких сборников рассказов, книги эссе и зарисовок «Все судьбы трагические» (2009). Публикации в журналах «Даугава», «Родник», «Дружба народов», в «Рижском альманахе».

Сусанна Черноброва (1945, Рига) – поэт, художник, эссеист; окончила физмат Лат. гос. ун-та, училась в ЗНУИ (Заочный народный ун-т

искусств, Москва); участник персональных и групповых выставок в Риге, Москве, Израиле, Финляндии, Чехии; печаталась в ж. «Звезда», «Даугава», «Иерусалимский журнал» и др.; автор книг «На правах рукописи» (1996), «Электронная почта» (2008). С 1991 г. живет в Иерусалиме.

Майя Шварцман – род. в Екатеринбурге, окончила консерваторию, скрипач. Автор нескольких книг, в том числе сборника детских стихов с иллюстрациями автора. Музыкальный рецензент. Живет в Бельгии, работает в оркестре Европейской филармонии.

Сергей Шилкин (1954) – окончил Ленинградский технологический ин-т. Публиковался в журналах и альманахах «Крещатик», «Slovo/Word», «Журнал Поэтов», «Простор», «Сура», «Дарьял», «Южная звезда», «Ликбез», «Балтика-Калининград», «Бельские просторы», «Нижний Новгород», «Петровский мост», «Наше поколение», «Зарубежные задворки», «Информпространство», «Русский свет», «Воин России», «Природа и Человек XXI век», «Невечерний свет / Infinite», «Бийский Вестник», «Северо-Муйские огни» и др. Живет в г. Салават (Башкортостан).